

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

1/2010 (143)

«УРОВЕНЬ ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ»

Научно-практический журнал

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

СОДЕРЖАНИЕ

Бобков В.Н.	Социально-философские аспекты качества и уровня жизни	3
Субетто А.И.	Качество как геополитическая стратегия возрождения и развития экономики и цивилизации России	8
Бушуев В.В. Голубев В.С. Тарко А.М.	Качество жизни и его индексы: мир и Россия	12
Воронин А.Н., Горюнова Н.Б.	Интеллектуальная деятельность в современных сообществах глобализации	25
Матрoнина Л.Ф.	Менеджмент качества: антропологическое измерение	34
Кострикина И.С.	Качество образования в современном обществе: на пути к когнитивной квалиметрии процессов обучения	43
Савченко Т.Н. Головина Г.М.	Моделирование удовлетворенности жизнью	50
Багреева Е.В. Менджерцки Г. (Германия)	Миграция как путь к изменению качества жизни: компаративный анализ субъективных оценок качества жизни русскоязычных мигрантов в Германии и Норвегии	59
Позняков В.П.	Структура и динамика экономического сознания субъекта	67
Орефков В.В.	Эргономическое нормирование в системе качества трудовой жизни	71

**СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ И АННОТИРОВАННОЕ СОДЕРЖАНИЕ
ВЫПУСКА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

Контактную информацию об авторах можно получить в редакции журнала.
Страницы журнала открыты для дискуссионных материалов, поэтому мнение редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов.

Уважаемые читатели!

Настоящий выпуск журнала содержит результаты междисциплинарного анализа качества жизни, рост которого выступает одновременно как задача и условие успешной модернизации России.

Сущность и содержание качества жизни имеет чрезвычайно многомерный характер, далеко выходя за рамки собственно экономического анализа. Все большее внимание в изучении качества жизни уделяется философскому и психологическому осмыслению этого феномена, охватывающего широкий спектр проблем уровня и образа жизни, экономического поведения, экономического сознания, удовлетворенности собственным качеством жизни, уровнем образования, социальной и территориальной мобильностью. Использование на практике результатов междисциплинарного анализа будет способствовать осуществлению более эффективной политики повышения качества жизни населения России и ее регионов.

В *нашей* статье **«Социально-философские аспекты качества и уровня жизни на основе анализа социально-философских аспектов взаимосвязи качества и уровня жизни»** выдвинута гипотеза о возможности определения социально-классовой структуры общества на базе взаимодействия нескольких критериальных факторов. Показано, что уже двухкритериальная модель распределения населения – по денежным доходам и жилищной обеспеченности – позволяет выявить структуру материальной обеспеченности населения.

В статье известного философа и экономиста **А. И. Субетто** **«Качество как геополитическая стратегия возрождения и развития экономики и цивилизации России»** раскрывается сущность качества как цивилизационной категории и утверждается, что "революция качества" представляет собой синтез различных революций, главным итогом которых выступает образование – как "базис базиса" экономики, социальных процессов и институтов.

Отечественные ученые **В.В. Бушув**, **В.С. Голубев** и **А.М. Тарко**, представляющие основные направления естественных наук, в своей статье **«Качество жизни и его индексы: мир и Россия»** раскрывают методику авторского расчета индекса качества жизни, позволившую им осуществить рейтинг стран мира по этому индексу; анализируют причины отставания России в этом рейтинге от развитых стран и определяют перспективы ее развития через становление социогуманитарного государства.

В выпуске публикуются статьи участников прошедшей под нашим руководством работы секции «Философия качества жизни» в рамках Всероссийского Форума «Философские проблемы современной психологии», состоявшегося осенью прошлого года. Многообразие гуманитарного подхода к изучению качества жизни отражено статьях д. псих.наук **В.П. Познякова** **«Структура и динамика экономического сознания субъекта»**; д.психол.н. **А.Н. Воронина** и к. психолог.н. **Н.Б. Горюновой** **«Интеллектуальная деятельность в современных сообществах глобализации»**; к.ф.н. **Л.Ф. Матрониной** **«Менеджмент качества: антропологическое измерение»**; к.психолог.н. **И.С. Кострикиной** **«Качество образования в современном обществе: на пути к когнитивной квалиметрии процессов обучения»**; к.психолог. наук **Т.Н. Савченко** и к. психолог. наук **Г.М. Головиной** **«Моделирование удовлетворенности жизнью»**.

В статье к. психолог. н. **Е.В. Багреевой** и **Г. Менджерцки**, доктора университета г. Дортмунд (Германия), **«Миграция как путь к изменению качества жизни: компаративный анализ субъективных оценок качества жизни русскоязычных мигрантов в Германии и Норвегии»** проведен сравнительный анализ субъективных оценок качества жизни русскоязычных мигрантов в Германии и Норвегии.

Заведующий кафедрой экономики и управления в энергетике Удмуртского государственного университета **В.В. Орефков** в статье **«Эргономическое нормирование в системе качества трудовой жизни»**, подготовленной по результатам исследований организации труда на рабочих местах различных предприятий, приходит к выводу, что качество трудовой жизни, как и качество труда (процессов труда), можно оценивать на основе интегрального показателя эргономичности рабочего места, который, в свою очередь, формируется из двух количественных показателей: эргономичности выполняемых на рабочем месте трудовых процессов и эргономичности условий труда.

**Главный редактор, д.э.н., профессор,
Заслуженный деятель науки
Российской Федерации**

В.Н.Бобков

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ КАЧЕСТВА И УРОВНЯ ЖИЗНИ

Бобков В.Н.

В статье раскрываются социально-философские аспекты качества и уровня жизни, утверждается, что познание процессов и структур, взаимодействие которых происходит в основных сферах воспроизводства качества жизни, дает его онтологическую характеристику и раскрывает устойчивые связи. Выдвинута гипотеза о возможности обнаружения социально-классовых структур на базе взаимодействия нескольких критериальных факторов распределения качества жизни людей и их социальных общностей. Показано, что двухкритериальная модель распределения населения – по денежным доходам и жилищной обеспеченности – позволяет выделить основные группы социально-классовой структуры российского общества.

Ключевые слова. Качество жизни, уровень жизни, социально-классовая структура, потребности, интересы, социальные ценности.

Категория «качество жизни» с разных сторон исследуется целым рядом общественных наук, в том числе демографией, политической экономией, психологией, социологией, философией и др. И это не случайно, только при комплексной характеристике, множестве предметов изучения общего объекта исследования – общества, может быть раскрыто его многообразное содержание. В социально-философском аспекте познание качества жизни заключается в онтологической, аксиологической и гносеологической характеристике этой субстанции общества (предмета¹), и включает в себя характеризующие ее **процессы и структуры**.

Мы исходим из того, что **процессы** включают совокупность взаимодействий, связей и отношений между людьми и их социальными группами по поводу обеспечения развитости личности, групп и общества и условий для их созидательной деятельности.

Но данный объект представляет собой также **структурную целостность**, включающую: (1) совокупность индивидов и их объединений со сходными характеристиками развитости их способностей и условий их удовлетворения и сходными интересами, а также (2) совокупность общественных институтов, обеспечивающих жизнедеятельность личности, групп и общества.

Познание **процессов и структур** дает онтологическую характеристику качества жизни и раскрывает устойчивые связи и тенденции в деятельности личности, социальных групп и общества, обусловленные их способностями и условиями для развития и реализации и направленные на удовлетворение всего комплекса их потребностей и интересов.

Взаимодействие процессов и структур протекает в следующих основных сферах воспроизводства качества жизни: (1) мировоззренческой; (2) интеллектуально-образовательной; (3) духовно-культурной; (4) профессионально-трудовой; (5) семейно-личностной; (6) гражданско-общественной и (7) антропо-природной.

В мировоззренческой сфере формируется понимание места человека в обществе и его предназначения, а также места в биосфере и обеспечении взаимодействия со

¹ См. А.Н. Арлычев. Качественный аспект мира и его познание. – М.: Наука, 2001. – 280 с.; Философия: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко, проф. В.П. Ратникова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ – ДАНА, 2004.

сферой разума. В интеллектуально-образовательной сфере вырабатывается характер мышления человека, развиваются его способности. В духовно-культурной сфере осознаются нравственные ценности жизни. В профессионально-трудовой сфере происходит развитие профессионально-творческих способностей человека, удовлетворяются потребности в труде и в творчестве. В семейно-личностной сфере воспроизводится творческо-трудовой потенциал общества: воспитываются дети и удовлетворяются многообразные потребности членов семьи и отдельной личности. В гражданско-общественной сфере деятельности люди и их объединения участвуют в местном самоуправлении, в защите и реализации профессионально-творческих и социально-политических потребностей и интересов, реализуют демократические механизмы управления государством. В антропо-природной сфере складываются отношения Человека, Биосферы и планеты Земля.

Таким образом, **качество жизни** представляет собой степень развитости личности, социальных групп и общества и выражается в характере их созидательной деятельности и в социальных структурах, выражающих их потребности и интересы. Качество жизни имеет две стороны – **объективную** (не зависящую от оценок общества) и **субъективную** (определяемую общественными оценками и самооценками).

Высокое качество жизни включает в себя осознание единства Человечества, Биосферы и планеты Земля (ноосферное мировоззрение); формирование общественного интеллекта и образовательного общества; духовное здоровье человечества; реализацию кооперационных функций труда и хозяйства; популяционное здоровье семьи, личности и общества; управляемую социо-природную эволюцию; экологическое здоровье человечества и его гармонию с природой¹.

Уровень жизни характеризует ее со стороны экономической определенности. Со стороны ресурсов, необходимых для обеспечения того или иного ее качества. В этом аспекте, жизнь представляет собой единство качества и уровня (количества). Экономические оценки в такой же мере являются характеристикой качества жизни, в какой разнообразие является характеристикой уровня жизни. Можно сказать и так: уровень жизни характеризует степень проявления ее качества – см. [2].

В совокупности **качество и уровень жизни** – *характеризуют жизнь людей как целое* и определяют разнообразие и размеры личного и общественного потребления, а также развитость потребностей, способностей, интересов и созидательную силу личности, социальных групп и всего общества. Деятельностная среда общества определяет его распределение в *социальные структуры* с различным уровнем и качеством жизни. Социальные структуры с разным уровнем и качеством жизни, движимые собственными потребностями и интересами, в свою очередь, изменяют деятельностную среду жизни.

Неотъемлемой субстанциональной характеристикой личности, социальных групп и общества являются его социальные ценности (нормы), учитывающие практический опыт, но очищенные от его искажений и включающие целеполагание разного качества жизни индивидов, групп и общества.

Измерение качества и уровня жизни представляет собой нахождение их количественной меры. Социальные нормы служат критериями выработки социальных стандартов качества жизни². Социальные ценности – нормы – стандарты дают аксеологическую характеристику качества жизни и являются основой для его оценивания.

¹ Субетто А. И. Критика «экономического разума»/ Научная монография. - СПб.; Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2008. – 506 с.

² Социальные стандарты качества жизни: Сборник статей /Под общ. ред. А.В.Очировой, В.Н.Бобкова, Н.С.Григорьевой. – М.: МАКС Пресс. 2008. – 232 с.

Оценивание качества жизни является частью его гносеологической характеристики. Бытие общества, факты его жизнедеятельности надо сопоставлять в динамике и/или с социальными ценностями (нормами), стандартами.

Познание качества жизни опирается также на методологию выявления социальных структур. В зависимости от методологии исследования, выявление социальных структур общества осуществляется, как правило, на основе группировок социальных общностей в одной из областей их жизни: материальной, идеальной, социальной, политической и антропо-природной.

Одна из наиболее сложных гносеологических проблем состоит в обнаружении социальных структур, различающихся по качеству и уровню жизни как результата взаимодействия нескольких критериальных факторов, относящихся сразу к нескольким областям их жизни.

Предлагаемая нами *гипотеза* состоит в проверке возможности обнаружения социально-классовых структур на основе взаимодействия нескольких критериальных факторов распределения качества жизни людей и их социальных общностей, т.е. обнаружения многокритериальных социальных структур, отличающихся по качеству жизни.

Проверка этой гипотезы на двухкритериальной модели показала, что социально-классовая структура российского общества, выявленная в результате изучения совместного распределения населения по денежным доходам и жилищной обеспеченности, включает четыре крупных социально-экономических группы:

- 1) *наиболее необеспеченные,*
- 2) *переходные,*
- 3) *среднеобеспеченные,*
- 4) *высокообеспеченные.*

Проверяемым следствием наших предположений явилось выявление следующих параметров социально-классовой структуры российского общества, определенной по уровню материального достатка.

В 2008 году **40,7% населения являлись наиболее необеспеченными и составляли неблагоприятные слои российского общества**. Для сравнения отметим, что официальная статистика к неблагоприятным слоям в 2008 году относила только 13,1% населения с доходами ниже бюджета прожиточного минимума (БПМ). Полученные во ВЦУЖ результаты показали, что нижний слой наиболее необеспеченного населения, включающий бедных по доходам и нуждающихся в жилище¹, составлял 8,2% населения. Кроме того, еще 32,5% нуждались в жилище, но имели доходы ниже 7 БПМ² (нормативный бюджет среднего достатка), что составляет нижнюю границу средней обеспеченности по доходам.

В переходные слои по уровню материального достатка, прежде всего, были включены домохозяйства с доходами ниже семи БПМ и жилищной обеспеченностью выше одной из двух величин – нормы предоставления площади жилого помещения, установленной в регионе проживания домохозяйства, или 18 квадратных метров. Верхний предел общей площади жилищной обеспеченности был ограничен 30 кв.м.

¹ Критерием нуждаемости в жилище являлась недостаточная общая площадь жилища, составляющая менее наибольшей из двух величин – нормы предоставления площади жилого помещения, установленной в регионе проживания домохозяйства, или 18 кв.м. (федеральный стандарт социальной нормы общей площади жилого помещения на одного гражданина), а также низкие качественные характеристики жилища: жилое помещение соответствует не всем законодательно утвержденным санитарно-эпидемиологическим нормативам и правилам; в жилом помещении не обеспечен доступ ко всем базовым коммунальным услугам жизнеобеспечения, а именно водоснабжению, отоплению, электроснабжению и канализации.

² Экспертами ВЦУЖ разработан нормативный потребительский бюджет среднего уровня достатка, составляющий 7 ПБП.

(промежуточный уровень жилищной обеспеченности). Их удельный вес составлял 31,4% населения. В состав переходных слоев включены также домохозяйства со средними и высокими доходами, но с жилищной нуждаемостью (3,0%) и домохозяйства, обеспеченные доходами ниже социальной нормы¹, но со средними и хорошими жилищными условиями² – 12,3%. Всего **общий удельный вес переходных слоев составил 46,7%**.

Средне обеспеченные слои включают в себя, прежде всего, домохозяйства со средними доходами (от 7 до 11 БПМ)³, а также со средней и высокой жилищной обеспеченностью. Их удельный вес был очень небольшим и составлял 1,8%. К ним также были отнесены домохозяйства со средними и высокими доходами и промежуточным уровнем жилищной обеспеченности – 3,0% и домохозяйства со средней и хорошей жилищной обеспеченностью, но недостающим до среднего уровнем доходов (от 3 до 7 БПМ). Всего в 2008 году в состав **среднеобеспеченного населения вошло 11,5% населения**.

Высокообеспеченное население составило всего 1,1%. Критерием его выделения являлись доходы выше 11 БПМ и благоустроенные жилищные условия общей площадью жилища не менее 30 кв.м.

Некоторые предварительные выводы из нашего исследования состоят в следующем:

1. Объективные и субъективные представления людей о качестве и уровне жизни определяются их деятельностной средой, которую необходимо изучать и классифицировать для выявления их организации в социальные структуры.

2. Многокритериальные социальные структуры, открытые на основе взаимодействия объективных и субъективных факторов, характеризующих распределение качества и уровня жизни населения, являются важным инструментом выработки научно обоснованной социальной политики.

3. В настоящее время созданы предпосылки для обнаружения многокритериальных социальных структур: а) разработаны теории социальных структур; б) разработаны теоретические основы качества и уровня жизни; в) определены подходы к их измерению и оцениванию на основе социальных стандартов – см. [9]; г) проведены пробные испытания двухкритериальной модели социально-классовой структуры (совместное распределение населения по доходам и жилищи), во многом не совпадающей с общепринятой, социально-классовой структурой российского общества по уровню материального достатка. Ее критический анализ позволяет придать государственной социальной политике более высокую обоснованность.

Необходимо:

а) продолжать разрабатывать методы и инструментарий познания взаимодействия критериальных факторов, относящихся к разным компонентам качества жизни;

б) совершенствовать количественную характеристику полученных результатов: эконометрические, в том числе квалиметрические и другие оценки;

¹ Социальная норма доходов определялась экспертами ВЦУЖ на основе разработки нормативного потребительского бюджета социально – приемлемого уровня достатка, составившего 3 БПМ.

² Критерием средних и выше жилищных условий являлась общая площадь жилища более 30 кв.м. и его благоустроенность, выражающаяся в наличии в жилом помещении ванной комнаты, возможности использования горячей воды, обеспеченности не менее, чем одной комнатой на каждую пару однополых несовершеннолетних лиц и ряд других.

³ Экспертами ВЦУЖ разработан нормативный потребительский бюджет высокого достатка, составляющий, примерно, 11 БПМ.

в) проводить испытания многокритериального моделирования социально-классовых и иных социальных структур;

г) в ходе дискуссий и пробных испытаний решать, какая (какие) из конкурирующих теории лучше приспособлены для обнаружения социальных структур и понимания современного общества.

* * *

I. Монографии

1. Социальные стандарты качества жизни: Сборник статей /Под общ. ред. А.В.Очировой, В.Н.Бобкова, Н.С.Григорьевой. – М.: МАКС Пресс, 2008.
2. Качество и уровень жизни населения в новой России (1991-2005 гг.). рук авт. колл. В.Н. Бобков - М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2007. – 719 с.
3. Квалиметрия жизни. /Авт. колл.: Азгальдов Г.Г, Бобков В.Н. (рук.), Ельмеев В.Я., Перовицков Ю.С., Беляков В.А. – М.: Всероссийский центр уровня жизни; Ижевск: Изд-во Института экономики и управления УдГУ. 2006.
4. Бобков В.Н. Проблемы оценки уровня жизни в современной России. М.: ВЦУЖ, 1995.
5. Бобков В.Н., Починков А.П. (ред.) Социальная политика, уровень и качество жизни. / Словарь. – М.: Издательство ВЦУЖ, 2001.
7. Качество жизни и экономическая безопасность России / Под ред. В.А. Черешнева, А.И. Татаркина. – Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2009. – 1184 с. (В.Н. Бобков – глава 1, § 24.2).
8. Развитие семейных форм воспитания детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации: взгляд со стороны гражданского общества: Сборник статей / Под общ. ред. А.В. Очировой. В.Н. Бобкова, Н.С. Григорьевой. Под ред. Очировой А.В., Бобкова В.Н., Григорьева Н.С. – М.: МАКС Пресс, 2009 – 264 с.
9. Азгальдов Г.Г, Бобков В.Н., Перовицков Ю.С. и др. Квалиметрия жизни. М.: ВЦУЖ, 2007.

II. Материалы научных конференций

16. Бобков В.Н. О подходах к исследованиям социальных структур современного общества. ВЦУЖ. Материалы международной научной конференции. // Уровень жизни населения регионов России. – 2008. – № 11-12.
17. Бобков В.Н. Социальное неравенство в Российской Федерации: состояние и пути снижения. / Социальная функция государства в экономике XXI века: Доклады и выступления. Материалы конференции экон.ф-та МГУ. 21.11.07. М.: МАКС Пресс, 2007.
18. Бобков В.Н. О сущности категории «качество жизни». /В кн. Достойный труд – высшая цель и жизненная необходимость. Юбилейные Ломоносовские чтения к 250-летию МГУ. Сб.: М.. ТЕИС, 2005.

III. Публикации в периодических изданиях

20. Бобков В., Песковская Ю. Динамика структуры и уровня материального достатка населения. // Экономист. Ежемесячный научно-практический журнал. № 10-2009.
26. Бобков В.Н., Гулюгина А.А., Одинцова Е.В. Региональное неравенство качества и уровня жизни и угрозы социальной безопасности России. Федерализм.// № 1 – 2009.
35. Бобков В.Н. О методологии изучения качества и уровня жизни и ее практической реализации.//Научно-практический журнал «Социальная и демографическая политика» № 1-2, 2006.
39. Бобков В.Н. Система потребительских бюджетов и возможности ее использования в социальной политике. // Уровень жизни населения регионов России. ВЦУЖ. – 2000. – № 7 -8.
41. Бобков В.Н., Мстиславский П.С., Маликов Н.С. Качество жизни: вопросы теории и практики. / М.: Всероссийский центр уровня жизни, 2000.
44. Бобков В.Н., Мстиславский П.С. Качество жизни: концепция и измерение. // Уровень жизни населения регионов России, ВЦУЖ. - 1998. – № 12.
45. Бобков В.Н., Мстиславский П.С. Качество жизни: сущность и показатели. // Человек и труд. – 1996. – № 6.

КАЧЕСТВО КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ
И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ РОССИИ

Субетто А. И.

В статье на основе анализа развития человечества раскрывается сущность качества как цивилизационной категории, утверждается, что "революция качества" представляет собой синтез системной, человеческой, интеллектно-инновационной, рефлексивно-методологической и образовательной революций. Главным итогом этих революций выступает утверждение образования "базисом базиса" экономики, социальных процессов и институтов, в целом государства.

Ключевые слова: качество, цивилизационные процессы, революция качества, системная революция.

Качество - "ядро" национальной идеи России на стратегическом горизонте ее будущего.

Для того, чтобы осмыслить данное, выдвигаемое автором положение вот уже на протяжении по крайней мере последних 5-7- лет, следует обратиться к новым смысловым измерениям категории качества, приобретенным ею к концу XX века.

Формируется "философия качества" и "экономика качества" как новые отрасли обществоведения, философской и экономической наук. Это возможно только при соблюдении *закона опережающего развития качества человека, качества образовательных систем в обществе и качества общественного интеллекта* (А. И. Субетто, 1989 -1999 гг.)

Таким образом, *"Качество бытия" несет в себе два полярных смысла: смысл отрицания* прежних форм Бытия человека и, следовательно, прежних форм самого человека, его жизни, мировоззрения, мироотношения и мироосвоения и *смысл утверждения, становления* новых форм Бытия человека и, соответственно, его самого, его деятельности, его философии, культуры, экономики, форм хозяйствования.

Анализ цивилизационных процессов в развитии показал, что во второй половине XX века *происходит Синтетическая Цивилизационная Революция как "система революций" в основаниях Бытия и механизмах цивилизационного развития.* Автором разработана и аргументирована концепция Синтетической Цивилизационной Революции (А. И. Субетто, 1991-1999 гг.)

Схема ее структуры представлена ниже.

Как видно из схемы, "революция качества" или "квалитативная революция" синтезирует остальные "измерения" Синтетической Цивилизационной Революции – системной, человеческой, интеллектно-инновационной, рефлексивно-методологической, образовательной революций.

Каждая из них отражает определенные изменения в Качестве Бытия:

- *системная революция* – скачок в системной связности экономики и социума, появление технологических инфрасистем, рост экологической системности и связности бытия человека в пространстве "общество-биосфера", рост системно-информационных взаимосвязей, скачок требований к системности управления и, соответственно, к качеству общественного интеллекта. Его функций управления будущим – проектиро-

КАЧЕСТВО КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ РОССИИ

вания, планирования, программирования, нормирования, стандартизации и др.; главным результатом "системной революции" является превращение как отдельных "обществ", "цивилизаций", так и человечества в целом в "организмы" (системы организмического типа), отрицающие "либеральные, социально-атомарные модели общества и, соответственно, резко сужающие "поля" действия рыночных сил; отражением системной революции в пространстве проблем качества производства стало появление "систем управления качеством" или на языке стандартов МС ИСО серии 9000 – "систем качества".

Схема 1

• *человеческая революция* (термин, введенный А. Печчеи к качеству человека, удовлетворение императива приведения системности "внутреннего мира" человека, его профессиональной, идеологической, духовно-нравственной, знаниевой ангажированности в адекватное отношение растущей сложности и системности антропогенного технологического мира; *человеческая революция в своих интенциях есть революция в качестве человека*, направленная на удовлетворение императивов:

• императива всестороннего, гармоничного, универсально-целостного, творческого развития человека;

• императива становления новой парадигмы проблемно-ориентированного, энциклопедического, универсального профессионализма;

• императива непрерывного образования человека как форм его жизни в "мире изменений";

• императива обеспечения профессиональной мобильности как важнейшего свойства профессионализма человека;

• императива соединения нравственности, духовности и интеллекта как взаимообусловленных условий повышения качества будущетворения (синтеза Истины, Добра и Красоты);

• императива всеобщего высшего образования;

• императива опережающего развития качества человека по отношению к Качеству Бытия, потому становления проблем и задач, которые он должен решать;

• *интеллектно-инновационная революция* – революция в темпах обновления человеческого бытия, в скорости процессов в антропогенном мире, которая включает в себя *интеллектуальную революцию в производительных силах общества* (интеллектуализация труда и капитала, рост интеллектности, образованности и наукоемкости технологических, социальных и экономических процессов), *инновационную революцию* – как революцию в механизмах обновления в процессах экономических систем и социума, приведшую к появлению "мира изменений", *креативную революцию*, определившую выдвигание творчества как главной функции управления, производства, деятельности человека и обеспечивающую становление "творческого человека" как условие его адаптации к "миру изменений" и управления им; главным результатом этой революции является *появление нового типа экономических систем* – "горячих, быстроходных, интеллектоемких, наукоемких, образованноемких, качественных "экономик", в которых зависимость между качеством человека, качеством производства и качеством жизни резко увеличивается и реализуется в форме "социального кругооборота качества" (А. И. Субетто, 1991 – 1999 гг.);

• *рефлексивно-методологическая революция* – революция в эволюции единого корпуса знаний человечества и, соответственно, в качестве общественного интеллекта, в качестве интеллекта человека и в качестве образования, определяемая:

рефлексивной революцией;

методологической революцией;

парадигмальными революциями;

главным итогом этой революции является:

активное развитие и преобразование оснований рефлексивного блока науки – обществоведения и человековедения, становления их Некласичности;

новые парадигмы организации знаний в форме:

• *новой системной парадигмы* и, соответственно, системологии и системогенетики;

• *новой классификационной парадигмы* и, соответственно, – классиологии или метатаксономии, стандартологии;

• *новой циклической парадигмы* и, соответственно, – "учения о цикличности развития", циклологии;

КАЧЕСТВО КАК ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ И ЦИВИЛИЗАЦИИ РОССИИ

• *новой качественной парадигмы* и, соответственно, – *квалитологии* (науки о качестве объектов и процессов) и *квалитрии* (науки об измерении и оценке качества);

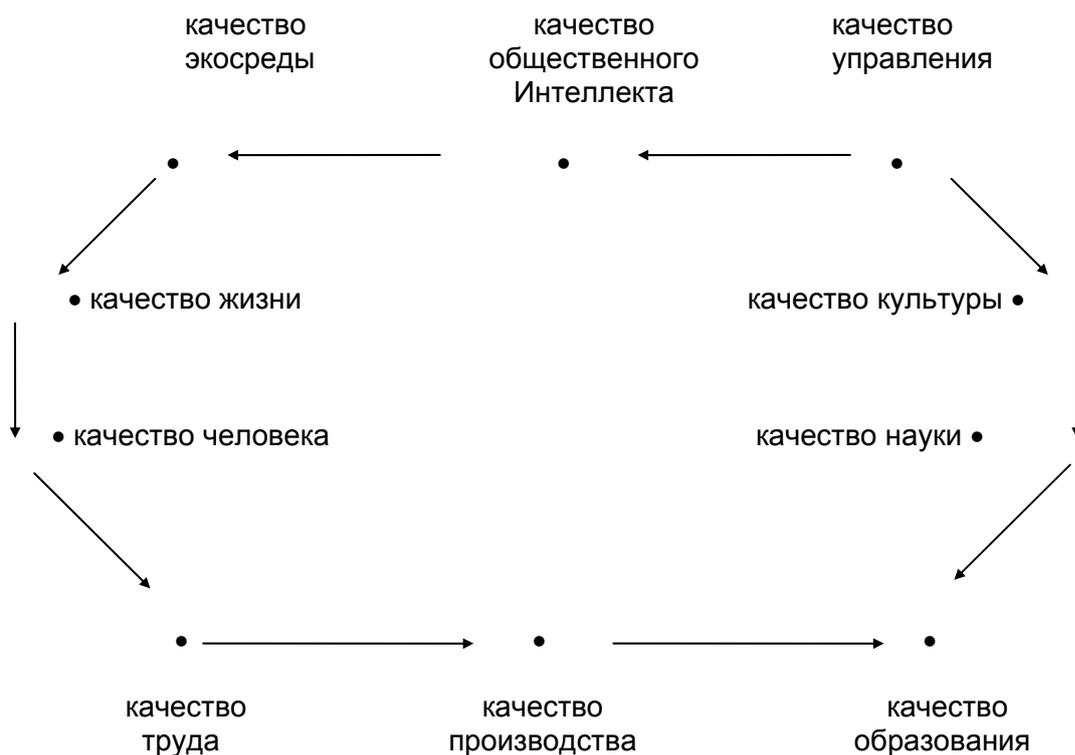
• *новой методологической парадигмы* и "методологии" как науки;

• *образовательная революция* – революция в качестве образования как механизма воспроизводства качества человека и качества общественного интеллекта; в конце XX века она приобретает смысловое значение "формационной революции" как смена "образовательных формации": от формации Просвещения в форме "производства образовательных услуг" – к формации Образовательного общества, к образовательно-педагогическому производству человека.

Главным итогом Синтетической Цивилизационной Революции является то, что образование становится "базисом базиса" экономики, социальных процессов и институтов, в целом государства.

Таким образом, Синтетическая Цивилизационная Революция меняет содержание основных механизмов развития общества, придавая им более системно-синтетический характер. Автором для понимания категории качества как цивилизационной категории введено понятие "социального кругооборота качества", который можно представить следующей схемой:

Схема 2

К **КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЕГО ИНДЕКСЫ: МИР И РОССИЯ**

**Бушуев В.В.
Голубев В.С.
Тарко А.М.**

Национальное богатство или страновой (национальный) капитал складывается из физического, человеческого, социального и природного капитала. Природный капитал включает в себя воспроизводимую (экокапитал) и невоспроизводимую (палеокапитал) составляющие. Индекс качества жизни определяется как среднее арифметическое отношений производства частных капиталов каждой страны к максимальным значениям производства этих капиталов среди всех стран мира. Установлен рейтинг стран мира по индексу качества жизни и страновому капиталу. Проанализированы причины отставания России в этом рейтинге от развитых стран и перспективы ее развития через становление социогуманитарного государства.

Ключевые слова: качество жизни, страновой капитал, экокапитал, социогуманитарное государство, индексы качества жизни

Введение

Проблема функционирования и развития системы природа – человек – общество становится особенно актуальной в свете глобальных проблем современности и глобализации. Наиболее продвинутыми в этом направлении являются исследования по устойчивому развитию, человеческому потенциалу (соответствующие концепции первоначально выдвинуты на уровне ООН) и по проблеме человеческого капитала.

Определенная недостаточность развиваемых представлений обусловлена фактическим отсутствием у них теоретической естественно-научной основы. В экономике, истории и других гуманитарных науках (а именно представители этих наук чаще всего работают по данной проблематике) вообще не содержится количественных критериев развития, прогресса. Поэтому многие существующие разработки по проблеме функционирования и развития социоприродных систем являются, образно говоря, «домом без фундамента».

Нами на основе естественно-гуманитарного синтеза разработаны теоретические основы науки о развитии – эргодинамики, которая дает новый взгляд на указанные проблемы [1,2]. Принципиальным в эргодинамике является последовательное введение и использование величины – структурная энергия, чего нет в термодинамике и ее новациях.

В рамках данного сообщения ограничимся изложением одного частного, но имеющего важное практическое значение вопроса – конструирования и расчета индексов социоприродного развития, характеризующих качество жизни. Ибо без таких количественных показателей не представляется возможным судить о характере развития социумов.

Индексы развития: состояние проблемы

До недавнего времени основным показателем развитости стран считался валовой внутренний продукт (ВВП). В действительности, уровень развитости определяется не только экономическими показателями, но и качеством жизни, и качеством человека. Доступность образования, здоровье, незагрязненная окружающая среда, безопасность, политические свободы, возможность проведения досуга и т.п. – важнейшие условия полноценной жизни. И они отнюдь не сводятся к доходам.

В западной экономической науке уже давно ведется дискуссия о необходимости изменения целевой функции экономики — учета не только материальных, но и социальных потребностей человека. Обсуждается необходимость отхода от «человека экономического» (субъекта экономики) к «человеку социальному». Важное значение в этом аспекте имеют исследования по человеческому капиталу.

Богатство страны и ее развитость определяются не только ВВП, но и многими другими показателями – индикаторами, характеризующими как человека, так и среду (социальную и природную) его обитания. Индикаторы измеряются непосредственно на практике: средняя продолжительность жизни, рождаемость, реальная заработная плата и т.д. Наряду с ними для характеристики развитости используются индексы – более сложные интегральные показатели, которые конструируются и рассчитываются на основе частных индикаторов. Если число индикаторов велико (в США используется 400 индикаторов), то индексов – мало.

До настоящего времени индексы конструируются индуктивным методом – от частного к общему. Это связано с отсутствием физической теории социума и человека. При этом не удается избежать субъективного фактора – индексы конструируются исходя из здравого смысла, интуиции, удобства и т.п. Некоторые факторы развития при этом могут быть преувеличены, другие принижены, а третьи вообще не учтены.

Наиболее известным индексом такого рода является индекс развития человека (ИРЧ), другое название – индекс развития человеческого потенциала (ИРЧП). Разработанный Программой развития ООН (ПРООН), он используется для характеристики развитости стран мира и регионов. В России, начиная с 1995 г., издаются ежегодные доклады по развитию человеческого потенциала. Аналогичные доклады имеются по развитию в мировом масштабе.

За столь большой временной интервал в стране и мире произошли большие изменения. Но они не нашли адекватного отражения в методике расчета индекса ИРЧП. Анализ показывает, что первоначально разработанная методика [3] стала недостаточной. Те же изменения, которые в нее теперь внесены [4, 5], проблему, по существу, не решают.

Несомненно, использование ИРЧП как показателя развитости, в противовес ВВП, – большой шаг вперед. Он более полно, системно характеризует развитость стран и регионов. Этого мы никак не оспариваем. Вместе с тем, даже невооруженным взглядом виден главный недостаток ИРЧП. Он конструируется индуктивным методом, исходя из измеряемых статистикой индикаторов, и поэтому, вообще говоря, не имеет ясной теоретической основы.

Остановимся на более частных недостатках ИРЧП. Индекс рассчитывается как среднее арифметическое трех частных индексов:

а) индекса долголетия, на основе величины ожидаемой продолжительности жизни (Т) при рождении;

б) индекса образования, измеряемого как совокупный индекс грамотности взрослого населения (вес в две трети) и валовой доли поступивших в учебные заведения (вес в одну треть);

в) индекса доходов по ВВП.

При расчетах используются унифицированные минимальные и максимальные значения статистических показателей:

продолжительность ожидаемой жизни при рождении – 25 и 85 лет;

грамотность среди взрослого населения – 0 и 100%;

совокупная доля учащихся – 0 и 100%;

ВВП на душу населения, с учетом ППС – 100 и 40 000 долл. США.

Каждый частный индекс рассчитывается по формуле:

$$I_i = (X_i - X_{imin}) / (X_{imax} - X_{imin}) \quad (1)$$

В формуле (1) используется линейная зависимость между составляющими ИРЧП и измеряемыми индикаторами X_i – продолжительностью жизни T , ВВП и уровнем образования. Это вполне допустимо, хотя, строго говоря, требует определенного обоснования. Однако выбор минимальных и максимальных значений T и ВВП достаточно произволен, что уже привело к трудностям расчета ИРЧП.

Действительно, для Люксембурга в 2004 г. ВВП = 69 961 долл., что больше принятого за максимальное значение ВВП = 40 000 долл. Если производить расчет индекса ВВП по формуле (1), то получим $I_1 = 1,75$. Однако каждый из частных индексов в ИРЧП должен быть меньше единицы, иначе ИРЧП утрачивает физический смысл. Как же преодолевается этот парадокс?

Читаем [3]: «Показатель дохода корректируется, т.к. для достижения достойного уровня развития человеческого потенциала не требуется неограниченного дохода. Поэтому используется логарифм дохода». Другими словами, для расчета I_1 вместо (1) используется формула:

$$I_1 = (\log \text{ВВП} - \log \text{ВВП}_{\min}) / (\log \text{ВВП}_{\max} - \log \text{ВВП}_{\min}) \quad (2)$$

Расчет по (2) означает отход от изначально принятой линейной зависимости частных индексов от X_i и переход к сложной логарифмической зависимости, никак не обоснованной. Однако и это не меняет ситуации – по-прежнему индекс ВВП для Люксембурга больше единицы: $I_1 = 1,09$. Но это авторов доклада не смущает, и они просто ставят в таблице ИРЧП для Люксембурга $I_1 = 1,00$.

Тем самым авторы перечеркивают принятую ими ранее линейную аппроксимацию частных индексов ИРЧП от измеряемых индикаторов социумов. Но почему и на каком основании вводится именно логарифмическая функция, абсолютно непонятно. Ибо и при этом требуемая цель (частные индикаторы меньше единица) не достигается.

При данной подмене фактически искажается реальная картина развитости. Богатство и бедность становятся мало различимыми – в индексе доходов адекватно не отражается разница в ВВП стран. Например, ВВП Люксембурга больше ВВП России в 7 раз, а индекс доходов различается лишь в 1,3 раза.

Уж если быть последовательными, создателям методики расчета ИРЧП следовало бы существенно увеличить максимальное значение ВВП (и, возможно, T , поскольку Япония по средней продолжительности жизни уже приближается к 85 годам). Но тогда «падают» все ранее (до 2004 г.) рассчитанные ряды развитости. По-видимому, именно это обстоятельство не позволило изменить методику расчета ИРЧП. Между тем, в ежегодной корректировке рядов развитости за предыдущие годы, вообще говоря, нет ничего плохого, а сделать это просто.

Применяемая процедура расчета фактически подразумевает следующее: при ВВП больше 40000 долл. дальнейший рост ВВП не оказывает влияния на значение показателя ИРЧП. Такое допущение вполне имеет право на жизнь, но оно должно быть изначально оговорено.

Вместе с тем, никакие усовершенствования ИРЧП не устранят главного недостатка – отсутствия его ясного теоретического обоснования. Конечно, можно предложить и другие более сложные конструкции, чем ИРЧП, учитывающие дополнительные факторы развития. Но суть такого рода индексов не изменить. Они по-прежнему будут оставаться искусственными фантомами. Ибо в них отсутствует фундаментальная основа – теория социоприродного развития.

Индуктивный метод следует скорректировать и дополнить дедуктивным: от общего к частному, от теории социоприродного развития к индексам состояния и развития социумов. Последовательное использование дедуктивного метода дает научно обоснованный «план» построения индексов социоприродного развития.

Таким образом, методика расчета индекса ИРЧП нуждается в качественном совершенствовании. Сам же индекс является, по существу, искусственной конструкцией, физический смысл которой не прояснен.

Социоприродное развитие и индексы качества жизни

При обсуждении проблемы социоприродного развития следует рассматривать развитие как систем (социумов), так и процессов их воспроизводства. Критерии социоприродного развития следуют из общих критериев эволюции открытых систем и процессов их функционирования. Развитие систем происходит в направлении повышения их организованности – роста аккумулированной в них структурной энергии. Структурная энергия – ключевое понятие в эргодинамике. Структурная энергия соотносится с работой образования эволюционирующих объектов (эргопреобразователей ЭП) из простых веществ [1,2].

Критерий развития системы записывается в виде:

$$d\Phi / dt > 0, \quad (3)$$

где Φ – удельная структурная энергия системы (в расчете на единицу ее массы), t – время.

Рассматриваемая нами система Экоса (природного дома) включает в себя три подсистемы: природа – человек – общество. Каждая из них характеризуется своими величинами структурной энергии. Структурная энергия с учетом ее ценности может быть выражена понятием – страновой (национальный) капитал. Эта величина характеризует в стоимостном выражении все имеющиеся в стране материальные и нематериальные ценности, включая в себя физический, социальный, человеческий и природный капитал. Критерий развития (3) выполняется, если со временем растет удельный страновой капитал (в расчете на одного человека, размерность – долл./чел.).

Национальное богатство или страновой капитал являются важнейшей макроэкономической характеристикой страны. В настоящее время единого подхода к проблеме национального богатства и его оценке нет. Наиболее продвинутым считается подход Всемирного банка. В его публикации [3] изложены принципы и методология оценки национального богатства.

Всемирный банк рассматривает национальное богатство как сумму природного, произведенного и нематериального капитала. Национальное богатство рассчитывается через стоимость будущего валового потребления за 25 лет (среднее время смены поколений). Произведенный капитал оценивается по величине инвестиций, природный – по запасам полезных ископаемых и их будущей ренте. Нематериальные активы (человеческий и социальный капитал) непосредственно не рассчитываются, а рассматриваются как разность между величиной национального богатства и суммой произведенного и природного капитала.

Неудовлетворительность данного подхода очевидна. Национальное богатство не сводится к валовому потреблению (величину, которую рассчитывает Мировой банк, можно назвать ВПП – валовым потребляемым продуктом). В методике отсутствуют прямые методы расчета человеческого и социального капитала. В результате – оценки национальных богатств явно занижены, как и капитал всего мира (всего лишь 550 трлн. долл.).

Другой важнейшей характеристикой социума является величина производства странового капитала (долл./год). При прогрессивном развитии происходит увеличение со временем удельной мощности P (в расчете на одного человека, долл./чел.год) процесса производства странового капитала (расширенное воспроизводство), то есть:

$$dP / dt > 0 \quad (5)$$

Будем рассматривать величину P как обобщенную характеристику качества жизни. Она характеризует воспроизводство национального богатства, показывая, сколько

благ (материальных и нематериальных) производится в стране за год в расчете на одного человека. Для удобства сопоставления введем индекс качества жизни I , определяемый отношением производства частных капиталов в данной стране к максимальным значениям производства среди всех стран мира. Этот индекс изменяется в интервале от 0 до 1 и тем больше, чем выше качество жизни.

Для каждого из капиталов имеется свой частный индекс, так что для I будем иметь:

$$I = 1/5 (I_a + I_x + I_c + I_l + I_g) \quad (6)$$

В скобках указаны частные индексы, каждый из которых равен отношению производства соответствующего капитала к максимальному значению этого производства среди всех стран мира. Рассмотрим эти индексы последовательно.

Индекс производства физического капитала. Производство физического капитала принимается равным валовому внутреннему продукту (ВВП). Тогда имеем:

$$I_{\phi} = \text{ВВП} / (\text{ВВП})_{\max} \quad (7)$$

Индекс производства человеческого капитала. Экономическая теория отождествляет человеческий капитал с инвестициями в образование, обучение, здравоохранение и т.п. [8,10]. При этом фактически оценивается лишь та составляющая человеческого капитала, которая характеризует его качество как работника. Эту составляющую мы называем интеллектуальным капиталом [1-5].

Но человек – существо не только социальное, но и биологическое, и духовное (способное к работе над самим собой – самосовершенствованию). Поэтому при расчетах используется предложенная нами системная теория человеческого капитала [1-5]. При этом рассматриваются врожденная (витальный капитал) и приобретенные (интеллектуальный и духовный капитал) составляющие человеческого капитала. Они определяют качество человека как биологического объекта (его физическое здоровье), работника и носителя нравственности, соответственно. Составляющие человеческого капитала фактически характеризуют работу природы, общества и самого человека по его становлению и развитию.

Производство человеческого капитала (ПЧК, дол./чел.год) является суммой производства витального (ПВК), интеллектуального (ПИК) и духовного (ПДК) капитала:

$$\text{ПЧК} = \text{ПВК} + \text{ПИК} + \text{ПДК} \quad (8)$$

Преобразуем выражение (8) следующим образом. Положим, что для рассматриваемых субъектов (стран мира) одинаково ценно иметь как максимальное значение ПВК, так ПИК и ПДК:

$$(\text{ПВК})_{\max} = (\text{ПИК})_{\max} = (\text{ПДК})_{\max} \quad (9)$$

Тогда из (8) легко получить формулу для индекса производства человеческого капитала:

$$I_c = \text{ПЧК} / (\text{ПЧК})_{\max} = 1/3 (I_{c1} + I_{c2} + I_{c3}) \quad (10)$$

Здесь частные индексы будут:

- индекс производства витального капитала

$$I_{c1} = \text{ПВК} / (\text{ПВК})_{\max} \quad (11)$$

- индекс производства интеллектуального капитала

$$I_{c2} = \text{ПИК} / (\text{ПИК})_{\max} \quad (12)$$

- индекс производства духовного капитала

$$I_{c3} = \text{ПДК} / (\text{ПДК})_{\max} \quad (13)$$

Условие (9) является одним из допущений, позволяющих получить простые расчетные формулы для I_c . Введение в (9) весовых коэффициентов сильно усложняет ме-

тодику, но все равно не решает проблемы (ибо неясно, какие значения придавать этим коэффициентам). Вообще говоря, вводить или не вводить в условия (9) (и им подобные, см. ниже) весовые коэффициенты, зависит от системы действующих в социуме приоритетов. Поскольку формализовать последние трудно, используется на первом этапе запись с одинаковыми весовыми коэффициентами.

Для расчетов по формулам (10)-(13) требуется дать зависимость величин производства капиталов от измеряемых на практике индикаторов социумов. Установить такую зависимость теоретически представляется проблематичным. Поэтому нами используется (на данном этапе) эмпирический метод, учитывающий наличие соответствующих статистических данных по странам мира.

Из этих соображений нами принимается [1-5], что ПВК пропорционален жизненному потенциалу нации G , равному произведению рождаемости L (в расчете на одного человека за год) на среднюю продолжительность жизни T :

$$\text{ПВК} = \kappa_1 G, \quad G = LT \quad (14)$$

Величина G определяет жизнеспособность нации, ее жизненную силу.

Величину ПИК примем пропорциональной удельным расходам социумов (в расчете на одного человека за год) на образование OP и здравоохранение $ЗР$:

$$\text{ПИК} = \kappa_2 (OP + ЗР) \quad (15)$$

Величина ПИК характеризует инвестиции социума в человека.

Главным признаком духовного неблагополучия нации является, на наш взгляд, суицидность. Допускается, что ПДК уменьшается с ростом суицидности (s , в расчете на одного человека за год) по линейному закону:

$$\text{ПДК} = \kappa_3 (s_{\max} - s) \quad (16)$$

В (14)-(16) $\kappa_1, \kappa_2, \kappa_3$ - постоянные коэффициенты, s_{\max} - максимальное значение суицидов среди всех стран мира.

В итоге получаем следующую расчетную формулу для I_4 :

$$I_4 = 1/3 [G/G_{\max} + (OP + ЗР)/(OP + ЗР)_{\max} + (s_{\max} - s)/(s_{\max} - s_{\min})] \quad (17)$$

Индекс производства социального капитала. Социальный капитал характеризует в стоимостном выражении уровень организации структур социумов, от которой зависит эффективность их функционирования. Выбор составляющих социального капитала весьма проблематичен. Обычно социальный капитал определяется на основе некоторых аспектов государственного управления [8,10]: право голоса и подотчетность депутатов, политическая стабильность и отсутствие насилия, эффективность управления, качество государственного регулирования, законность, борьба с коррупцией. При этом для системной характеристики социального капитала вводятся «индикатор доверия» и «индекс законности», характеризующие отношение граждан к своему государству. Какая-либо унификация расчетов пока отсутствует.

Будем рассматривать социальный капитал как сумму трех составляющих, характеризующих организованность труда (1), социальную справедливость (2) и законопослушность граждан (3). Для величины производства социального капитала ПСК (в расчете на одного человека) запишем:

$$\text{ПСК} = (\text{ПСК})_1 + (\text{ПСК})_2 + (\text{ПСК})_3 \quad (18)$$

Преобразуем выражение (18) следующим образом. Допускаем, как обычно, что для стран мира одинаково ценно обладать максимальным производством каждого из составляющих социального капитала или — по аналогии с (9):

$$(\text{ПСК})_{1\max} = (\text{ПСК})_{2\max} = (\text{ПСК})_{3\max} \quad (19)$$

Тогда из (19) получим следующее выражение для индекса производства социального капитала:

$$I_c = \text{ПСК}/(\text{ПСК})_{\max} = 1/3(I_{c1} + I_{c2} + I_{c3}) \quad (20)$$

Здесь частные индексы производства социального капитала будут:

$$I_{c1} = (\text{ПСК})_1 / (\text{ПСК})_{1\max} \quad (21)$$

$$I_{c2} = (\text{ПСК})_2 / (\text{ПСК})_{2\max} \quad (22)$$

$$I_{c3} = (\text{ПСК})_3 / (\text{ПСК})_{3\max} \quad (23)$$

Далее полагаем, что составляющая $(\text{ПСК})_1$ уменьшается с ростом безработицы по линейному закону:

$$(\text{ПСК})_1 = a_1 (N_{\max} - N), \quad (24)$$

где N - доля безработных, N_{\max} - максимальное значение N среди всех стран мира, a_1 - постоянный коэффициент. Величина ПСК_1 характеризует социальную политику в отношении трудовой занятости.

Составляющая $(\text{ПСК})_2$ определяется уровнем социального расслоения, в простейшем случае:

$$(\text{ПСК})_2 = a_2 (D_{\max} - D), \quad (25)$$

где D - децильный коэффициент (отношение среднего дохода 10% богатых к доходу 10% бедных), D_{\max} - максимальное значение D , a_2 - постоянный коэффициент. Величина $(\text{ПСК})_2$ характеризует социальную политику в отношении трудовых доходов.

Наконец, $(\text{ПСК})_3$ предполагается уменьшающимся с ростом преступности по линейному закону:

$$(\text{ПСК})_3 = a_3 (P_{\max} - P), \quad (26)$$

где P - преступность (в расчете на одного человека за год), P_{\max} - максимальное значение P , a_3 - постоянный коэффициент. Величина $(\text{ПСК})_3$ характеризует эффективность политики по борьбе с преступностью.

В итоге получаем следующую расчетную формулу для индекса производства социального капитала:

$$I_c = 1/3 [(N_{\max} - N)/(N_{\max} - N_{\min}) + (D_{\max} - D)/(D_{\max} - D_{\min}) + (P_{\max} - P)/(P_{\max} - P_{\min})] \quad (27)$$

Здесь значок *min* относится к минимальным значениям соответствующих величин среди всех стран мира.

Природный капитал. Рыночный метод расчета природного капитала, который обычно используется [8,10], имеет определенный недостаток, поскольку подвержен стихии рынка. Например, недавнее падение цены на нефть означает, согласно рыночному методу, уменьшение национального богатства нефтедобывающих стран. Это, по меньшей мере, странно: запасы и добыча нефти остались на прежнем уровне, то же касается работы природы по формированию нефтяных залежей и человека по добыче нефти, а национальное богатство уменьшилось.

Альтернативой рыночному методу является затратный (эргатический), основанный на расчете работы природы по формированию палеокапитала [1]. В данной работе предлагается промежуточный рыночно-эргатический метод, основанный, с одной стороны, на рыночной величине ВВП, а с другой, на системе ценностей и приоритетов социумов.

Природный капитал рассматривается нами состоящим из возобновляемого и невозобновляемого (эко- и палеокапитала, соответственно). Учет невозобновляемых ресурсов не позволяет в общем случае ввести величину производства палеокапитала. Поэтому рассматривается не производство, а удельный природный капитал (в расчете на одного человека). В рамках же используемой линейной модели производство капи-

талов пропорционально величинам этих капиталов. Следовательно, индекс природного капитала (отношение капиталов) и индекс его производства совпадают.

Индекс экокапитала. Учтем следующие главные составляющие экокапитала (УЭК) (в расчете на одного человека): географическую территорию (площадью S), площадь лесов (S_1), площадь сельхозземель (S_2) и объем (массу) пресной воды M . Тогда для величины экокапитала запишем:

$$\text{УЭК} = aS + bS_1 + cS_2 + eM, \quad (28)$$

где a, b, c, e - коэффициенты, имеющие смысл удельной стоимости составляющих экокапитала (долл./км², долл./м³).

Преобразуем выражение (28), причем частные индексы экокапитала $I_{э}$ будут:

$$I_{э1} = S / S_{\max} \quad (30)$$

$$I_{э2} = S_1 / S_{1\max} \quad (31)$$

$$I_{э3} = S_2 / S_{2\max} \quad (32)$$

$$I_{э4} = M / (M_{\max}) \quad (33)$$

Причем значок *max* относится к максимальным значениям соответствующих величин среди всех стран мира.

При этом, как и ранее, условно допускается равноценным иметь максимальные значения частных экокапиталов, то есть:

$$aS_{\max} = bS_{1\max} = cS_{2\max} = eM_{\max} \quad (34)$$

В итоге имеем следующую расчетную формулу для индекса экокапитала:

$$I_{э} = \text{УЭК} / (\text{УЭК})_{\max} = 1/4 (I_{э1} + I_{э2} + I_{э3} + I_{э4}), \quad (35)$$

причем $(\text{УЭК})_{\max} = 4aS_{\max}$.

В дальнейшем могут быть учтены другие составляющие экокапитала: площадь лугов, почвы, биопродуктивность, антропогенные загрязнения и др.

Палеокапитал. Под природным палеокапиталом станем понимать часть национального богатства, аккумулированного в месторождениях полезных ископаемых. Будем отдельно учитывать горючие ископаемые и металлические полезные ископаемые, ценности которых вполне сопоставимы друг с другом (неметаллические ископаемые из-за отсутствия необходимых для расчета данных на данном этапе не учитываются). При этом рассматривается удельный палеокапитал УПК (в расчете на одного человека). Для него запишем:

$$\text{УПК} = \Phi_r + \Phi_m \quad (36)$$

Здесь Φ_r, Φ_m – составляющие палеокапитала, относящиеся к месторождениям горючих и металлических ископаемых, соответственно.

Введем индекс палеокапитала I_p :

$$I_p = A_u / 2A_{u\max} = 1/2 (I_{p1} + I_{p2}) \quad (37)$$

где положено:

$$\Phi_{r\max} = \Phi_{m\max} \quad (38)$$

$$I_{p1} = \Phi_r / \Phi_{r\max} \quad (39)$$

$$I_{p2} = \Phi_m / \Phi_{m\max} \quad (40)$$

Рассмотрим горючие ископаемые, включающие в себя нефть, газ и каменный уголь. Полагаем, что каждый из этих частных капиталов пропорционален соответствующим запасам полезного ископаемого (M с соответствующими значками, в расчете на одного человека). Тогда получим:

$$I_{g1} = 1|3 (I_{1y} + I_{1u} + I_{1e}) = 1|3 (V_y|V_{y\max} + V_u|V_{u\max} + V_e|V_{e\max}) \quad (41)$$

Здесь частные индексы по нефти, газу и углю будут:

$$I_{1н} = \Phi_n / \Phi_{н\max} \quad (42)$$

$$I_{1г} = \Phi_g^* / \Phi_{г\max}^* \quad (43)$$

$$I_{1у} = \Phi_y / \Phi_{у\max} \quad (44)$$

Примечание: значок * относится только к газу.

При этом, как обычно положен равнозначным вклад отдельных составляющих $\Phi_{г\max}$:

$$\Phi_{н\max} = \Phi_{г\max}^* = \Phi_{у\max} \quad (45)$$

Рассмотрим составляющие палеокапитала, соответствующие металлическим полезным ископаемым. Для этого надо знать прогнозные запасы по странам мира всех металлических ископаемых. Всемирный банк учитывает при расчетах природного капитала 10 ресурсов [8,10]: алюминий, медь, золото, железная руда, никель, фосфаты (неметаллическое полезное ископаемое), серебро, олово, цинк.

Нам удалось найти по разным источникам [11,12,14 и др.] данные по прогнозным запасам 16 металлических ископаемых: бокситы, вольфрам, железо, золото, марганец, медь, молибден, никель, ниобий, олово, ртуть, серебро, свинец, титан, хром, цинк.

Расчет частного индекса палеокапитала $I_{п2}$ проводился по формуле:

$$I_{п2} = 1/16 (\sum_i)(M_i/M_{i\max}) , \quad (46)$$

где M_i - прогнозный запас i - металла для данной страны, $M_{i\max}$ - максимальное значение M_i среди всех стран мира. При этом ведется суммирование по i от $i=1$ до $i=16$.

Для индекса палеокапитала имеем в соответствии с (37) следующую расчетную формулу:

$$I_g = 1|2 [1|3 (I_{1y} + I_{1u} + I_{1e}) + I_{g2}] , \quad (47)$$

причем частные индексы в (47) находятся по формулам (42)-(44), (46).

Расчетные данные по индексу качества жизни

Как уже отмечалось, качество жизни соотносится с производством удельного национального (странового) капитала (ПНК). Индекс качества жизни равен отношению достигнутого в данной стране качества жизни к его идеальной, желаемой величине. За идеальную величину качества жизни принимается производство национального капитала, соответствующее максимальным наблюдаемым величинам производств частных капиталов среди всех стран мира.

Рассмотрим последовательно результаты расчета каждой из составляющих индекса качества жизни, входящих в формулу (6), (см. табл.1).

Расчеты проводились на основе статистических данных за 2007 г. Первые пять стран по индексу производства физического капитала следующие: Лихтенштейн – Катар – Люксембург – Бермуды – Кувейт. Россия в этом ряду занимает 75 место (ее УФК составляет 395 тыс. дол). Первые пять стран по индексу производства человеческого капитала такие: Парагвай – Израиль – США – Египет – Гватемала. Россия занимает в этом рейтинге 168 место - между Брунеем и Вьетнамом.

Первые пять стран по индексу производства социальному капиталу следующие: Бангладеш – Япония – Норвегия – Лаос – Индия. У России – 100 место (между ЮАР и Свазилендом).

Таблица 1

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ И ЕГО ИНДЕКСЫ: МИР И РОССИЯ

Индекс качества жизни (I) и его составляющие для ряда стран

Рейтинг	Страна	I	I _ф	I _ч	I _с	I _э	I _п
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Австралия	0.611	0.462	0.588	0.9029	0.7359	0.3665
2	Канада	0.556	0.472	0.595	0.9182	0.7167	0.0767
3	Норвегия	0.520	0.676	0.620	0.9658	0.3013	0.0380
4	Люксембург	0.492	1.000	0.532	0.9068	0.0196	0
5	Исландия	0.473	0.501	0.659	0.6548	0.5505	0
6	Швеция	0.436	0.465	0.595	0.9430	0.1643	0.0125
7	Ирландия	0.427	0.562	0.588	0.9348	0.0525	0
8	Кувейт	0.426	0.714	0.630	0.6105	0.0049	0.1703
9	Гайана	0.424	0.047	0.536	0.7972	0.7132	0.0258
10	Финляндия	0.423	0.451	0.506	0.9472	0.2108	0
11	Катар	0.419	1.000	0.268	0.6517	0.0095	0.1667
12	Дания	0.408	0.457	0.627	0.9385	0.0158	0.0010
13	Швейцария	0.407	0.481	0.581	0.9457	0.0277	0
14	Нидерланды	0.405	0.485	0.608	0.9159	0.0175	0.0004
15	США	0.402	0.564	0.713	0.5977	0.0891	0.0484
16	Австрия	0.400	0.465	0.542	0.9396	0.0485	0.0034
17	Греция	0.392	0.385	0.627	0.9152	0.0161	0.0172
18	Великобритания	0.392	0.439	0.610	0.8964	0.0135	0.0004
19	Франция	0.388	0.384	0.600	0.9280	0.0255	0
20	Израиль	0.387	0.340	0.718	0.8716	0.0040	0
23	Германия	0.382	0.409	0.556	0.9273	0.0144	0.0037
24	Испания	0.381	0.401	0.569	0.8787	0.0315	0.0230
29	Парагвай	0.365	0.051	0.765	0.7042	0.3067	0
30	Япония	0.365	0.415	0.425	0.9669	0.0158	0.0001
31	Словения	0.364	0.362	0.442	0.9499	0.0656	0
39	Бразилия	0.347	0.121	0.651	0.7097	0.2177	0.0346
40	Чили	0.347	0.181	0.525	0.7597	0.2041	0.0643
41	Южн. Корея	0.344	0.318	0.454	0.9374	0.0087	0.0001
43	Чехия	0.342	0.315	0.472	0.9016	0.0203	0.0000
45	Мексика	0.341	0.169	0.676	0.7989	0.0508	0.0079
49	Таджикистан	0.334	0.021	0.674	0.9134	0.0593	0
50	Хорватия	0.332	0.199	0.466	0.9089	0.0873	0
63	Индия	0.319	0.034	0.595	0.9550	0.0097	0.0033
64	Эстония	0.319	0.257	0.414	0.8108	0.1134	0
73	Боливия	0.311	0.055	0.392	0.6114	0.4471	0.0478
80	Россия	0.304	0.186	0.285	0.6569	0.3256	0.0686
81	Румыния	0.303	0.147	0.470	0.8701	0.0278	0.0011
92	Китай	0.286	0.072	0.453	0.8720	0.0189	0.0144
93	Украина	0.285	0.092	0.426	0.8259	0.0320	0.0478
99	Турция	0.273	0.152	0.300	0.8883	0.0248	0.0011
112	ЮАР	0.261	0.122	0.346	0.6602	0.0484	0.1297
113	Индонезия	0.261	0.046	0.262	0.9453	0.0497	0.0036
114	Беларусь	0.261	0.141	0.307	0.7978	0.0607	0

По индексу экаопитала первые пять стран такие: Австралия – Суринам – Канада – Гайана – Габон. Россия занимает в рейтинге 19 место – между ЦАР и Парагваем.

По индексу палеокапитала имеем следующий рейтинг: Австралия – Кувейт – Катар – Казахстан – ЮАР. Россия занимает в рейтинге 8 место – между Канадой и Чили.

Объединение индексов (по формуле (6)) дает следующие результаты (см. табл.1). По индексу качества жизни пять стран с максимальным значением индекса (в

скобках) будут: Австралия – Канада – Норвегия – Люксембург – Исландия. Россия по данному индексу занимает 80 место – между Македонией и Румынией.

Условно разбивая интервал изменения I на три равные части, получим условное деление стран на развитые ($I = 0,4 - 0,611$), развивающиеся ($I = 0,2 - 0,4$) и страны с низким уровнем развития ($I < 0,2$). Россия по индексу качества жизни ($0,304$) занимает средний уровень в когорте развивающихся стран.

Примечательно следующее. Ряд стран, обладая весьма низким ВВП (меньше 10 тыс. долл.), имеют, тем не менее, достаточно высокий индекс качества жизни. Кажущееся несоответствие между индексом качества жизни и ВВП обусловлено главным образом фактором рождаемости, которая в странах с низким ВВП существенно выше, чем в богатых странах. Указанное лишнее подтверждает вывод, сделанный нами ранее [3-5] о том, что материальный уровень жизни весьма косвенно влияет на качество жизни.

Условно примем уровень качества жизни и материального благосостояния Испании ($I = 0,401$, ВВП = 34100 долл.) за оптимальный. Тогда все страны, находящиеся в области выше прямой на рис.1, являются странами с недостаточным материальным развитием. И наоборот, страны ниже прямой – избыточного материального развития и относительно недостаточного гуманитарного развития. Последнее особенно характерно для «богатых» малых стран: Лихтенштейн, Катар, Бермуды, Джерси.

Данные по индексам человеческого и социального капитала имеют принципиальное значение для понимания эволюционной ситуации в России. Крайне низкое ее положение в ряду развитости по I_h (168 место) и I_s (100 место) показывает неудовлетворительность гуманитарной и социальной компоненты качества жизни в стране. Отставание гуманитарной компоненты обусловлено низкой рождаемостью и продолжительностью жизни, высокой суицидностью. Неудовлетворительное состояние социальной составляющей качества жизни имеет место, в первую очередь, из-за сильного социального расслоения и высокой преступности. Мы еще раз констатируем (об этом авторы уже неоднократно писали [1-5]): Россия переживает острый социогуманитарный кризис.

Что касается индексов природного капитала, то здесь положение России хорошее: по индексу экапитала I_z ($0,326$) она занимает 19 место, а по индексу палеокапитала I_p ($0,069$) – 8 место. Заметим, что низкое значение последнего индекса практически для всех стран мира (максимальный I_p для Австралии равен всего лишь $0,366$) обусловлено крайне неравномерным распределением полезных ископаемых по странам мира.

В заключение сопоставим наши данные по индексу качества жизни с данными ПРООН по ИРЧП [13]. Первые пять стран по ИРЧП за 2007 г. следующие (в скобках указано значение индекса): Норвегия ($0,971$) – Австралия ($0,970$) – Исландия ($0,969$) – Канада ($0,966$) – Ирландия ($0,965$). Россия занимает в этом рейтинге 71 место (ИРЧП = $0,817$). Как видно, рейтинг по ИРЧП строится лишь на основе разницы в третьем знаке ИРЧП после запятой. Наш индекс качества жизни более презентативен – по нему страны различаются уже во втором знаке после запятой. Австралия и Канада в нашем рейтинге занимают первые два места (по ИРЧП – 2 и 4 место, соответственно) благодаря учету природного капитала.

Наконец, отметим следующее. Сравнительно невысокое значение максимального значения индекса качества жизни (у Австралии – $0,611$) показывает, что мир в целом еще весьма далек от идеального развития, при котором I приближается к 1. У мира имеются большие перспективы для своего дальнейшего развития и совершенствования. В отличие от этого максимальный ИРЧП ($0,971$ Норвегии в 2007 г.) уже близок к 1. Тем самым кардинально сужены перспективы развития, а сегодняшний мир как бы уже близок к идеальному состоянию. Такое расхождение между индексом качества жизни I и ИРЧП связано с тем, что при расчете I мы учли существенно больше значимых факторов, чем это делается при расчете ИРЧП [6,9,13]. Таким образом, индекс I качества жизни более перспективен для практического использования, чем ИРЧП.

Социогуманитарное развитие и Россия

Судьба не обделила Россию ни территорией, ни полезными ископаемыми. В целом Россия имеет не последний рейтинг по национальному богатству – 10 место в мире. С этим резко контрастирует низкое положение России по индексу качества жизни – 80 место в мире. Отсталость России – из-за неудовлетворительного производства человеческого и социального капитала (соответственно, 168 и 100 место в мировом рейтинге). Данное несоответствие показывает низкую эффективность использования в России национального богатства, как потенциала развития. Последнее является следствием как сырьевой направленности экономики, так и неприемлемого для страны либерального курса развития. Переход от сырьевого к инновационному развитию («Стратегия-2020») будет способствовать преодолению отставания от развитых стран в аспекте производства человеческого и социального капитала. С учетом специфики России это означает отход от либерализма и переход на социогуманитарную траекторию развития [1-5].

Современный финансово-экономический кризис показывает исчерпаемость существующего пути мирового развития, финальность материальной цивилизации, которая выдвигает на первый план экономику, возвышение материальных потребностей человека. На смену ей идет социогуманитарная цивилизация. В ней экономика перестает быть целью, а становится средством гармоничного развития человека, опережающего роста человеческой составляющей национального богатства.

Проанализируем в рамках нашего подхода главную для России проблему роста производства человеческого и социального капитала.

Человеческий капитал. Согласно (17), (19) производство человеческого капитала растет, если: 1) увеличивается рождаемость и продолжительность жизни, 2) увеличиваются социальные расходы государства, в частности, на образование и здравоохранение, 3) уменьшается суицидность.

Отрицательный прирост населения характерен не только для России, но и для некоторых развитых стран. Однако если для России он связан с высокой младенческой, детской, материнской смертностью и низкой продолжительностью жизни, то для развитых стран – с малой рождаемостью. Для России это факторы неблагоприятной социальной обстановки и слабого уровня развития медицины в стране. Для развитых стран существует другая причина этого явления. По нашему мнению, она заключается в системе ценностей либерального общества. Приоритет материального над гуманитарным, власть денег, культ успешности, гедонизм и многое другое – все это приводит к уменьшению рождаемости. Проблема рождаемости носит во многом общий мировоззренческий характер. Неблагоприятную ситуацию можно переломить лишь утверждением социогуманитарных ценностей, мировоззрения социогуманизма [1-5].

Аналогичный вывод справедлив и в отношении продолжительности жизни. При достижении определенного значения ВВП, как показывают статистические данные, дальнейший его рост существенно не влияет на продолжительность жизни. Низкий кпд функционирования либеральных обществ (в том числе, и России) будет преодолен через становление мировоззрения социогуманизма, утверждающего жизнь высшей ценностью бытия. Это будет означать задействование обратной (отрицательной) связи между витальным и духовным капиталом [2, 5], способствующим увеличению продолжительности деятельной жизни.

Вполне очевидна необходимость роста социальных расходов государства – инвестиций в человека. Именно рост интеллектуального капитала способен обеспечить переход российской экономики на инновационное развитие и реализацию Стратегии-2020. Рост ВВП будет тогда происходить при меньшем расходе природного ресурса и уменьшении загрязнения окружающей среды. Все это в совокупности будет способствовать преодолению в России кризиса человека, уменьшит суицидность и обеспечит необходимый рост духовного капитала.

Социальный капитал. Согласно (30,32) производство социального капитала растет, если уменьшаются безработица, социальное расслоение и преступность. Как достичь этих целей, по этому вопросу существует масса публикаций. В свете развиваемой нами концепции социогуманитарного государства [1-5] решение данных вопросов упирается в систему господствующих в обществах ценностей и приоритетов. Переход к социогуманизму является необходимой предпосылкой для роста производства как социального, так и человеческого капитала. Этому же способствует гармоничное развитие человека, рост его качества.

Переход у социогуманитарному развитию станет способствовать и решению проблемы сохранения природного капитала. При анализе экокапитала мы учли лишь количественную сторону проблемы. Вопрос качества, связанный с антропогенным искажением биосферы, не затрагивался.

Задействование обратной связи в системе природа-человек (не только «природа для человека», но и «человек для природы»), выполнение человеком своей биосферной функции [2,3] способно кардинально изменить отношение человека к природе. Тем самым будут постепенно сниматься экологические проблемы современности.

Что касается палеокапитала, то рост инвестиций в человека станет способствовать инновациям, внедрению новых энергоемких и малоотходных технологий, уменьшающих расход невозобновимых ресурсов и увеличивающих эффективность геологоразведочных работ. Все это в совокупности будет способствовать уменьшению темпов использования невозобновимых ресурсов.

Для России особенно актуален социогуманитарный переход – от экономики, ориентированной на прибыль, к экономике для гармоничного развития человека. Последнее означает согласованный, соразмерный рост составляющих человеческого капитала – витальной, интеллектуальной и духовной. Такой переход невозможен без коренного изменения культурной политики государства – отхода от коммерциализации культуры к политике, обеспечивающей гармоничное развитие человека.

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя «Национальная Идея». Такой на настоящем этапе является идеология социогуманизма [3,5], утверждающая жизнь высшей ценностью бытия, приоритет гуманитарных ценностей над материальными. Существование государственной идеологии отнюдь не противоречит идеологическому разнообразию.

* * *

1. Астахов А.С., Бушуев В.В., Голубев В.С. Устойчивое развитие и национальное богатство России. М., Энергия, 2009.

2. Бушуев В.В., Голубев В.С. Основы эргодинамики. М., Энергия, 2003.

3. Бушуев В.В., Голубев В.С. Социоприродное развитие. М., Энергия, 2007.

4. Бушуев В.В., Голубев В.С., Зволинский В.П., Тарко А.М. Социогуманитарное развитие: Россия и мир. М., Энергия, 2007.

5. Бушуев В.В., Голубев В.С., Коробейников А.А., Селюков Ю.Г. Человеческий капитал для социогуманитарного развития. М., Энергия, 2008.

6. Доклад о развитии человека. М., Весь мир, 2006.

7. Национальная экономика. М., Экономист, 2007.

8. Сильвестров С.Н., Порфирьев Б.Н. Национальное богатство: оценка и управление экономическим развитием. М., Экономические науки, 2008.

9. Human development report 2007/2008. Fighting climate change: human solidarity in a divided world. United Nation development program. New York. 2008. 399 p.

10. Where is the Wealth of nation? Measuring capital for the 21st Century. Washington, World Bank, 2006.

11. The World Factbook. Washington, DC, CIA. 2008. <http://www.cia.gov/library/publications/download/download-2008/index.html>

12. WHO Statistical data on suicides. (2007): <http://www.who.int/mentalhealth/prevention/suicide/suicideprevent/en/index.html>

13. World Development Report 2009: Reshaping Economic Geography. World bank. 2008. 383 p.

14. World Health Statistics 2008. World Health Organization. 2008.

 **ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
В СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ**

**Воронин А.Н.
Горюнова Н.Б.**

В работе анализируется вхождение человека в глобальные профессиональные сообщества. Введен новый объект исследования психологии способностей – субъекты, включенные в сообщества глобализации, психосоциальные параметры которых существенно не зависят от места их локализации, доминирующей культуры, этноса, но связаны с психологическими ресурсами участников различных глобальных сообществ, социальной средой и атрибутами сообществ глобализации. Описаны наиболее явные атрибуты сообществ глобализации. Выделена группа способностей, определяющих эффективность деятельности участников глобальных сообществ.

Работа поддержана Российским гуманитарным научным фондом (грант № 09-06-00401а).

Ключевые слова: интеллектуальная деятельность, познавательные способности, ментальный релятивизм, дискурсивные способности, субъекты сообществ глобализации, качество жизни.

Концепции, создаваемые с привлечением конструкта «глобализация», являются наиболее популярным инструментом для анализа социальных процессов в политологии, социологии, культурологии и т.д. Модели глобализации описывают довольно широкий спектр событий и тенденций от развития мировых идеологий и борьбы за установление мирового порядка до создания планетарных СМИ и экспансии западной культуры в разные регионы мира. Однако психологические следствия процесса глобализации остаются без должного внимания.

Процесс глобализации определяет необходимость создания в современных государствах достойных условий жизни не только для будущих, но и ныне живущих поколений, что и обуславливает все возрастающий интерес к проблематике качества жизни. Значимость проблемы качества жизни в России возрастает также в связи с тем, что человеческий ресурс в условиях активно идущих процессов старения и депопуляции населения становится самым дефицитным ресурсом. Вряд ли у кого-то вызовет сомнение тот факт, что качество жизни современного человека обусловлено успешностью его профессионального обучения и профессиональной деятельности. Вхождение человека в то или иное глобальное профессиональное сообщество значимо улучшает его уровень доходов, изменяя, тем самым, качество жизни, и расширяет его возможности. В психологии накоплен огромный эмпирический материал относительно значимых предикторов (факторов, предсказывающих что-либо) успешности профессиональной деятельности, среди которых выделяют интеллект, мотивацию, личностные черты индивида, систему ценностей и т.д. При этом несоответствие объекта исследования реальным изменениям современного общества (в том числе – игнорирование процессов глобализации) и недостаточное использование современных парадигм получения гуманитарного знания, безусловно, негативно сказывается на развитии теории психологии способностей.

При анализе процесса глобализации как социального явления появляется новый объект исследования психологии способностей – субъекты, включенные в глобальные сообщества. В психологическом плане существенным является то, что новые общно-

сти (группы людей) обладают уникальным сочетанием способностей. Эти люди образуют некоторые глобальные сообщества, при этом их глобальная представленность вне зависимости от существующих границ – лишь одна из существенных характеристик таких сообществ. Как правило, к участникам глобальных проектов предъявляются особые требования, что приводит к модификации интеллектуальной деятельности.

Совместная интеллектуальная деятельность является необходимым условием проявления интеллектуального потенциала большинства индивидов. Интеллектуальная деятельность – внешняя совместная деятельность двух и более человек в специально организованных ситуациях (тестирование, обучение, решение профессиональных проблем в ходе специально организованных мероприятий) по решению специальной познавательной задачи. В процессе интеллектуальной деятельности, по крайней мере, один из участников, проявляя интеллект и креативность, пытается преодолеть интеллектуальную несостоятельность, что приводит к изменению уровня интеллекта и креативности. Совместная интеллектуальная деятельность явно иницируется и завершается кем-то из участников, между которыми предполагается распределение ролей на разных ее этапах.

Концепция совместной интеллектуальной деятельности явилась развитием подхода, в рамках которого рассматривается влияние ситуационных и межличностных детерминант на проявление интеллекта, креативности и, в первую очередь, направления интеракционизма (направление в современной социальной психологии, базирующееся на концепции социального взаимодействия и представленное в работах Endler, Naiser, Uzgiris, Collins и др.). Взаимодействие между человеком и средой также учитывается в концепции "транзакций", где анализируется обоюдное влияние и реципрокное (разнонаправленное) взаимодействие между личностью и средой (Pervin, Levis). В рамках данного подхода предполагается, что вполне возможна их взаимная адаптация. Можно указать несколько моделей, описывающих влияние среды на познавательную сферу: модель развития через информационное обогащение, модель развития через обучение, модель атмосферы, модель имитации, модель эмоциональной близости, идентификационная модель, экспозиционная модель, модель когнитивного конфликта, модель социо-когнитивного конфликта, модель внушающей оценки. Перечисленные модели в общем виде описывают влияние социальной среды на интеллект, креативность и познавательные способности, не уточняя, какая именно социальная структура выступает агентом этого влияния.

Наличие множества факторов, влияющих на развитие интеллекта и креативности, неоднородность и неоднозначность этого влияния говорит о том, что не учитываются существенные модераторы этого влияния, выявление которых при традиционном подходе к изучению интеллекта и креативности невозможно. На наш взгляд, в первую очередь необходимо рассматривать межличностное взаимодействие всех субъектов, включенных в этот процесс.

Не менее актуальна проблема учета влияния социально-психологических факторов на результаты совместной интеллектуальной деятельности. Изучая влияние разных факторов на результаты экспериментального исследования, Дружинин приводит классификацию психодиагностических ситуаций, исходя из комбинации возможных субъектов принятия решения при "входе" и "выходе" из психодиагностической ситуации: ситуация консультации, ситуация отбора, ситуация добровольного обследования, ситуация экспертизы. При этом тип психодиагностической ситуации оказывает существенное влияние на уровень проявления познавательных способностей обследуемых [2].

Успешность и весь ход интеллектуального процесса зависит как от более конкретных, так и от менее определенных факторов ситуации, ее формальных и содержательных компонентов. Традиционно под формальными элементами ситуации решения задачи подразумевают временные характеристики мыслительного процесса: время от начала решения данной задачи, очередность предъявления основной задачи и задачи-подсказки, а также других заданий, наличие факта неудачи. Содержательные элемен-

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ты – это, прежде всего, наличие и сила поисковой доминанты, преобладание осознаваемых и неосознаваемых мыслительных процессов, эмоциональный фон испытуемого, в том числе, и переживание им неудачи.

Рассмотрение ситуационных и межличностных детерминант приводит к необходимости изучения процесса решения задач в конкретных условиях и в условиях межличностного взаимодействия. Проблемам взаимосвязи интеллекта и личностных характеристик посвящено множество работ (Спирмен, Айзенк, Саклофски, Костура, Робинсон, Кеттелл, Русалов и др.), однако представленные в них результаты не позволяют сформулировать однозначные выводы. Неоднозначность результатов может быть вызвана различными причинами: недостаточно репрезентативной выборкой, изменчивостью изучаемых переменных, игнорированием существенных переменных, влияющих на получаемые результаты. В качестве последних можно указать и характер межличностных отношений, опосредующих как процесс психодиагностического обследования, так и процесс обучения и развития. Схожая картина имеет место и в отношении взаимосвязи креативности и личностных особенностей. Анализ литературы по данному вопросу позволяет сделать вывод о несогласованности и противоречивости полученных данных.

Собственно концепция совместной интеллектуальной деятельности является выходом из создавшейся ситуации. Однако рассмотренные в ней ситуации взаимодействия характерны для определенного типа групп («ученик – учитель», «обследуемый – психодиагност» и т.д.). Характер взаимодействия в «случайных» или «специально организованных» для конкретных задач группах принципиально иной. При этом эффективность интеллектуальной деятельности таких групп, в том числе и инновационный потенциал, остается величиной неопределенной.

Исследования в русле психологии способностей, как правило, сводятся к эмпирическому изучению различных видов интеллекта и креативности. Преимущественно в этих же терминах осуществляется теоретическое осмысление выявленных фактов и закономерностей. Можно констатировать, что современные исследования в области интеллекта вполне оформились как самостоятельные направления психологической науки со своей феноменологией, методическим аппаратом и обобщающими концепциями. При этом в общей картине изучения способностей преобладают прикладные аспекты: психодиагностика способностей, способности в образовании, способности в профессиональной деятельности, изучение компетентности. Вследствие конкретизации объекта изучения (выборки обучаемых при различных формах обучения, либо различные выборки профессионалов) утрачивалась фундаментальность исследования. Такой объект исследования не соответствует реальным изменениям современного общества. Недостаточное использование современных парадигм получения гуманитарного знания и игнорирование процессов глобализации, безусловно, ограничивает область применения теории психологии способностей.

Современные модели глобализации описывают довольно широкий спектр событий и тенденций [4]. Однако психологические следствия процесса глобализации долгое время оставались без должного внимания. Существуют разные парадигмы описания феномена глобализации и связанных с ней последствий. С точки зрения Giddens, глобализация определяется как «интенсификация распространяющихся на весь мир социальных отношений, которые связывают удаленные места таким образом, что локальные события формируются событиями, происходящими за много миль от них, и наоборот» [6, р. 64]. В результате экспансии транснациональной массовой культуры и распространения культурных гибридов возникает феномен мультикультурализма, который предполагает плюрализм культурных традиций, сосуществование на территории национального государства различных культур. Sklair связывает глобализацию с процессом формирования системы транснациональных практик, автономизирующихся от внутренних условий национальных государств и их интересов в международных отношениях [8].

Appadurai предложил рассматривать глобализацию как детерриториализацию, т.е. утрату привязки социальных процессов к физическому пространству. В ходе глобализации формируется «глобальный культурный поток», распадающийся на ряд культурно-символических пространств (этнопространство, технопространство, финанпространство, медиапространство и идеопространство). Эти нестабильные пространства являются «строительными блоками» тех «воображаемых миров», в которых люди взаимодействуют посредством символических обменов. В рамках концепции «воображаемых миров», конструируемых глобальными потоками, дихотомия «локальное/глобальное» трактуется феноменологически. Локальное (этнокультурная идентичность, религиозный фундаментализм, общинная солидарность) конструируется из тех же культурных образных потоков, как и глобальное. То есть современное локальное становится столь же детерриториализовано, как и глобальное [5].

Та же логика замещения дихотомии «локальное/глобальное» дихотомией «территориальное/детерриториализованное» обнаруживается в работе Waters [10]. В связи с экспансией символических обменов глобализация трактуется как совокупность тенденций, ведущих к детерриториализации социального. Согласно Waters, в основе теории глобализации лежит концепция отношения между социальной организацией и территориальностью. В каждый исторический момент это отношение определяется одним из трех типов обменов: материальным (локализации социальных отношений), политическим (интернационализация) и символическим (освобождение социальных отношений от пространственной референции). Процесс создания и трансляции интеллектуальных и эстетических символов может относительно легко перемещаться и осуществляться между территориально удаленными индивидами или группами.

Таким образом, во всех теориях глобализации лежит дихотомическая типология социальной организации: локальное *versus* глобальное. В рамках этой типологии любые изменения связываются, как правило, со сменой пространственных характеристик социальной организации и социальных взаимодействий. Поэтому дискурс глобализации часто трактуется как «пространственная» теория изменений [7; 9]. В теориях глобализации такое дихотомическое различие становится парадигмой описания и объяснения любых тенденций, однако при создании теоретических моделей не учитываются изменения исторических и географических особенностей.

Здесь необходимо кратко остановиться на современных средствах, обеспечивающих процессы глобализации. Перечень реальных ценностей виртуального мира "информационного общества" для "пользователей" достаточно широк: доступность интерактивной информации в визуальном и текстовом формате, разнообразные справочники, СМИ, глобальный Интернет и т.д. Как всякое техническое средство, новые информационные технологии амбивалентны и полифункциональны. С одной стороны, скорость и клиповая смешанность информационных потоков снижает порог рефлексивной чувствительности и превращает человека в "пользователя". С другой стороны, информационные технологии современной культуры не просто расширяют видение целостности мира, его взаимосвязи и возможности, но позволяют вступать в диалог с различными цивилизациями и культурами, поднимая на новый уровень проблему уникальности культур как общечеловеческой ценности. Это проявляется и в структуре мышления современного человека, утрачивающего односторонность, монологический ригоризм и догматизм, фанатическую самоуверенность в принадлежащей только ему истине и все более широко и последовательно признающего диалог оптимальной формой всех человеческих взаимоотношений. При этом психологические следствия процесса глобализации все еще остаются без должного внимания и с очевидностью не вытекают из популярных на сегодняшний день подходов.

Наиболее перспективным, на наш взгляд, является уход от рассмотрения предельно общих вопросов глобализации культуры и общества в целом и фокусирование внимания на проблемах отдельного человека или группы людей, включенных в те или иные сообщества глобализации. Проблемы психологии отдельного человека или груп-

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

пы людей в условиях глобализации зависят, прежде всего, от степени их включенности в данный процесс. При этом сам процесс глобализации для конкретного человека может выступать в неявной, скрытой форме, включенность в эти процессы порождает специфические психологические проблемы.

При анализе глобализации как социального явления появляется новый объект исследования психологии способностей. При этом существенным в психологическом плане является то, что новые общности (группы людей) обладают уникальным сочетанием способностей. Эти люди образуют некие глобальные сообщества, при этом глобальная представленность этих сообществ не зависит от существующих «границ» и является лишь одной из их существенных характеристик. Мы полагаем, что психосоциальные параметры субъектов, включенных в сообщества глобализации, существенно не зависят от места их локализации, доминирующей в данной местности культуры, этноса, но связаны с психологическими ресурсами участников различных глобальных сообществ, социальной микросредой и атрибутами сообществ глобализации.

Отметим наиболее явные атрибуты сообществ глобализации: разветвленная сеть филиалов и/или представительств в различных регионах; собственная система обучения, развития и карьерного роста; собственные кодексы этики, в том числе и деловой; регулярные тренинги повышения корпоративности и/или консолидации участников сообществ; унифицированные форматы и программы обучения; специфические дискурсы; специфическая одежда, внешность, аксессуары; специфические паттерны поведения.

Как правило, из-за тотальной неопределенности глобальных проектов к участникам предъявляются особые требования, что приводит к модификации интеллектуальной деятельности. Назовем лишь некоторые из условий, в которых разворачивается совместная интеллектуальная деятельность участников подобных проектов:

- неопределенность и обезличенность участников интеллектуальной деятельности;
- неопределенный и непостоянный состав участников;
- временная и пространственная неопределенность проекта;
- неопределенность виртуальной и реальной картины происходящего;
- особый дискурс субкультуры глобального сообщества;
- отсутствие «традиционных» ролей участников интеллектуальной деятельности;
- новые, непонятные социальные роли;
- наличие/отсутствие непосредственного взаимодействия между участниками;
- опосредованность интеллектуальной деятельности современными средствами

коммуникации (теле- и аудиоконференции, e-mail интеракции, службы быстрых сообщений, целевые Интернет-форумы и т.п.).

В рамках психологии способностей субъектов глобализации можно выделить группу способностей, определяющих эффективность деятельности участников глобальных сообществ. Во-первых, это способности, определяющие эффективность предметной деятельности человека как члена глобального сообщества: «традиционные» и «профессиональные». Традиционные конструкты психологии способностей (психометрический интеллект, аттенционные и мнемические способности и т.п.), появившиеся в ходе изучения выборок учащихся в условиях традиционной системы образования, условно можно назвать познавательными. Профессиональные способности – конструкты, разработанные для изучения профессиональных выборок, которые конкретизировались и дополнялись с учетом исторически ранее выявленных конструктов (интеллекта и креативности). Второй тип способностей условно можно назвать ментальным релятивизмом. Это способности к изменению душевной организации человека, структурированию и трансформации внутреннего его мира, способности к саморазвитию и самосовершенствованию. И, наконец, дискурсивные способности, обеспечивающие эффективность коммуникации в глобальных сообществах на основе эмоциональной окрашенности, мотивации, интенций говорящих и ситуационной отнесенности актов коммуникации.

Используя наиболее общее определение способностей как индивидуально-психологических особенностей, проявляющиеся в успешности выполнения одной или нескольких видов деятельности и обуславливающих легкость и быстроту приобретения знаний, умений и навыков, приведем в качестве примера некоторые умения и навыки, характерные для участников глобальных сообществ, овладение которыми обусловлено перечисленными выше способностями. Познавательные способности обеспечивают поиск необходимой информации в плохо структурированной информационной среде. Ментальный релятивизм проявляется в умении сохранять аутентичность в условиях социального диктата, быстро переструктурировать жизненный опыт и автобиографическую память, проявлять спонтанную «творческую активность». Дискурсивные способности обеспечивают возможность построить коммуникативно полноценный дискурс с использованием ограниченного набора выразительных средств, успешно коммуницировать с собеседником, представленным исключительно его текстовой продукцией, оперировать дискурсом в искусственно сконструированном коммуникативном поле.

Познавательные способности как наиболее разработанное понятие можно операционализировать через конструкты, включающие в себя качества, позволяющее человеку успешно адаптироваться в окружающей среде. К ним относят психометрический интеллект (вербальный, числовой, математический, пространственный) и креативность, социальный интеллект и социальную креативность, эмоциональный интеллект, когнитивный ресурс.

Существуют разные парадигмы описания взаимодействий человека со средой. Наиболее близкой нам является парадигма о взаимодействии человека и среды как адаптации. Среда выступает как источник информации, как носитель физических особенностей и как сфера взаимодействия между людьми. Человек адаптируется к средовым изменениям, выбирая поведение, адаптивное к событиям. Результатом адаптации или дезадаптации становится изменение личностных черт [1]. Согласно конструктивистской точке зрения человек не просто реагирует на среду (ситуацию), а активно ее конструирует. В основе данных представлений лежит положение, что среда никогда не может быть непосредственно известна. Связующим звеном для активного взаимодействия индивида со средой служат когнитивные структуры. То есть наши представления об окружении, полученные в процессе взаимодействия со средой, зависят от того, как мы структурируем свои наблюдения. Когнитивные структуры подготавливают индивида к принятию информации определенного вида и управляют его текущей познавательной активностью.

В качестве основных измерений среды предлагается рассматривать три параметра: неоднородность, изменчивость и информационную избыточность. В зависимости от степени выраженности состояний среды меняются требования к познавательным ресурсам индивида. В случае высокой неоднородности среды возрастают требования к интеллекту. При постоянной изменчивости среды повышается необходимый уровень креативности. В ситуации высокой степени информационной избыточности возрастают требования к когнитивному ресурсу и интуиции.

Теоретически можно выделить разные варианты соотношения параметров среды и требований к познавательным ресурсам. Если среда характеризуется высокой степенью неоднородности и изменчивости, то заведомо повышается необходимый уровень интеллекта и креативности. В условиях, когда среда характеризуется высокой неоднородностью, постоянной изменчивостью и информационной избыточностью, возрастают не только требования к разным познавательным ресурсам, но и к их согласованности. В современных условиях глобализации уровень, требуемый для профессионального творчества в разных сферах человеческой культуры, достаточно высок, что оставляет за пределами профессионального сообщества большее число людей. Креативность как способность изобретать новые идеи и воплощать их в реальность, очевидно, становится одной из наиболее востребованных в условиях осуществления глобальных проектов.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Теперь кратко остановимся на втором типе способностей, который мы условно назвали ментальным релятивизмом. В самом общем виде релятивизм (от лат. *relativus* – относительный) определяется как методологический принцип, состоящий в абсолютизации относительности и условности содержания познания (и, в частности, ментального опыта). В основе релятивизма лежит отказ от признания преемственности в развитии знания, преувеличение зависимости процесса познания от его условий (например, от биологических потребностей субъекта, его психического состояния или наличных логических форм и теоретических средств), подчеркивается постоянная изменчивость действительности и отрицание относительной устойчивости вещей и явлений. Таким образом, «ментальный релятивизм» предварительно можно определить как способности к изменению душевной организации человека, структурированию и трансформации его внутреннего мира в зависимости от сложившихся условий, способности к саморазвитию и самосовершенствованию. Данные качества становятся особенно востребованными в условиях реализации глобальных проектов.

Выше мы называли такие атрибуты сообществ глобализации, как унифицированные программы обучения, кодексы этики, в том числе и деловой, тренинги повышения корпоративности и консолидации участников сообществ, специфические дискурсы и паттерны поведения и т.п. Все это обуславливает формирование особого типа личности путем индоктринации субъекта в глобальное сообщество (обучение субъекта доктрине данного сообщества). «Ментальный релятивизм» становится одним из значимых аспектов познавательных ресурсов человека, обеспечивающих успешность его вхождения в сообщества глобализации.

Наряду с традиционно изучаемыми способностям, такими как вербальный интеллект, дискурсивные способности обеспечивают возможность оперирования различными формами дискурса в соответствии с целями коммуникации, особенностями адресата, социокультурным контекстом, условиями и видами общения. В современной психолингвистике изучение дискурса предполагает анализ как динамического процесса языковой деятельности, вписанной в социальный контекст, так и ее результата (вербального продукта). С одной стороны, ситуативный контекст задает правила вербального поведения и адекватные формы выражения, с другой стороны в дискурсе отражаются индивидуально-психологические характеристики субъектов взаимодействия (в частности, проявляются дискурсивные способности). Немаловажное значение имеют также когнитивные факторы, обеспечивающие эффективное оперирование вербальным материалом.

Операционализация конструкта «дискурсивные способности» предполагает рассмотрение семантически близких понятий, в структуре которых можно выделить дискурсивный аспект. Одним из таких конструктов являются языковые способности, которые определяются как индивидуально-психологические особенности, проявляющиеся в легкости и скорости приобретения лингвистических знаний, правил анализа и синтеза единиц языка, позволяющие строить и анализировать предложения, пользоваться системой языка для коммуникативно-речевых целей. Они обеспечивают скорость овладения языком (родным и неродным), а также эффективность использования языка в процессе коммуникации. Данные способности являются производными от таких индивидуальных качеств как уровень развития интеллекта, предшествующий опыт, способность накапливать и систематизировать информацию, принадлежность к психологическому типу, физическое развитие, мотивация и т.п. При этом в общей структуре языковых способностей можно выделить дискурсивный и лингвистический аспекты.

Дискурсивные способности предварительно можно определить как способности к освоению и реализации дискурсивных практик. По всей вероятности они реализуются на двух уровнях: как ментальная репрезентация данной социальной ситуации и как ментальная репрезентация коллективного субъекта (коллективного бессознательного), усвоенного в процессе овладения культурно-историческим опытом, языком. Наличие этого вида способностей позволяет добиваться эффективного взаимодействия и адекватного взаимопонимания между людьми в процессе общения, ускоряет процесс вы-

работки стратегии взаимодействия. В рамках изучения психологии субъектов глобализации «дискурсивные способности» можно рассматривать как способности, обеспечивающие эффективную коммуникацию в сообществах глобализации на основе эмоциональной окрашенности, мотивации, интенций говорящих и ситуационной отнесенности актов коммуникации.

Определяя место дискурсивных способностей в общей системе способностей, важно обозначить наиболее семантически близкие понятия, определяющие успешность вербального функционирования личности в обществе. Во-первых, это общий интеллект, который представляет собой способность к логическому рассуждению, планированию, решению задач, абстрактному мышлению, способность понимать сложные идеи, скорость обучения и способность извлекать пользу из полученного опыта. Другое близкое понятие – вербальный интеллект, или способность к вербальному мысленному анализу и синтезу, к решению вербальных задач на определение понятий, установлению словесных сходств и различий, иными словами, способность к освоению языка. Третье понятие – социальный интеллект, определяемое как способность к познанию социальных явлений. Еще одно понятие, тесно связанное с дискурсивными способностями – это коммуникативная компетенция, определяемая как умение человека адекватно организовать свою речевую деятельность соответствующими каждой конкретной ситуации языковыми средствами и способами [10]. Также под коммуникативной компетенцией понимается совокупность социальных, национально-культурных правил, оценок и ценностей, которые определяют как приемлемую форму, так и допустимое содержание речи на изучаемом языке. В связи с этим дискурсивные способности предлагается рассматривать как дискурсивный аспект коммуникативной компетенции, которые позволяют человеку инициировать, поддерживать, развертывать и завершать процесс общения, используя при этом языковые средства, соответствующие ситуации. Другой составляющей коммуникативной компетенции являются лингвистические способности, характеризующие легкость и быстроту приобретения лингвистических знаний, правил анализа и синтеза единиц языка и позволяющие пользоваться системой языка для коммуникативных целей.

Профессиональная деятельность в современных условиях глобализации характеризуется высокой информационной насыщенностью, высокими требованиями к интеллектуальным способностям и творческому потенциалу персонала. Интеллект является комплексным многомерным конструктом общих способностей человека, высокий IQ определяет успешность адаптации индивида к широкому классу задач. Как правило, профессиональная деятельность в сообществах глобализации – деятельность коллективная, предполагающая совместное принятие решений, ситуативное разделение обязанностей и согласованность действий на всех этапах ее выполнения. При этом успешность деятельности все больше зависит от группы людей (коллективного субъекта).

В одной из проведенных ранее работ изучалось влияние интеллекта и креативности на проявление личностных особенностей в разных условиях группового взаимодействия. Было показано, что для успешной адаптации в различных ситуациях взаимодействия от участников требуется актуализация и проявление личностных черт, соответствующих требованиям ситуации. Однако вопрос, от чего зависит проявление тех или иных свойств личности у конкретного человека в той или иной ситуации, остается открытым.

Мы полагаем, что уровень развития интеллекта непосредственно обуславливает проявление определенных личностных черт в различных ситуациях группового взаимодействия. Основная идея заключается в том, что интеллект предопределяет понимание человеком необходимости определенным образом модифицировать свое поведение в той или иной ситуации, чтобы в большей степени ей соответствовать и вести себя в ней адекватно. Допускается, что фиксация некоторых паттернов поведения в ходе группового взаимодействия как проявление определенных личностных черт несет в себе информацию не только об этих чертах, но и об их изменении в соответствии с требованиями ситуации. Причем степень расхождения черт личности должна соответ-

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ СООБЩЕСТВАХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

ствовать уровню развития интеллекта и свидетельствовать об адаптивных возможностях человека.

При рассмотрении глобализации как психосоциального процесса возникает проблема описания особого типа личности, который формируется путем индоктринации субъекта в глобальное сообщество. Другая проблема связана с формированием социальных ниш для коллективных и индивидуальных субъектов глобализации. На данном этапе исследования существуют трудности при операционализации новых конструктов, описывающих психологические ресурсы участников сообществ глобализации как сочетание познавательных, дискурсивных и духовных способностей. Одним из приоритетных направлений в решении поставленных задач является поиск новых маркеров индивидуально-психологических различий членов глобальных сообществ. Другое направление связано с разработкой моделей соответствия разных психологических конструктов (способностей, личностных свойств) конкретных участников глобальных сообществ «идеальному субъекту» глобализации, а также моделей соответствия приверженности стратегиям поведения, принятым в глобальных сообществах, возможностям вхождения в данные сообщества.

В заключение хотелось бы отметить несколько наиболее общих практических рекомендаций, позволяющих обеспечить более эффективное вхождение субъекта в то или иное глобальное профессиональное сообщество. Во-первых, необходимо повышение компьютерной грамотности, в том числе освоение (возможно дистантно) курса по какому-нибудь современному разделу информатики на английском языке в зарубежном колледже или университете. Также важно, по возможности, непрерывное изучение и совершенствование английского языка. Если субъект уже работает в «глобальной корпорации», то, возможно, следует обучиться чему-то, что может делать его руководителем, и желательно в том же месте, где он обучался. Если субъект не является членом глобального профессионального сообщества, то, возможно, стоит «войти» в какую-нибудь «глобальную структуру», то есть стать ее адептом.

* * *

1. Воронин А.Н. Интеллект и креативность в межличностном взаимодействии. М.: Изд-во: «Институт психологии РАН», 2004.

2. Дружинин В.Н. Когнитивные способности: структура, диагностика, развитие. М.: ПерСе; СПб.: Иматон-М, 2001.

3. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989.

4. Иванов Д.В. Эволюция концепции глобализации // Телескоп, 2002. №5.

5. Appadurai A. *Modernity at Large: Cultural Dimensions of Globalization*. Minneapolis, 1996.

6. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, 1990.

7. Featherstone M., Lash S. *Globalization, Modernity and the Spatialization of Social Theory: An Introduction* // *Global Modernities*. Ed. by M. Featherstone, S. Lash, R. Robertson. London, 1995.

8. Sklair L. *Sociology of the Global System*. Hemel Hempstead, 1991.

9. Therborn G. *Globalizations: Dimensions, Historical Waves, Regional Effects, Normative Governance* // *International Sociology*. 2000, N2.

10. Waters M. *Globalizacao*. Oeiras, 1999.

МЕНЕДЖМЕНТ КАЧЕСТВА: АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Матрoнина Л.Ф.

Рассматривается процесс изменения парадигмы управления качеством жизни как следствие особенностей общецивилизационного развития на современном этапе глобализации жизни. Анализируются процессы изменения операциoнального определения категории менеджмент качества, проблемы стандартизации качества и динамики ценностей.

Ключевые слова: макросдвиг цивилизациoнного развития, изменение парадигмы менеджмента и управления качеством, стандартизация

*«Человек есть мера всех вещей...»
Протагор*

Современная эпоха – период глобальных трансформаций мировой цивилизации. Мощное антропогенное воздействие на окружающий мир привело к обострению противоречий, нарастанию кризисных ситуаций, углублению глобальных проблем. Общество дестабилизируют войны, экономические кризисы, социально-политические и информационно-технологические революции. Исследуя общественную динамику, известный ученый и общественный деятель Э. Ласло характеризует современное состояние мира как макросдвиг (Macrosift), то есть бифуркацию человеческой цивилизации в ее квазицелостности. Исход макросдвига не предопределен: он таит в себе и большие надежды, и огромную опасность: «Макросдвиг может привести как к более безопасной и стабильной цивилизации, так и к серии войн и вспышек террора, эскалация которых могла бы перерасти в катастрофу» [6, С.13]. В этих условиях возрастает необходимость осмысления происходящих процессов, поиска путей выхода из сложившихся обстоятельств и новых возможностей эффективного управления ими («управление самоуправлением»), ибо будущее человека и человечества определяется уже сегодня, «здесь и сейчас».

Сегодня в мире на смену традиционному менеджменту, научные основы которого были заложены Ф. Тейлором, А. Файоном, Э. Мэйо и другими учеными, приходит «новая парадигма менеджмента», суть которой, по мнению известного американского специалиста в области управления П. Друкера, выражается в следующем: «Менеджмент существует ради результатов, которых учреждение достигает во внешней среде. Менеджмент должен определять, каких результатов необходимо достичь; менеджмент должен мобилизовать ресурсы организации для достижения этих результатов. Менеджмент предназначен для того, чтобы любая организация – коммерческое предприятие, церковь, университет или приют для женщин-жертв насилия, – имела возможность достичь запланированного результата во внешней среде, за пределами организации» [3]. Новый подход к управлению означает переход от замкнутой (закрытой) системы к открытой и более динамичной системе по сравнению с предшествующей. Управление предполагает не только наличие тесной взаимосвязи организациoнных структур, которые непосредственно включены в управленческую деятельность и направлены на сохранение ее целостности, но и согласованности этих структур с внешними по отношению к организации социокультурными факторами.

Утверждение новой парадигмы способствовало диверсификации управления и широкому распространению его вариативных (гибких) систем: управление потребителем и бренд-менеджмент, управление персоналом и топ-менеджмент, финансовый и

банковский менеджмент, менеджмент бизнеса и тайм-менеджмент, управление затратами и прибылью, управление конфликтами и управление эффективностью работы, управление знанием и информационный менеджмент, и т.д. Вариативность менеджмента обусловлена, прежде всего, усложнением организационных структур в условиях глобализации и информатизации мира и направлена на поиск эффективных для той или иной системы принципов, методов, инструментов управления. Происходящие процессы свидетельствуют о становлении инженерии управления, в центре внимания которой технологические аспекты управления.

Среди существующих систем управления особое место занимает менеджмент качества (quality management) как новый тип стратегического управления, своеобразие которого обусловлено тем, что данный способ представляет собой часть (элемент) общей системы управления организационной структурой, какой бы области человеческой деятельности это не касалось. Речь идет об организации управления на промышленных предприятиях и в банках, в коммерческих компаниях и научно-исследовательских институтах, учреждениях образования и культуры, и т.д., если целью управления для них является качество.

Системное управление качеством сосредоточено не только на управлении средой, в которой производится продукт/услуга, но и на управлении средой, в которой он/она потребляется. В целом оно соответствует современной парадигме менеджмента и предстает как новый подход «к руководству организацией, нацеленный на качество, основанный на участии всех ее членов и направленный на достижение долгосрочного успеха путем удовлетворения требований потребителя и выгоды для членов организации и общества» [9, С.15]. Многие специалисты полагают, что в перспективе менеджмент качества приведет к изменению качества жизни людей, которое означает не только повышение уровня материального благосостояния, но и создание социально-культурных условий, способствующих развитию творческого потенциала индивида, осознанию им интересов и целей в контексте культуры и системы ценностей, в которых он живет, пониманию и реализации им экзистенциальных целей и ценностей.

Исходя из этого, выделим две основные составляющие стратегической направленности менеджмента качества. Первая из них выражается в эффективной организации хозяйственно-производственной деятельности, направленной на получение результата в соответствии с поставленной целью (качество как цель), а вторая стратегия – более долгосрочная и доминирующая над первой – по сути является гуманитарной, так как связана с улучшением качества жизни людей. И если решение научных, технологических задач эффективной организации производства является прерогативой инженерии управления, то понимание антропологического измерения менеджмента качества как теории и практики непосредственно связано с философско-методологическим осмыслением проблемы.

Управление качеством (quality control) складывается в середине XX века прежде всего как инженерно-технологическая деятельность. Родоначальником нового подхода к организации производственно-экономической деятельности стала Япония. После второй мировой войны в условиях разрухи и стагнации хозяйственно-экономической сферы на повестку дня встал вопрос о выходе из кризисной ситуации. Но, несмотря на то, что уже в тот период времени японцы обладали фундаментальными знаниями в области электроники (особенно в военной сфере), они, тем не менее, не могли организовать производство. По приглашению Союза ученых и инженеров Японии (The Japan Union of Scientist and Engineers) в страну прибыли американские специалисты по качеству, которые читали лекции, проводили семинары, тем самым положив начало «эры качества» в Японии. Внедрение менеджмента качества способствовало тому, что практически за два десятилетия в стране была создана эффективная модель экономики – с учетом национальных особенностей и ориентированная на потребителя, были достигнуты значительные технологические успехи, а японская продукция составила реальную конкуренцию на мировом рынке.

Существенный сдвиг в разработке научно-теоретических и методологических основ менеджмента качества произошел в 70-80 гг. XX века, когда некоторые страны мира (прежде всего, США) решили «повторить» успех Японии. Американский ученый Э. Деминг, один из авторов «японского экономического чуда», в книге «Выход из кризиса» (Out of the Crisis, 1986) сформулировал основные принципы преобразования менеджмента (управления качеством), а по сути – рекомендации для руководителей, которые обеспечивают эффективную организацию хозяйственно-производственной деятельности. Э. Деминг исходил из того, что основное внимание в хозяйственно-производственной сфере необходимо сосредоточить на управлении процессами, постоянном их совершенствовании («постоянное улучшение качества»), благодаря этому можно решить важнейшую стратегическую задачу – изменение качества жизни нации. Насущной необходимостью организационных преобразований является постоянство цели, непрерывное совершенствование системы производства и обслуживания, изменение методов руководства, повышение профессионализма за счет внедрения программ обучения и самосовершенствования, формирование мотивации к труду и сплоченного «корпоративного духа» и т.д.: «Преобразование – это работа для всех» [2, С. 46-47]. Решающее звено в управлении – люди, и речь идет не об абстрактном «экономическом» человеке, а о реальном человеке, с его стремлениями, ценностями, целями; человеку, который способен принимать ответственные управленческие решения, добросовестно относиться к труду и гордиться своим трудом, стремиться к обучению и самореализации, способен поддерживать на должном уровне коммуникативные взаимоотношения и т.д. Ведь именно человеческий фактор был в центре внимания японской системы управления. Мощными средствами мотивации к труду явились заработная плата, условия труда, стиль руководства, «корпоративный дух» фирмы, преданность ее целям и задачам. Действуя на цели фирмы, каждый работник ощущал себя частью целого и понимал, что он работает не только на фирму, но и на себя. Высоко оценивая групповые отношения, японцы внимательно отслеживали свое положение в группе, стараясь не переступить очерченных для каждого из них границ. Мотивами к труду стали также трудовые успехи работника, признание его заслуг, служебный и профессиональный рост, степень делегируемой ответственности, творческий подход.

Методологической основой новой стратегии управления, предложенной Э. Демингом, стал принцип операционализма, получивший широкое распространение в первой половине XX века, благодаря работам американского ученого, лауреата Нобелевской премии П. Бриджмена. Согласно операционализму, содержание научных понятий определяется совокупностью экспериментальных измерительных операций, при помощи которых получают данные понятия. Но если Бриджмена как физика и философа науки – в большей степени интересовали проблемы методологии естественных наук, то Деминг рассматривал операциональные определения ключевых понятий как чрезвычайно эффективные для принятия организационно-технологических решений в области экономики и управления качеством. «Операциональное определение позволяет облечь понятие в определенную форму, ясную всем. Смысл таких прилагательных, как “хороший”, “надежный”, ... “безопасный”, “небезопасный” ... невозможно передать, пока они не выражены через операциональные термины выборов, испытаний и критериев» [2, С.249]. Это значит, что необходимы соответствующие способы измерения, механизмы (инструменты), с помощью которых можно производить оценку качества продукции/услуги. Следствием такого подхода стало использование методов статистического контроля качества продукции/услуги, математического моделирования, процедуры верификации, производственно-технологических стандартов не только в менеджменте качества, но и в прикладных исследованиях социальных, экономических, управленческих процессов в целом.

Ключевое понятие менеджмента качества – качество, рассматриваемое в контексте человеческой жизнедеятельности. Опираясь данным понятием, Деминг не дает ему четкого и однозначного определения, полагая, что качество многомерно, более

того – субъективно. Как, например, определить качество учебника или любой другой книги, – задается вопросом американский ученый. Так, для печатника качество определяется типом шрифта, его кеглем, качеством бумаги, отсутствием типографских опечаток; для издателя важно, насколько эта книга будет востребована потребителем, раскупят ее или нет; для автора и читателя качество заключается в содержании, и т.д. Следовательно, качество «может оказаться высоким с точки зрения печатника и низким для читателя и издателя» [2, С. 160], оно подлежит оценке и характеризуется как переменная величина. Отсюда интерес к операциональному определению качества, согласно которому качество есть производство такой продукции или оказание таких услуг, чьи *измеряемые характеристики* удовлетворяют конкретным техническим требованиям, имеющим *численное значение (курсив автора)* [14, С. 97].

Интерес к операциональным определениям ключевых понятий способствовал выявлению новых аспектов в понимании соотношения качества и количества, которые не потеряли своей значимости в современном мире. Абсолютизация прикладного характера научного знания, направленного на решение конкретных задач, привела к формированию распространения таких областей знания, как: метрология – наука об измерениях качества, методах и средствах обеспечения их единства и способах достижения требуемой точности; статистика – наука, изучающая общие вопросы сбора, измерения и анализа массовых количественных данных; квалиметрия, исследующая методологию и проблемы комплексной количественной оценки качества объектов любой природы и т.д., в основе которых лежит количественное измерение качества.

В целом, отмечая заслуги Э. Деминга и других ведущих специалистов в области управления качеством, необходимо заметить, что, ориентируясь на утилитарно-прагматические цели и результаты конкретной деятельности, «...и Деминг, и все другие великие исследователи качества, жившие в его время, не имели намерения вырабатывать систему и предлагать окончательные безапелляционные результаты. Цель их была гораздо прозаичнее – находить закономерности, когда речь идет о качестве, и сразу же применять их на практике» [4, С. 57]. В целом, операциональный подход отличается конструктивизм, необходимый для конкретизации знания и использования его в практических целях, но он не направлен на раскрытие сущности происходящих процессов и явлений, как следствие, происходит деструкция теоретических основ менеджмента качества. Особенно отчетливо это проявилось в современных моделях менеджмента качества, ориентированных на стандарты и стандартизацию.

В менеджменте качества стандарт как унифицированная норма выполняет функции, свойственные норме: интегративную функцию, объединяя элементы системы в единое целое и обеспечивая тем самым взаимное приспособление их друг к другу; стабилизирующую функцию, основу которой составляют определенного рода требования, предъявляемые к техническим системам, технологиям, к людям, что в конечном итоге обуславливает устойчивость системного качества; регулятивную функцию, благодаря которой поддерживается порядок, устанавливаются необходимые ролевые отношения, определяющие целостность системы; коммуникативную функцию, обеспечивающую взаимопонимание сторон в процессе совместной деятельности, благодаря тому, что выработан «общий язык» для всех заинтересованных сторон.

Стандарты имеют конвенциональный характер, являясь результатом соглашения между людьми (большинства заинтересованных сторон), отсюда их условность, подвижность, изменчивость. Но, несмотря на то, что стандарты представляют собой искусственно созданную систему регулятивных принципов и правил, они разрабатываются субъектом на основе исследований объекта, его существенных свойств, отношений и функционального назначения. При разработке стандартов специалисты опираются на такие методы как симплефикация, типология, унификация. В силу этого упорядочение организованной целостности, которое достигается посредством стандартизации, неизбежно влечет за собой устранение неопределенного многообразия одноименных объектов, разработку и внедрение типовых конструктивных, технологических и организа-

ционных решений, переход к единообразию на основе установления рационального числа разновидностей элементов одинакового функционального назначения и т.д. Это – неизбежные следствия стандартизации. В то же время специалисты рассматривают стандарты, руководствуясь критерием «эффективное – неэффективное» и, как правило, опираются на операциональные определения, полагая, что благодаря им «стандарты способны обрести настоящую силу...» [2, С. 265]. Такой подход вполне правомерен, когда речь идет о прикладном характере научного знания в рамках социотехнического проектирования. Стандарты необходимы для того, чтобы придать эффективность процессу управления качеством и достигнуть тем самым определенных результатов (целей). Экономическая эффективность, как ранее отмечалось, есть одна из основных стратегий менеджмента качества. Но, как справедливо замечает современный американский экономист Ч. Хэнди: «Хозяйственный рост, двигателем которого является стремление к экономической эффективности, не может быть бесконечным... Приходится признать, что эффективность может иметь решающее значение для существования общества, но в итоге ни она, ни экономическая модель, к которой она принадлежит, не могут удовлетворить духовный голод человечества...» [8, С.178]. «Погоня» за эффективной организацией производства, ориентация на экономический успех способствовала утверждению унифицированных норм (стандартов) организационно-технологической деятельности, которые составили основу серийного производства и серийного потребления. Распространение серийного (а по сути стандартизированного) производства и потребления, размывание культурных различий привели к становлению нового социального качества общества, массовому обществу.

В массовом обществе XX века эффективность производственно-экономической деятельности во многом определяется тем, насколько она отвечает требованиям производителя, с одной стороны, и стимулирует потребительский спрос, с другой. Производители признают, что большинство серийных вещей они могли бы делать более высокого качества (при равных производственных издержках), т.к. искусственно недолговечные детали стоят столько же, сколько и нормальные, но у них нет заинтересованности в этом. Таким образом, в условиях массового общества, как отмечает французский мыслитель Ж. Бодрийяр, вещь «обречена на организованную непрочность» [1, СС.154-160].

Такой подход к организации производства и управлению не направлен на развитие системы менеджмента качества, ибо своеобразной аксиомой для производителя становится следующий тезис: «Слишком высокое качество может привести к краху» (Р. Лунц). В свою очередь, в массовом сознании утверждается потребительская оценка качества продукта («все равно покупают»), которая закрепляется в стандартах, ориентированных на «средний слой», в количественном росте которого «заинтересовано» массовое общество, поскольку именно он в состоянии обеспечить развитие массового спроса на предметы потребления и задать определенные нормы потребления. На реализацию этих задач направлены такие маркетинговые технологии, как бренд-менеджмент, управление отношениями с потребителями (Customer Relation Management), благодаря которым возникает реальная возможность манипулирования, то есть влияния на потребности людей, скрытое управление ими со стороны производителя.

Широкое распространение получает потребительство, находящее выражение в том, что человек включается в «потребительскую гонку», когда обладание материальными благами для него становится самоцелью. Количественные параметры потребления берут верх над качественным развитием потребностей, и высшее значение для субъекта приобретает совокупность вещных, утилитарных влечений и устремлений. Как отмечает Э. Фромм, здесь речь идет скорее не о качестве, а о количестве, т.к. в центре общества «...уже не стоит человек», количественный аспект «заглушил все прочие». Формируется Homo consumers («человек потребляющий»), «единственная цель которого – больше иметь и больше использовать». «Нетрудно заметить, что господство принципа “чем больше, тем лучше” приводит к нарушению целостности системы. Если все усилия направлены на то, чтобы делать *больше*, качество жизни теряет

всякое значение, а деятельность, бывшая средством, становится целью», – таков вывод известного мыслителя XX века [13, СС. 246-247].

Руководствуясь здравым смыслом, который стал своеобразным результатом сформированной массовым обществом потребительской культуры, человек начинает активно и целенаправленно моделировать свой образ в соответствии с установившимися социальными стандартами (стереотипами), которые становятся атрибутами общественной жизни и внедряются в общественное сознание средствами массовой информации. Это ведет к обезличиванию человека, подавляя его индивидуальное начало. В массовом обществе человек не приобретает свободы в смысле реализации себя как личности, развития интеллектуальных, эмоциональных и чувственных способностей; здесь рождается массовый стандартизированный человек. Массовый человек – это Homo consumers, ориентированный на стандарты вещного мира, лишенный инициативы в сфере духа. Такие индивиды составляют массу инстинктивной толпы и нуждаются в духовном руководстве. Они безоговорочно принимают его, но только со стороны тех, кого масса признает за авторитет. Это избавляет массового человека от ответственности перед обществом и перед самим собой. Происходящие в обществе глобальные перемены можно охарактеризовать как процесс дегуманизации – обесценение и утрата гуманистических норм и идеалов, осуществляемое во имя эффективности.

В современных условиях становится очевидным тот факт, что инженерно-технологический подход к стандартизации представляет собой одну из сторон комплексного междисциплинарного подхода к проблеме, и наряду с этим необходима дальнейшая разработка новых методологических моделей, которые бы способствовали осмыслению социальных и антропологических аспектов стандартизации, ее возможностей и перспектив, как в менеджменте качества, так и в контексте всей человеческой жизнедеятельности.

Переход к информационному обществу означает становление новой социальной целостности, утверждение новых норм и ценностей, которые зарождаются в современном мире. Бурное развитие информационных технологий способствовало дематериализации экономики. Доминирующую роль в ней начинают играть знания и информация, как следствие; формируется экономика знаний (knowledge economy). Знание превращается в информационный товар, подлежащий «купле – продаже»; происходит его меркантилизация и коммерциализация. Старый идеал – служение знанию ради истины – теряет свою значимость, определяющим становится утилитарно-практический подход. Знания и информация начинают жить собственной экономической жизнью и представляют большую ценность по сравнению с материальной собственностью, сырьем и банковским капиталом. И, как подчеркивает Т. Стюарт, один из современных специалистов в области информационного менеджмента, «...успех в экономике, основанной на знаниях, зависит от новых умений и новых способов организации и управления» [10, С. 46].

Одной из наиболее значимых тенденций организационной эволюции в информационном обществе, как отмечают исследователи, является переход от массового к гибкому производству, от массового к сегментированному обществу; прослеживается тренд в сторону демассификации и дестандартизации, даже индивидуализации производства и потребления. Так, по мнению американского социолога Э. Тоффлера, «...общество неуклонно отходит от стандартизации» [11, С. 300], преобладающими становятся процессы дестандартизации, проявляющие себя в переходе от единообразия к разнообразию материального производства и потребления, образования и культуры. Тот факт, что общество «третьей волны» предоставляет большие возможности для разнообразия – формируются новые средства массовой информации, происходит диверсификация массовой аудитории, которая, в свою очередь, сегментирована по идеологиям, ценностям, вкусам и стилям жизни и т.д., – свидетельствует о становлении «пост-стандартизированного» общества [12, СС. 413-414].

Несомненно, высокие темпы и уровень развития инновационных технологий позволяют разрабатывать и внедрять стандарты, учитывающие интересы и потребности

разных социальных групп, индивидуализировать их. Сегодня в мире действуют транснациональные корпорации, которые под давлением потребителя и международной конкуренции переходят к производству продукции, состоящей из стандартизованных компонентов, но отличающейся друг от друга в зависимости от желания конкретных потребителей; разрабатываются технологические стандарты, архитектура которых позволяет достичь вариативности в результатах деятельности. Однако, несмотря на определенное стремление к позиционированию, в силу коммерциализации знания и информации как основных ресурсов информационного общества, подчинения информационных потоков интересам политических и финансовых групп, разнообразие зачастую носит поверхностный характер. Оно сглаживается, так как фактическое содержание оказывается идентичным. Типовые стандарты вводятся все большим числом государств, транснациональных компаний и становятся своеобразным «универсальным языком» международного общения, тем самым обеспечивая консенсус в производственно-управленческой деятельности. В условиях глобальной информатизации мира мультинациональные предприятия, транснациональные корпорации и международные сети формируют (точнее, вынуждены формировать) «*коалиции по стандартам*», устанавливая «...потенциальные глобальные стандарты с выраженной целью заключить как можно больше фирм в рамки стандартов на их собственные товары или стандарты интерфейса» [5, С. 191]. Действительно, достаточно сложно представить себе работу информационных систем без унифицированных норм и стандартов, принятых в глобальном информационном пространстве. Основу современных информационных технологий составляют технические стандарты, способствующие усовершенствованию организационно-технологических процессов, их автоматизации. Они освобождают человека от рутинной автоматической работы, экономят его время и предоставляют больше возможностей для свободного выбора им стиля жизни, материальных и духовных ценностей. Поэтому вряд ли можно согласиться с утверждением Э. Тоффлера: «Конец стандартизации уже близок» [12, С. 289]. Даже в условиях сверхвыбора – что также порождает определенные проблемы – на смену одним стандартам приходят другие.

Понимание стандартизации как способа упорядочения организованной целостности позволило нам сделать вывод о необходимости стандартов и стандартизации в любом обществе. Дестандартизация как отмена, устранение стандартизации, может привести к нарушению целостности системы, ее стабильности, устойчивости. Поэтому реальной альтернативой стандартизации, унифицированным производственно-технологическим и техническим стандартам в менеджменте качества может стать не дестандартизация, а полистандартизация, что достигается посредством приверженности к существующим социальным и культурным нормам-традициям, получившим распространение в том или ином обществе, с одной стороны, и введением единых (международных) производственно-технологических стандартов как закономерных результатов развития современных наукоемких технологий, с другой [7].

Наряду с этим, отметим, что одной из значительных тенденций, характеризующих информационное общество, является супердинамизм, обусловленный высоким уровнем развития инноваций: темп изменений в обществе настолько велик, что стимулирует формирование «экономики недолговечности» (Э. Тоффлер). Эффект недолговечности, как отмечалось ранее, свойствен и индустриальной экономике, но в информационном обществе он имеет иные основания. В массовом обществе недолговечность непосредственно была связана с заинтересованностью производителя в увеличении объемов серийного производства и потребительским спросом, ориентированным более на количественные параметры, нежели на качественные. В информационном обществе недолговечность есть следствие бурного развития инновационных технологий, позволяющих производить продукты более высокого качества, которые отвечают эргономическим, экологическим, эстетическим требованиям. Поэтому нет необходимости производить продукт, который бы мог эксплуатироваться длительное время, он быстро устаревает как «физически», так и «морально», и не отвечает все возрастающим тре-

бованиям потребителя, его ожиданиям. Следовательно, и менеджмент качества все более вынужден ориентироваться на потребителя. Но потребитель информационной цивилизации – это уже не Homo consumers индустриального общества прошлого века, скорее – Homo manager («человек управляющий»), способный управлять не только окружающим миром, но прежде всего самим собой. В данном случае речь идет об интеллектуалах, обладающих высоким уровнем образования и знания, формирующих новые ценности и нормы.

В информационном обществе доля умственного труда во всех сферах жизни стремительно увеличивается. Материальная собственность как критерий социальной стратификации теряет свое значение, решающим становится уровень образования и знания. Интеллектуалы становятся господствующей элитой информационного общества. Интеллектуал – собственник результатов своей высокопрофессиональной творческой деятельности, обладающий критическим мышлением, умеющий принимать ответственные решения. Он высоко ценит свободу индивидуального самовыражения, которую может сохранить благодаря интеллектуальному капиталу. В силу этого интеллектуал мобилен, легко меняет корпоративные связи и отношения в том случае, если не может реализовать имеющиеся навыки и творческую энергию в рамках существующей организации: «...на наших глазах возникает новый тип человека-организации, который, несмотря на свои многочисленные контакты, по существу, не присоединяется ни к какой организации. Он хочет использовать свои навыки и творческую энергию, чтобы решать проблемы, используя оборудование организации, находясь внутри временных объединений, созданных ею. Но он делает это только постольку, постольку эти проблемы интересуют *его лично*. Он имеет обязательства по отношению к своей собственной карьере, и своему собственному чувству самоудовлетворения» [12, С.171-172]. Обладание интеллектуальной собственностью позволяет сохранить преданность своей профессии вместо преданности организации. Возникают новые критерии оценки труда интеллектуала: на смену преданности организации, бескорыстному служению общему делу, поиску истины самой по себе, приходят профессионализм, рациональность, мобильность, способность к инновациям, адаптивность.

Интеллектуал, как всякий профессионал, действует строго нормативно, и в своей специальной области, и в своём отношении к действительности в целом. Нормативность интеллектуальной деятельности, приведение ее в соответствие с принятыми в обществе стандартами качества умственного труда есть неперемное требование информационного общества, в котором такой труд становится массовым. С одной стороны, интеллектуал в современном обществе, как и в прошлом, – член цеха, мастер, и в этом качестве он неотличим от ткача или часовщика. Ценностные ориентиры интеллектуала не выделяют его из массы профессионалов и характеризуют его принадлежность к соответствующей корпорации. С другой стороны, на основе новейших информационных технологий интеллектуалы формируют новые глобальные ориентиры социального поведения. На смену материальным приходят «постматериалистические ценности» (Р. Ингледарт), в соответствии с которыми делается акцент «не столько на обязательную занятость и высокий доход, сколько на работу интересную, осмысленную...» [14, с. 54]. Интеллектуал весьма высоко ценит свои достижения в избранной области деятельности. Стремление к повышению своего статуса, престиж, известность, успех, свобода индивидуального самовыражения, – всё то, что обуславливает положение человека в обществе, становится значимым для этой социальной группы людей. Прежняя ориентация «человека потребляющего» – обладание – уступает место ориентации на качество жизни, включающее уровень материального благосостояния, качество здоровья, образования, окружающей среды, наличие свободного времени и т.д. Происходящие изменения позволяют сделать вывод о том, что происходит становление «человека управляющего».

Под влиянием происходящих перемен в последние десятилетия XX – начале XXI века в мире произошел заметный сдвиг в эволюции управления качеством на основе

взаимообмена передовым опытом, интеграции существующих подходов и методов. Проявляется интерес к экономическим, психологическим, социологическим и философским аспектам нового типа стратегического управления. Становится очевидной необходимостью исследования сущности происходящих процессов и явлений: философский и операциональный подходы к менеджменту качества как современной стратегии управления должны дополнять друг друга таким образом, когда качественное исследование в познании сущности явлений предшествовало бы последующему количественному измерению.

Учитывая многомерность понятия качества, думается, что необходимо снять упрощенную редукцию к взаимоисключающим позициям, и при рассмотрении качества исходить из синтеза существующих подходов. Так, в философской традиции качество рассматривалось как: категория сущности (Аристотель), категория познания (И. Кант), категория бытия (Гегель), и т.д. В менеджменте качества мы имеем дело с новой формой бытия качества: качеством, которое создается в процессе человеческой жизнедеятельности, в рамках субъектно-объектных отношений, и потому приобретает ценностно-оценочный характер. В связи с этим актуализируется задача постижения аксиологического смысла феномена качества, принимая во внимание бытийные взаимосвязи, в которых находится человек как преобразующее и познавательное существо. Осмысление социальных и экзистенциальных проблем человеческого бытия сквозь призму таких понятий, как «ценностное качество» (М. Шелер), «свободная качественность духа» (И. Ильин), «человеческие качества» (А. Печчеи), «ценностное качество благ» (П. Козловски) и другие подходы свидетельствуют о становлении аксиологии качества, которая должна составить методологическую основу менеджмента качества, учитывая его социальную и культурную направленность как гуманитарной стратегии, его антропологическое измерение. Утверждение менеджмента качества как современной *гуманитарной стратегии управления* людьми, системами и процессами возможно лишь тогда, когда «лозунг “Люди наше главное богатство!” перестанет быть звонкой метафорой, а начнет отражать действительное положение вещей» [10, с. 21], а социальный и культурный контекст не будет подменяться техническим и технологическим.

* * *

1. Бодрийяр Ж. Система вещей. – М.: Родомино, 2001. – 224 с.

2. Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами / Пер. с англ. – М.: Альпина Бизнес Букс, 2007. – 370 с.

3. Друкер П. Задачи менеджмента в XXI веке / Пер. с англ. и ред. Н.М. Марковой. М.: Диалектика, 2004. – 272 с. // <http://enbv.narod.ru/text/Econom/drucker/index.html>

4. Иняц Н. Малая энциклопедия качества: В 3 ч. Ч. III. Современная история качества / Под общ. ред. Ю.В. Василькова и Н.Н. Анискиной; пер. с хорв. Л.Н. Белинкой. – М.: Стандарты и качество, 2003. – 224 с.

5. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура / Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.

6. Ласло Э. Макросдвиг (К устойчивости мира курсом перемен) / Предисл. Артура Ч. Кларка. – М.: Тайдекс Ко, 2004. – 208 с.

7. Матроница Л.Ф. Перспективы стандартизации и дестандартизации в информационном обществе // На-

учный Вестник МГТУ ГА. Серия История, философия, социология. – 2008. - № 129(5).

8. Новая постиндустриальная волна на Западе: Антология/Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. – 640 с.

9. Окрепилов В.В. Управление качеством: учебник для вузов / 2-е изд., доп. и перераб. – М.: Экономика, 1998. – 639 с.

10. Стюарт Т. Интеллектуальный капитал. Новый источник богатства организаций / Пер. с англ. В. Ноздриной. – М.: Поколение, 2007. – 368 с.

11. Тоффлер Э. Третья волна/ Пер. с англ. – М.: АСТ, 2002. – 776 с.

12. Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. – М.: АСТ, 2001. – 650 с.

13. Фромм Э. Революция надежды // Фромм Э. Психоанализ и этика. – М.: Республика, 1993. – 415 с.

14. Хойер Р., Хойер Б. Что такое качество? // Стандарты и качество. – 2002. – № 3.

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ:
НА ПУТИ К КОГНИТИВНОЙ КВАЛИМЕТРИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ

Кострикина И.С.

Рассматриваются современные тенденции развития образования и изменения в оценке его качества. Представлен аналитический обзор социологических исследований основных трендов в системе высшего образования в аспекте управления качеством в условиях, социо-возрастного, социо-экономического и культурного разнообразия состава обучающихся. Вводится понятие когнитивной квалиметрии обучения как инструмента регулирования индивидуальных образовательных траекторий. Обозначены основные философские основы квалиметрии образования.

Ключевые слова: квалиметрия в образовании, социальная мобильность, академические достижения, интеллектуальный потенциал, обучаемость, прогностические измерения

Качество образования и обучения приобретает все большую значимость в современном глобальном мире в условиях высокой степени мобильности трудовых ресурсов и высокого уровня конкуренции на рынке труда, конкуренции и одновременно интеграции общественного интеллекта между странами. В XXI столетии в связи с экспоненциальным ростом новых форм обучения и образования (например, дистанционное образование, корпоративные университеты и тренинговые формы обучения на рабочем месте и в профессиональной отрасли) произошел переход от узкого понимания качества образования как части социальной инфраструктуры к системному индикатору качества жизни общества в целом. Более того, качество образования – это уже не только системный элемент качества жизни информационного общества, основанного на знаниях, но и универсальный инструмент социализации и социальной стратификации общества. Управление качеством образования, таким образом, позволяет регулировать социальные и трудовые отношения в глобальном сообществе, отвечает за воспроизводство интеллектуальных общечеловеческих ресурсов.

Квалиметрия как количественное измерение качества, ориентированное на отражение субъективной и объективной стороны жизни, является основой управления качеством (Азгальдов Г.Г., Бобков В.Н., Ельмеев В.Я., Перевошиков Ю.С., Беляков В.А., 2006). Квалиметрия как современная научная отрасль связана с различными областями знания, такими как аксиология, теория принятия решения, теория полезности и теория эффективности и т.д. [1]. Обширные междисциплинарные связи квалиметрии как науки о качестве жизни позволяют современным исследователям понимать квалиметрию в еще более широком смысле: как операционализацию интеллектуальных поисков, начатых В.И. Вернадским, привнесшим в науку понятие ноосферы. В данном контексте А.И. Субетто определяет качество жизни как систему качеств духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических компонентов жизни. В этой системе, по его мнению, выявляется уровень реализации родовых сил человека, творческий смысл его жизни [4], таким образом, в теоретическом аспекте проявляется глобальный характер качества образования, его общечеловеческая значимость.

Особым вопросом в системе измерения и управления качеством образования (квалиметрии) является соотношение образования и обучения как системных социокультурных процессов прироста интеллектуального ресурса и потенциала человечества. В этом аспекте важным становится разноплановое понимание эффектов обученности в педагогике и педагогической психологии не только как приобретенных знаний, умений и навыков, но и как уровневых характеристик мышления, как личностного развития, как развития индивидуальности и т.д. Практика различных педагогических технологий и сис-

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НА ПУТИ К КОГНИТИВНОЙ КВАЛИМЕТРИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ

тем обучения в школах, вузах, средних профессиональных заведениях, в образовательных учреждениях, дающих специализированную подготовку (курсы), показывает, что эффекты обучения затрагивают всю сферу психической и социальной активности человека. Появление таких форм как обучение на протяжении всей жизни, самонаправленное обучение, саморегулируемое обучение позволяют определять процесс обучения как индивидуальные траектории, проходящие через различные институты образования.

Развитие новых форм образования привело к некоторому устареванию понятия «конечный продукт образования», в настоящее время более корректным будет обозначение «непрерывно трансформируемый продукт образования». Человек как продукт образования в настоящее время может пониматься как непрерывно социализирующийся в обществе при помощи включения в трудовые отношения субъект, например, выпускник школы, способный выполнять деятельность, требующую элементарной грамотности, или специалист – новичок, или компетентный специалист или эксперт. На всех уровнях профессионализации человек может выступать не столько как продукт образования, сколько как его субъект, который обладает всеми необходимыми предпосылками для дальнейшей профессионализации и развития. Многие социологи отмечают, что сегодняшние студенты видят мир высшего образования совсем по-другому, не так, как это было в двадцатом столетии, студенты видят себя как клиентов высшего образования (не продукт) и равных партнеров в процессе обучения. Принимая во внимание, что традиционная парадигма высшего профессионального образования была позиционируема преподавателями, новая парадигма решительно концентрируется на студенте, при этом концепция клиентцентрированности на студенте – все еще трудна для принятия в академической среде. Тем не менее, большинство студентов (особенно взрослого возраста) чувствуют себя в вузе и как клиенты и как партнеры (Puzziferro, Shelton, 2009). Эти социальные изменения способствуют тому, что эффекты обученности проявляются не только в знаниях, умениях и навыках, профессиональных компетенциях, но и в способности раскрывать и приращивать интеллектуальный ресурс в рамках индивидуального генетического диапазона.

Таким образом, развитие педагогики, методики преподавания, появление специализированных форм обучения, например, электронного обучения (e-learning), развитие дистанционного образования и тренинговых форм обучения привели не только к наличию больших возможностей для индивида в получении образования, но и поменяли местами приоритеты в соотношении «образование-обучение». Образование в современном глобальном и мультикультурном мире перестает быть институционально связанным, обучающийся субъект уже перестал ограничиваться корпоративной культурой одного учреждения. Поэтому системная оценка качества образования уже не может строиться на рассмотрении образовательного процесса "как системы", на "вход" которой поступает "исходный материал" и внешние ресурсы, преобразуемые в процессе образовательной деятельности в "конечный продукт" образовательной системы, как это было в 90-е годы прошлого столетия (А.И. Субетто, В.В. Чекмарев и др.). Образовательные системы стали более открытыми, взаимодополняемыми и взаимозаменяемыми, в свою очередь, квалиметрия как компонент управления качеством образования несколько смещается в сторону индивидуальности, процессов обучения, эффектов обученности и социальной мобильности.

В настоящее время возможности индивидуальной социальной мобильности посредством образования становятся более реальными в мире, чем пятьдесят или более лет назад. То, что было обозначено классиком американской социологии Тюрнером (Turner, 1960-1966) как «возможности сделать свою карьеру и свою жизнь самому при помощи своих собственных усилий и талантов» [10] только сейчас в XXI веке получает реализацию во многих государствах. Например, за последние двадцать лет в США, половина или большее количество отчисленных из средней школы до ее полного завершения, в конечном счете, получает аттестат средней школы (Berkold, Geis, и Kaufman 1998), приблизительно 45% процентов студентов колледжа «достигает своей

точки опоры для полного высшего образования посредством эффективно открытых двухлетних колледжей» (Adelman, С. 76.), особое значение и распространение получили коррективные курсы для тех, кто приходит в колледж слабо подготовленными, и эти курсы уже распространились на так называемом поствторичном уровне обучения, т.е. осуществляются для лиц, получающих степень (Shaw, 1997). Произошел скачкообразный рост количества нетрадиционных студентов, к которым относятся лица старше 24 лет на период первого года обучения в вузе, это, как правило, работающие взрослые, стремящиеся сохранить рабочие места, обеспечить семьи и при помощи образования развить свою карьеру. Таких студентов, по данным Национального Центра Статистики Образования США, насчитывается 92 миллиона, или 46% американского взрослого населения, которые участвуют в той или иной форме высшего образования (данные 2001 года – самые современные доступные показатели). При этом почти 60 миллионов взрослых зафиксированы как занятые в краткосрочных курсах колледжей и университетов, которые тематически связаны с их работой. Все эти тенденции ведут к переоценке ценностей в высшем образовании. Образование стало реально связанным с экономикой и возможностями экономического лидерства в глобальном сообществе. Образовательная политика в развитых странах меняется в сторону расширения общей доступности высшего образования и доступности по цене. По крайней мере, непрерывные призывы и предложения по этому вопросу регулярно публикуются в соответствующих общественных и специализированных изданиях, таких как Хроника высшего образования, Социология образования и т.д. Творческие программы, такие как «Обучение на протяжении всей жизни» (LiLas) и «Продвижение Карьеры» (CAAs) создают новые механизмы финансирования обучения для взрослых студентов (старше 24 лет). Движение к равенству возможностей оценивается как самый сильный тренд современного западного образования (Shelton, Puziferro, 2009), причем это равенство основывается не только на экономических механизмах регулирования образовательных бизнес-процессов или многообразии форм обучения, но и на квалиметрии познавательной сферы обучающихся, т.е. когнитивной квалиметрии, которая, собственно, является основой индивидуального экономического и учебного выбора. Кроме того, Morey (2004) отметил, что за последние 20 лет произошло переключение фокуса от процесса преподавания на процесс обучения, что привело к появлению новых методик и технологий и новых измерений результатов обучения.

В условиях расширения возможностей выстраивания индивидуальной образовательной траектории квалиметрия обучения может рассматриваться как оценка академических ресурсов интеллектуальной самореализации человека и его индивидуальной эффективности, управление процессом распределения и прироста академических ресурсов при их недостаточности. Такого рода квалиметрия позволяет разрабатывать гибкие в применении программы обучения для лиц со сниженным академическим (но не интеллектуальным) ресурсом, для переподготовки и переобучения кадров.

Основным инструментом квалиметрии обучения является тестирование, и то, что тестирование отражает только разницу в академической подготовке, считается большим недостатком, как на уровне учебного процесса, так и на социальном уровне. Уровень академической подготовленности часто социально обусловлен, в то время как большое распространение получило мнение, что специализированная интеллектуальная одаренность в искусстве или практическом интеллекте, или иных видах жизнедеятельности человека, не связана с социальными параметрами. В частности, разница в результатах выполнения SAT (Scholastic Aptitude Test and Scholastic Assessment Test) оказывается связанной с социо-экономическим статусом семьи. Например, среди протестировавшихся, которые сообщили, что доход их семьи был больше чем \$ 200,000, проявилось увеличение на 26 пунктов в среднем объединенном балле для всех трех секций SAT (чтение, математика, письмо) за период 2008-2009 гг, в то время как для детей из семей с более низким социо-экономическим статусом такого качественного продвижения не выявлено. Подобные разрывы в результатах, по мнению многих со-

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НА ПУТИ К КОГНИТИВНОЙ КВАЛИМЕТРИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ

циологов США, должны преодолеваться в связи с необходимостью сохранения и прироста интеллектуального ресурса общества, в частности, за счет специализированных программ. Например, в США при недостаточности академических ресурсов для поступления в колледж в рамках программы «Колледж для всех», оценивается структура этой недостаточности, включая не только знания умения и навыки, но и мотивацию, разрабатываются специальные компенсаторные программы по математике или английскому языку (Alexander, Bozick, Entwisle, 2008). Целям наиболее полного охвата населения различными формами высшего профессионального образования служит такое измерение качества образования, которое позволяет прогнозировать индивидуальную образовательную траекторию и служить основой выбора и разработки специализированных программ. Предвестником такой прогностической квалиметрии можно обозначить исследования по оценке вклада результатов теста SAT в эффективность обучения в колледже, в частности выявлено, что наиболее прогностически валидным для последующего обучения является письменная часть SAT (Writing (3 sections)), особенно часть эссе. Секция письма была представлена весной 2005, до этого она не использовалась, сейчас, все большее количество колледжей используют эту часть SAT [19]. Исследования, ориентированные на прогностическую ценность тестирования как ведущего инструмента измерения академической обученности, начали интенсифицироваться в США и Европе в результате общественных обсуждений, в которых принимают участие руководители колледжей и университетов, социологи и политики. Например, один из видных представителей Ассоциации советников колледжей в независимых школах (ACCIS), обозначил SAT как игру в русскую рулетку, которая к 2010 году выбьет из числа первокурсников часть интеллектуально одаренных учащихся и призывает колледжи стать более прозрачными и открытыми в том, как они используют тестирование и его результаты (Teare C., 2006). Предлагается публиковать на сайтах высших учебных учреждений ответы на такие вопросы:

- рассматривает ли администрация только высокие оценки или оценивает дополнительные результаты, доступные из структуры теста?
- что делает администрация с батареями тестов, которые не запрашиваются и не требуются, но, так или иначе, все еще получаемые вузом, используют ли их - или отказываются от них, вычищая их из файла?
- какие субтесты из полной батареи засчитываются, какие нет? и т.п. [20].

Повышение уровня прозрачности тестирования позволит осуществлять адекватный непрерывный мониторинг качества образования на основе его количественной оценки, сделать квалиметрию в образовании реальным инструментом управления качеством, а не только инструментом оценки и фиксации социологических данных.

Вопрос о прогностичности и общей валидности тестов академических достижений получает свою разработку в экспериментальных исследованиях социологии и психологии образования и в основном касается проблемы недостаточности измерений в области академических знаний. Так же здесь просматривается явное противоречие между измерением академических достижений (актуального академического уровня по различным предметам) и ресурсом (потенциальный уровень академических достижений по различным предметам). Если ставится вопрос о прогностичности тестирования знаний и о формировании коррективных программ на основе этих измерений, то подобная подмена понятий может привести к некорректности, как к разработке учебных программ, так и их реализации. В данном случае продуктивным было бы более полное измерение, оценивающее не только академические достижения в математике, письме и критическом мышлении, но и измерение, дающее некий прогностический коэффициент развития в данных областях или оценка обучаемости как способности.

Другим важным вопросом квалиметрии современного образования является соотношение показателей тестов знаний с показателями тестов интеллекта, традиционно это тесты подобные SAT и тесты IQ. Результаты тестов обоих типов тесно связаны с успешностью социализации, например, риски делинквентного поведения и лишения свободы существенно ниже у тех, кто демонстрирует сильные когнитивные навыки в стандартизи-

рованных тестах (Arum, LaFree, 2008). Также в результате лонгитюдных исследований выявлена интересная тенденция повышения уровня выполнения теста SAT от предыдущего поколения к последующему. Например, более высокие оценки по вербальной части теста от 700 до 750 в 2004 году показывают некоторое преимущество перед результатом от 640 до 690 в 1996 году. Среди 22 учреждений, которые сообщили о результатах математической части SAT пропорция абитуриентов с результатом более чем 700 баллов, которые поступили в 1989 и в 2007, поднялась приблизительно на 25 процентов, в среднем (Schmidt, 2008). Подобный рост на более продолжительных данных отмечен и в параметрах общего уровня развития интеллекта (IQ), известен как эффект Флинна (Flynn, 1984). В обзоре Д.В. Ушакова приведены факты, что, например, в США с 1910-ого до 1984-ого г. показатели интеллекта по тестам типа Стэнфорд-Бине выросли на 22 балла. Наиболее мощный рост интеллекта зафиксирован в послевоенной Японии. Японские дети, родившиеся в 60-е гг., превосходят детей, родившихся между 1936-м и 1945-м гг., в среднем примерно на 20 баллов по тесту Векслера (Flynn, 1982). Если прирост по академическим тестам связан в первую очередь с улучшением образования или усилением информационных потоков, то прирост в интеллекте связывают с улучшением здравоохранения, питания и гигиены. Тем более что прирост в академических и интеллектуальных тестовых баллах нелинейно связан, так в упомянутом нами обзоре сообщается, что в США с середины 60-х гг. до 1980-ого г. шел прирост по тестам интеллекта при одновременном снижении показателей теста SAT (Flynn, 1984) [6]. Причины данного явления выясняются и дискутируются, но с позиций когнитивной квалиметрии важнее рассмотреть результаты этих измерений как два разных типа ресурса, которые могут иметь разное соотношение в зависимости от возраста, опыта образования, когнитивного фона развития и ситуации. В разных условиях изменения своей образовательной траектории, если принять идеологию обучения на протяжении всей жизни, возможна опора на актуальное соотношение академического и общего интеллектуального ресурса.

Еще одним интересным фактором, влияющим на результаты в академических тестах, особенно SAT является фактор общесемейной образовательной подготовки, который приводит к стиранию экономических различий. В 2008 афро-американские выпускники школ из семей с доходом больше чем \$ 200,000 показали более низкие результаты по сравнению с белыми детьми семей с доходами между \$ 20,000 и \$ 40,000. Этот факт объясняется в терминах образовательной сложности и искушенности, семейного образовательного наследия, такого как семейные традиции, интеллектуальное богатство семей и доступ к образовательному инструментарию и ресурсам. Средняя семья белых в одной и той же самой группе доходов гораздо лучше оснащена для того, чтобы подготовить своих детей к успешному тестированию, чем средняя семья афро-американцев (Supiano, 2009). Общая академическая подготовленность оказывается не прямо связанной с экономическими параметрами семьи, что делает более обоснованными перспективы социальной мобильности для детей из семей со средним и даже низким социо-экономическим статусом при наличии для них доступа к образовательным ресурсам и соответствующих ценностных ориентаций в семье, уровня когнитивной обогащения ребенка в семье. Похожие результаты получены и по IQ –тестам, например, прирост в 6,9 балла Сторфер считает возможным отнести на счет среды, окружающей ребенка дома в раннем возрасте (Storfer, 1990). Одним из ведущих достижений образовательной системы США является гибкая разработка школьных учебных планов, включающих профессионально-технические курсы, основанная на измерениях когнитивной сферы, которая приводит к уменьшению разрывов в академических достижениях детей из семей с низким уровнем образования родителей, мигрантской среды и другими социальными проблемами (Plank, DeLuca, Estacion, 2008). Например, между началом 1970-х и в начале 1990-х, когда черные по сравнению с их белыми сверстниками, существенно сократили промежуток в стандартизированных тестах академических достижений, как в математике, так и в чтении, были отмечены изменения в

КАЧЕСТВО ОБРАЗОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: НА ПУТИ К КОГНИТИВНОЙ КВАЛИМЕТРИИ ПРОЦЕССОВ ОБУЧЕНИЯ

совершенствовании методик обучения в школах, где состав учащихся преимущественно черный (Berends, Lucas, Penalzoza, 2008).

С учетом социо-экономических эффектов тестирования и наличием общих тенденций в результатах академических тестов и тестов на интеллект, таких, например, как высокая корреляция с социо-экономическим статусом семьи, многие исследователи еще в девяностые годы начали активную работу по дополнению академических тестов тестами на различные формы интеллекта. В частности в отчете исследовательского центра Йельского университета (Sternberg's Center for the Psychology of Abilities, Competencies, and Expertise (PACE) at Yale) Роберт Стернберг подчеркивает, что за счет включения в систему измерений качества образования тестов на различные формы интеллекта, был достигнут большой результат при предсказании успеха в колледже чем при тестировании только на основе SAT, так же группа Р. Стернберга сообщила сокращении различий между группами при отборе на основе комплексного тестирования. Р. Стернбергом подчеркивается, что применение SAT более лояльно для традиционных учеников и проблемно для тех, у кого английский язык является их вторым языком или чьи таланты лежат в области творческих или практических навыков [21]. В настоящее время разработки комплексного тестирования, основанного на теории нескольких типов интеллекта, находятся в стадии исследования, включающего 10000 студентов, чтобы определить, является ли новое тестирование коммерчески жизнеспособным (Sternberg, 1996-2009 и др.).

Так же в контексте проблематики количественной оценки качества обучения и интеллектуального ресурса ведется дискуссия о прогностической значимости традиционных тестов уровня интеллектуального развития (IQ). Так или иначе, все эти дебаты, как в России, так и за рубежом, сводятся к тому, что назрела необходимость радикального совершенствования аппарата измерения качества обучения. В свою очередь, качество обучения может трактоваться как предпосылка к дальнейшему раскрытию индивидуального интеллектуального ресурса в различных системах образования и в процессе профессионализации индивида. Уже на современном этапе развития количественной оценки качества образования сформированы такие программы, которые позволяют управлять качеством обучения с целью сохранения в различных системах образования интеллектуально одаренных субъектов, даже при наличии у них снижения в области академической подготовки (например, обучающиеся из мигрантской среды) или проблем в когнитивной организации (например, обучающиеся с теми или иными неспособностями – дисграфия, дислексия, гиперактивность и т.п.). Самым ярким таким примером является программа «Ни один ребенок не будет оставлен» (No Child Left Behind) и программа «Колледж для всех» ("college-for-all"), которые основываются не на одинаковых универсальных условиях обучения, а на комплексных прогностических измерениях, под которые формируются коррективные или специализированные программы обучения.

В России ситуация с формированием аппарата квалиметрии обучения остановилась на дебатах о недостатках тестов IQ, неоднозначности ЕГЭ как самого разработанного на данный момент инструмента оценки академического ресурса, а так же на призывах к «интеллектуальному смирению» или равных условиях обучения для всех [7, 8]. Данная ситуация представляется бесперспективной и работающей на жесткую социальную стратификацию без предоставления возможностей к социальной мобильности посредством обучения, раскрытия индивидуального интеллектуального диапазона в различных образовательных институтах на основе построения индивидуальной траектории пожизненного образования.

Квалиметрия как междисциплинарный слой в науке о качестве жизни в современных условиях развития образования приобретает жизненно важный практический аспект создания условий развития общества знаний и условий адекватного использования, восстановления и прироста интеллектуального ресурса общества. Современная квалиметрия в системе образования по своему содержанию является когнитивной, приоритетно ориентированной на сферу интеллекта и познания, что не исключает квалиметрии в ее экономическом ценовом аспекте и социальном стратификационном аспекте. Когнитивная квалиметрия открывает широкие возможности для управления процессом обучения на

основе непрерывного раскрытия индивидуального интеллектуального диапазона обучающегося. В условиях повышенной мобильности обучающихся, начиная со средней школы и заканчивая аспирантурой и докторскими стажировками, когнитивная квалиметрия как оценка академического и интеллектуального ресурса требует разработки единых и одновременно вариативных стандартов и процедур.

В целом, когнитивная квалиметрия может пониматься как количественная оценка качества интеллектуального и академического ресурса в перспективе его раскрытия и прироста в процессе реализации индивидуальной образовательной стратегии, что требует философского и методологического обоснования. Когнитивная квалиметрия ориентирована на решение проблем социальной мобильности, стратификации общества в аспекте развития общественного интеллекта. Развитие аппарата когнитивной квалиметрии требует своей комплексной разработки, включающей не только тестологию и систему оценок интеллектуальных образовательных продуктов, но и формирование системы аппарата математического прогностического моделирования с определением качества обучения как целевой функции, а так же системы информационного учета.

* * *

1. Азгальдов Г.Г., Бобков В.Н., Ельмеев В.Я., Перевошиков Ю.С., Беляков В.А. Квалиметрия жизни, Москва, ВЦУЖ, 2006.

2. Краснова В.М. Философия качества по Демингу и требования ИСО 9001:2000 к менеджменту качества, 2006.

3. Субетто А. И. Качество образования: проблемы оценки и мониторинга //Образование. - 2000.-№2.- СС. 62-66.

4. Субетто А.И. Управление качеством жизни и выживаемость человечества // Ст и К №1 1994.

5. Субетто А.И., Чекмарев В.В. Битва за высшее образование России: 1992 – 2003 гг. - СПб. - Кострома: КГУ им. Н.А.Некрасова, 2003, С.93.

6. Ушаков Д. В. Мышление и Интеллект (Психология XXI века: Учебник для вузов / под ред. Дружинина. - М.: ПЕР СЭ, 2003.

7. Ушаков Д.В. Тесты интеллекта, или горечь самопознания. // Психология. Журнал высшей школы экономики., 2004, Т.1 №2. СС. 76–93.

8. Холодная М.А. Психологическое тестирование и право личности насобственный вариант развития. // Психология. Журнал высшей школы экономики., 2004, Т.1 №2. С.С 66-75.

9. Adelman C, Principal indicators of student academic histories in postsecondary education, 1972-2000. Washington, DC:U.S. Department of Education.//<http://www.ed.gov/irschstat>.

10. Alexander K, Bozick R, Entwisle D. Warming Up, Cooling Out, or Holding Steady?// Persistence and Change in Educational Expectations After High School.\\ Sociology of Education 2008, Vol. 81 (October): 371-396.

11. Arum R, LaFree. Educational Attainment, Teacher-Student Ratios, and the Risk of Adult Incarceration Among U.S. Birth Cohorts Since 1910.\\Sociology of Education 2008, Vol. 81 (October): 397-421.

12. Berends M, Lucas S R., PenalozaR. V. How Changes in Families and Schools Are Related to

Trends in Black-White Test Scores.\\Sociology of Education 2008, Vol. 81 (October): 313-345.

13. Berkold, J., Ceis, S., and Kaufman P. Subsequent Educational Attainment of High School Dropouts (NCES 98-085). Washington, DC: U.S. Department of Education, Office of Educational Research and Improvement, 1998.

14. Morey, A. I. Globalization and the emergence of for-profit higher education. *Higher Education*, 200448, 131-150.

15. Plank S B., DeLuca S, Estacion A. High School Dropout and the Role of Career and Technical Education: A Survival Analysis of Surviving High School.\\ Sociology of Education 2008, Vol. 81 (October): 345-370.

16. Schmidt P. Researchers Accuse Selective Colleges of Giving Admissions Tests Too Much Weight.\\ The Chronicle of Higher Education, May 2, 2008 <http://chronicle.com/daily/2008/05/2707n.htm>.

17. Shaw, K.M. Remedial Education as Ideological Background: emerging remedial education policies in the Community College\\Educational Evaluation and Policy Analysis, 1997, 19: 284-296.

18. Shelton K, Puziffero M. Supporting Online Faculty - Revisiting the Seven Principles (A Few Years Later).\\ Online Journal of Distance Learning Administration, Volume XII, Number III, Fall 2009. University of West Georgia, Distance Education Center, [Back to the Online Journal of Distance Learning Administration Contents](#).

19. Supiano B. SAT Scores Down Slightly as Number of Test Takers Rises.\\ Chronicle of high education, August 25, 2009

20. Teare C. ACCIS in the Chronicle of Higher Education: The Russian Roulette of SAT Scores.\\ <http://accisnet.org/node/330>, 2006.

21. Yale researchers' new SAT Test could better predict college success - Noteworthy News.\\ [Black Issues in Higher Education, March 13, 2003](#) .

МОДЕЛИРОВАНИЕ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ЖИЗНЬЮ¹

Савченко Т.Н.,
Головина Г.М.

В этой статье представлена математическая модель качества жизни как функция оценки экономического благополучия, мотивационной ориентации, самоуверенности и стиля поведения. Модель основана на результатах эмпирического исследования взаимосвязи между качеством жизни, субъективным экономическим качеством жизни, стилем поведения и ряда личных характеристик, таких как самоуверенность и мотивационная ориентация. Данные опросов респондентов были обработаны с помощью факторного, кластерного, регрессионного анализов. Восстановленные субъективные измерения качества жизни описаны двумя факторами: первый это когнитивная оценка жизни, второй это эмоциональная оценка жизни. В результате была построена описательная регрессионная модель субъективного качества жизни.

Ключевые слова: математическая модель, качество жизни, экономическое благополучие, мотивационная ориентация, самоуверенность, стиль поведения

Исследование структуры субъективного качества жизни

Понятие “качество жизни” родилось как попытка числового выражения особенностей социально-экономической среды жизни людей. Качество жизни выступает как функция следующих параметров: психическое здоровье, рождение, смертность, количество больниц, количество медицинского персонала, курение, потребление алкоголя, наркотиков, государственное ассигнование на лечение, средний уровень потребления и др. Каждому из перечисленных параметров придаются условные веса и с помощью теории игр выводятся индикаторы, представленные в виде риска или оценки здоровья.

Наиболее показательными являются индексы роста государственных вложений в лечение и питание населения, сравненные со смертностью и заболеваемостью людей (А.С. Митчелос. Смертность, заболеваемость и медицинская помощь (качество жизни в Канаде и США, 1976 г.). Другой распространенный подход – выяснение сущности понятия качества жизни на основе социологических опросов, когда качество жизни рассматривается как субъективный показатель. Близкое совпадение жизненных стереотипов и возможности их реализации дает максимум этого качества. Оба эти подхода в отдельности не дают желаемого результата, т.е. необходим интегративный подход, который будет включать изучение как объективных, так и субъективных показателей, определяющих понятие “качества жизни”. Проблема качества жизни актуальна в тех обществах или в тех общественных группах, уровень жизни которых находится в целом на удовлетворительном уровне, когда проблема физического выживания стоит столь остро. В менеджменте существуют стратегии качества TQM, стратегия кризисного управления. И обычно эти две стратегии кризисного управления одновременно никогда не применяются.

В настоящее время разрабатываемая концепция качества жизни связана с изучением социально-психологических механизмов, опосредующих реальное удовлетворение жизнью, с изучением когнитивного, аффективного компонент качества жизни (КЖ). В России лишь намечаются пути систематизации и интеграции знаний по проблеме качества жизни для дальнейшей разработки концепции качества жизни. Изучение КЖ проводится в лаборатории математической психологии Института психологии РАН с 1995 года. За это время определено понятие качества жизни как интегрального

¹ Грант РГНФ № 08-06-00347а

показателя, который включает объективные и субъективные параметры. К первым относятся рекомендуемые Госкомстатом показатели уровня жизни. Ко вторым – ценностные ориентации, потребности, т.е. восприятие субъектом качества своей жизни через личностные структуры. Исследования лаборатории направлены на изучение субъективного восприятия качества жизни, разработана методика оценки параметров КЖ. В результате исследований построена модель динамики качества жизни и психологического статуса, с помощью которой можно прогнозировать удовлетворенность жизнью и тенденции к появлению внутриличностного конфликта в зависимости от изменения структуры качества жизни.

Существуют различные трактовки КЖ, включающие психологическую составляющую, и в соответствии с этим разрабатываются различные критерии и методы оценки КЖ. (Зараковский, Давыдовы, Хащенко, Джидарьян, Журавлев, Абульханова-Славская и др.).

В своих исследованиях субъективного КЖ в качестве методологической основы мы использовали: системный подход, субъектный подход, принцип моделирования, макро-микродинамический подход.

Нами было введено операциональное определение КЖ как интегративного показателя жизнедеятельности людей, который включает в себя как объективные, так и субъективные показатели. Объективные показатели характеризуют уровень жизнедеятельности (уровень жизни) конкретного человека или общества, субъективные показатели – степень удовлетворения его потребностей и ценностных структур различного уровня.

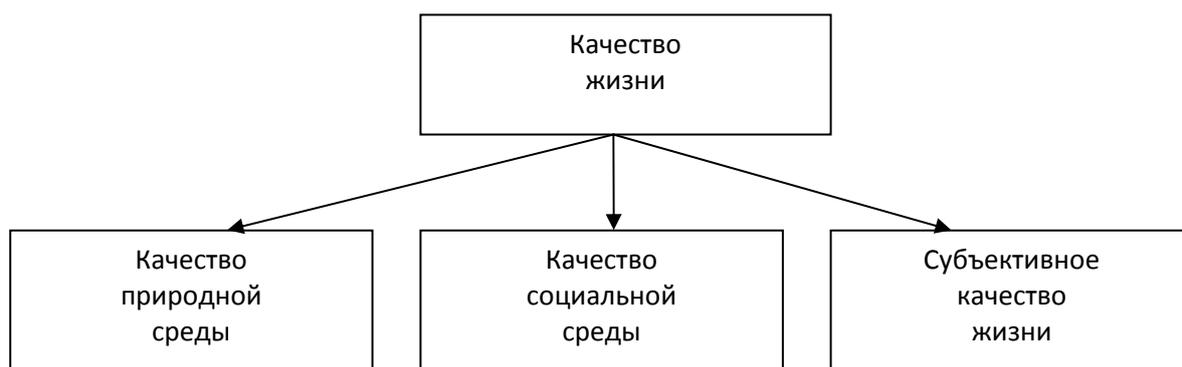

Рис.1. Структура качества жизни

Субъективное качество жизни (СКЖ) мы понимаем как степень соответствия реальных ценностных структур различного уровня (понятий) идеальным в представлении респондентов. Субъективное качество жизни входит как составляющая в интегральный показатель качества жизни. Данное исследование направлено на исследование субъективного качества жизни и общей удовлетворенности жизнью как его интегрального показателя. В данной работе мы поставили своей целью изучить структуру субъективного качества жизни у людей разного возраста и выявить вклад субъективных оценок материального благополучия в общую удовлетворенность жизнью.

Испытуемые. Студенты и служащие от 19 до 63 лет. В исследовании приняли участие 273 человека.

Методы сбора эмпирических данных. Для сбора эмпирических данных были использованы следующие методики:

- разработанный авторами опросник, включающий материальное благополучие и удовлетворенность жизнью в структуру параметров субъективного качества жизни [1, 2];

- опросник оценки удовлетворенности жизнью, в котором респондентам предлагается оценить близость жизни к идеалу;

- эмоциональный опросник, в котором предлагается ответить на вопрос: “Насколько счастливым или несчастливым Вы себя обычно чувствуете?” [3, 4].

Обработка полученных данных. Субъективное качество жизни (СКЖ) оценивалось как степень соответствия реальных понятий (ценностей различного уровня) идеальным в представлении респондентов. Использовалась следующая формула для получения количественных показателей:

$$СКЖ = \frac{\sum_i (10 - \delta\Pi)_i}{20}$$

где СКЖ- общий показатель субъективного качества жизни,

$\delta\Pi_i = \Pi_{и} - \Pi_{р}$, т.е. разность по каждому понятию, входящему в структуру качества жизни между идеальным и реальным его значениями.

В соответствии с нормой по разработанной нами методике оценки СКЖ [1], если показатель качества жизни больше 5, то субъективное качество жизни респондента высокое, однако при показателях, близких к 9, 10 можно ставить вопрос о достоверности результатов. Если показатели близки к 5, то это говорит о норме. При показателе меньше 5 можно говорить о низком уровне субъективного качества жизни, если показатель ниже 2, существует возможность внутриличностного конфликта.

В качестве методов многомерного анализа данных использовались: регрессионный анализ для выявления функциональных зависимостей удовлетворенности жизнью от приведенных выше характеристик, кластерный и факторный анализы, а также метод совместного применения факторного и регрессионного анализов, основанный на синергетическом подходе.

Анализ данных показал значимые положительные корреляции СКЖ и общей удовлетворенности жизнью с материальным благополучием. В один общий класс с материальным благополучием вошли такие параметры, как профессия, отдых, семья, друзья.

Далее сравнивались семантические пространства удовлетворенности жизнью студентов и работающих людей среднего возраста. Оказалось, что реконструированные факторные пространства удовлетворенности жизнью студентов и людей среднего возраста интерпретируются с помощью двух одинаковых факторов: первый – когнитивная оценка жизни, второй – эмоциональная оценка жизни.

Понятия, определяющие первый фактор структуры удовлетворенности жизнью студентов – отдых, развлечения, еда, а для людей среднего возраста – материальное благополучие, здоровье, любовь. Первый фактор фактически является экономическим фактором. Второй фактор определяются одинаковыми понятиями (счастье, общая удовлетворенность жизнью, принятие себя) как для людей среднего возраста, так и для студентов.

Выявленная на обобщенной выборке положительная корреляция общей удовлетворенности с материальным благополучием, а также взаимосвязь эмоциональной оценки жизни с принятием себя, уверенностью в себе определила направление работы на следующих этапах, а именно – направление на исследование взаимосвязи удовлетворенности жизнью с материальным благополучием, уверенностью в себе, мотивацией и стилем поведения.

Исследование зависимости субъективного качества жизни от личностных и поведенческих характеристик

Среди современных определений психологического содержания понятия «уверенность в себе» (личностная уверенность) в отечественной литературе наиболее проработанными теоретически и экспериментально являются подходы В.Г. Ромека и

В.В. Высоцкого: уверенность в себе – это принятие своих действий, решений, навыков как правильных, уместных (т.е. принятие себя). В качестве ведущих личностных детерминант уверенности выявлены мотивация достижений, волевой самоконтроль и тревожность, а в качестве социально-психологических – принятие себя, инициатива и смелость в социальных контактах [5], [6], [7].

Многие авторы считают, что экономический фактор связан со стилем поведения [8], [9], классификации стилей, основанием которой является СМБ (субъективное материальное благополучие), был проведен анализ работ авторов, использующих стилевой подход. В нашем подходе стиль представляет собой устойчивое, целостное образование, включающее сознательные и бессознательные механизмы активной и пассивной адаптации человека к среде. Стиль проявляется в зависимости от индивидуальных особенностей и среды и выступает одним из поведенческих механизмов. Такой подход предполагал определение внутренней организации – через удовлетворенность реальностью и своим состоянием в ней, а внешнюю – через тип социальной адаптации.

Мы предположили, что стилеобразующими факторами поведения являются удовлетворенность и отношение к социальному окружению. Это – две оси, два независимых вектора. Сумма этих векторов позволяет выявить готовность человека к определенному действию, что и определяет стиль поведения.

Для классификации стилей, основанием которой является экономический фактор, проведено экспериментальное исследование. Задачи исследования:

- соотнесение представлений людей об идеальном СМБ с восприятием СМБ в реальной жизни;
- определение взаимосвязи удовлетворенности жизнью с СМБ, мотивацией, личностной уверенностью и отношением к социуму;
- классификации стилей поведения.

Процедура эксперимента кроме трех, перечисленных выше, включала: опросник Ромека, три шкалы - уверенность в себе, социальная смелость и инициатива в социальных контактах; опросник (RAM) А. Мехрабиана для измерения результирующей мотивации достижения.

Результаты корреляционного анализа позволили построить структуру СКЖ, а также корреляционные структуры удовлетворенности жизнью и уверенности в себе. Кластерный анализ показал, что в один класс объединились: СМБ, общая удовлетворенность жизнью, условиями жизни, близость ее к идеалу (методика удовлетворенности жизнью Дайнера), уверенность в себе, мотивация достижения успеха.

При более детальном рассмотрении взаимосвязи удовлетворенности жизнью, уровнем мотивации и экономическим фактором были выделены группы, различающиеся по уровню мотивации и возрасту: с мотивом достижения успеха (от 30 до 45 лет) и мотивом избегания неудачи (от 45 до 63 лет), которые различаются также по структуре понятий. При этом у неудовлетворенных жизнью респондентов более выражена мотивация избегания неудачи, а у респондентов с более высокими оценками удовлетворенности жизнью – мотивация достижения успеха. Для группы с мотивом достижения успеха более значимы следующие ценности: «работа», «материальное благополучие», «жизненная удовлетворенность», «дружба», «образование», а также высокие оценки по «индексу жизненной удовлетворенности». Группа людей с мотивом избегания неудачи выделяет следующие ценности: «религия», «социальный статус», «работа», «семья». Люди с мотивом достижения успеха имеют высокие оценки по «индексу жизненной удовлетворенности», и люди с мотивом избегания неудачи имеют низкие баллы по переменной «индекс жизненной удовлетворенности».

Удовлетворенность жизнью является функцией мотивации достижения, которая, в свою очередь, является линейной функцией экономического фактора.

То есть, жизненная удовлетворенность имеет достаточно сложную зависимость от экономического фактора: до определенного предела удовлетворенность и СКЖ тем выше, чем выше мотивация достижения и значимость экономического фактора, даль-

нейшее повышение значимости экономического фактора не приводит к увеличению мотивации и СКЖ [6], [7].

Это подтверждают результаты исследований, в которых показано, что влияние экономического фактора является более значимым при низком доходе (высокая субъективная ценность материального благополучия) [9]. При более высоком доходе влияние экономического фактора снижается (субъективная значимость ценности «материальное благополучие» снижается). В группе с высоким доходом (успешные бизнесмены) наблюдается повышение влияния экономического фактора (значимость возрастает), но, возможно, это объясняется их профессиональной сферой.

Проведенное нами исследование также подтвердило предположение о том, что по всей выборке общая удовлетворенность положительно коррелирует с материальным благополучием, но эта взаимосвязь имеет различные основания. Выделены две группы людей: с достаточно высоким соответствием и с достоверными различиями представлений об идеальном качестве жизни и восприятия их реальной жизни.

Уровень удовлетворенности по комплексу показателей в этих двух группах значительно отличается, он достоверно выше в группе с соответствием представлений об идеальном качестве жизни и восприятием их реальной жизни. В каждой группе с помощью метода К-средних выделены две подгруппы с разными профилями оценок реальной жизни и различными показателями социальной активности и мотивационной направленности.

Это позволило считать удовлетворенность и отношение к социальному окружению стилеобразующими факторами.

Эти две оси независимы одна от другой и располагаются по вертикали и горизонтали. Сумма этих векторов позволяет выявить готовность к определенному действию, что и определяет стиль поведения индивида.

Причем удовлетворенность – это не субъективная оценка, а соотношение реальных и идеальных ценностных структур: если они значительно не отличаются друг от друга, то удовлетворенность максимальная – нет более целей, нет мотивации и, наоборот, если идеальные и реальные структуры значительно отличны, то ставятся новые цели и возникает мотивация их достижения.

Стиль проявляется в зависимости от индивидуальных особенностей и среды и выступает одним из поведенческих механизмов. Наш подход к выделению стилей предполагал определить внутреннюю организацию – через удовлетворенность человека реальностью и своим состоянием в ней, а внешнюю – через тип социальной адаптации.

С помощью КА выделены две группы людей с достоверными различиями СКЖ и ОУЖ. В каждой группе с помощью метода К-средних выделены две подгруппы с разными профилями оценок реальной жизни и различными показателями социальной активности.

Респонденты «творческого» и «авантюрного» стиля имеют низкие значениями СМБ, общей удовлетворенности и высокие значения социальной активности, но отличаются ценностными структурами. Профиль «Авантюрного» стиля отличают низкие оценки таких понятий, как материальное благосостояние, духовность, здоровье, образование, любовь, и высокие – таких, как жилье, отдых, работа.

Люди «Творческого» стиля имеют низкие оценки таких понятий, как материальное благополучие, и высокие оценки духовности, образования и т.д.

Респонденты «обыватели» и «конформные» отличаются высокими значениями СМБ, удовлетворенности жизнью и уверенности в себе и низкими значениями социальной активности. У «обывателей» при этом высокие показатели практически по всем ценностям, наиболее высокие – материальное благосостояние, уверенность в завтрашнем дне, стабильность в стране, дом, экология. У «конформных» высокая ценность семьи, любви, развлечений, друзей.

Рис. 2. Стили в пространстве двух факторов

Положительные корреляции общей удовлетворенности жизнью с материальным благосостоянием имеют следующую структуру. Так как удовлетворенность жизнью и отдельными сферами – это когнитивное суждение о ситуации и зависит от ожиданий, стремлений, представлениях о стандарте референтных групп, то неудовлетворенность респондентов «авантюрного» стиля, возможно, объясняется несоответствием ситуации и ожидания (низкая оценка материального благосостояния в реальности и высокая в идеале). Неудовлетворенность людей «творческого» стиля не объясняется неудовлетворенностью материальным благосостоянием (низкая оценка его в реальности и низкая в идеале). Большой вклад вносят необщительность, неуверенность в себе и др. Удовлетворенность «обывателей» можно объяснить удовлетворенностью материальным благосостоянием (высокая оценка его в реальности и высокая в идеале).

Характеристики «Конформных», такие как семья, любовь, развлечения, друзья – положительно влияют на субъективное благополучие. Это единственная группа, для которой не существует значимой положительной корреляции удовлетворенности жизнью с реально высоким материальным благосостоянием. Тем не менее, они удовлетворены своим материальным благосостоянием (низкая оценка его в реальности и низкая в идеале).

Математическое моделирование удовлетворенности жизнью

По результатам проведенных исследований нами были построены дескриптивные модели удовлетворенности жизнью.

Под моделью обычно понимают материальный или мысленный объект, который в процессе познания замещает изучаемый объект (оригинал), сохраняя основные наиболее важные для этого объекта свойства. Научная модель всегда логически обоснована и использует минимальное число гипотез, сформулированных на основе наблю-

дения за объектами. При наблюдении за объектом у исследователя формируется некий мысленный образ объекта (идеальная модель), которую принято называть когнитивной моделью. Вербализованная когнитивная модель называется содержательной моделью. Их подразделяют на описательные, объяснительные и предсказательные. Когнитивные модели являются субъективными. Если содержательная модель основана на определенной концепции, то она называется концептуальной моделью. Формальная модель – это концептуальная модель, сформулированная на каком-либо формальном языке. Если в качестве формального языка используется математический аппарат, то такая модель называется математической.

Суть любой математической модели заключается в отображении некоторого заданного множества значений входных параметров на множество выходных параметров. Поэтому математическую модель можно понимать как любой оператор, который позволяет по соответствующим входным параметрам определить выходные. Выделяют детерминированные и неопределенные модели; динамические и статистические; одномерные - многомерные; дискретные - непрерывные; качественные - количественные и др.

По целям моделирования выделяют дескриптивные и нормативные модели. Нормативные модели обычно используют накопленный опыт естественных наук. Дескриптивные модели являются реализацией описательных содержательных моделей на формальном уровне моделирования. Для разработки дескриптивной модели обычно используют полученный эмпирический материал. С помощью методов регрессионного анализа эти данные аппроксимируются наиболее подходящей функциональной зависимостью. В качестве метода моделирования часто используются методы факторного и однофакторного дисперсионного анализа.

Процесс построения математической модели можно представить следующим образом:

- обследование объекта и содержательная постановка задачи;
- концептуальная и математическая формулировка задачи;
- выбор и обоснование метода математического моделирования;
- разработка алгоритма решения поставленной задачи;
- проверка адекватности модели;
- практическое использование.

В настоящее время в психологии наиболее распространенным является использование дескриптивного подхода к моделированию психических систем. В представленной работе по результатам эмпирических исследования субъективного качества жизни и удовлетворенности жизнью построена дескриптивная математическая модель удовлетворенности жизнью как функции экономического благополучия и стилей поведения.

Цель данной работы состоит в построении модели удовлетворенности жизнью, включающей факторы экономического благополучия и стилей поведения. Для достижения этой цели были решены следующие задачи: 1) была осуществлена реконструкция факторного пространства понятий общей удовлетворенности жизнью; 2) была установлена взаимосвязь общей удовлетворенности жизнью и субъективного экономического качества жизни с мотивационной направленностью; 3) была установлена взаимосвязь общей удовлетворенности жизнью и субъективного экономического качества жизни с уверенностью в себе и социальной активностью; 4) проведено исследование взаимовлияния экономического фактора удовлетворенности жизнью и стилей поведения. Была выдвинута следующая гипотеза исследования – существует взаимосвязь субъективного экономического благополучия с общей удовлетворенностью жизнью; структура этой взаимосвязи определяется такими характеристиками, как уверенность в себе и мотивационная направленность.

Теоретические основания проведенного исследования опираются на интеграцию трех подходов к определению и исследованию удовлетворенности жизнью. Первый основан на сопоставлении реальных и идеальных структур субъективных представлений людей о качестве жизни (экономический фактор оценивался респондентами как

реальное и идеальное «материальное благополучие»). Второй основан на включении общей удовлетворенности жизнью в структуру оцениваемых респондентами параметров качества жизни. В таком случае удовлетворенность жизнью может интерпретироваться посредством других параметров качества жизни. В третьем подходе удовлетворенность определяется эмпирическим путем с помощью набора методик.

В первом разделе данной статьи приводится исследование структуры субъективного качества жизни и выявляется место экономического благополучия в данной структуре. Во втором разделе приводятся исследование зависимости субъективного качества жизни от ряда личностных и поведенческих характеристик. В третьем разделе приводится общая математическая модель удовлетворенности жизнью.

Общая модель удовлетворенности жизнью

В результате проведенных исследований были построены регрессионные модели удовлетворенности жизнью: общая и для каждого стиля поведения.

Общая модель имеет следующий вид:

$$\text{totud} = 0,2^* \text{stab} - 1,1^* \text{respect} + 0,8^* \text{food} + 0,7^* \text{free} - 0,3^* \text{prof} - 0,7^* \text{ideal} - 0,4^* \text{init} + 0,3^* \text{selfcon} + 0,2^* \text{helth} - 0,2^* \text{noreset} + 0,2^* \text{love}$$

где:

- totud - общая удовлетворенность;
- rest - полноценный отдых;
- respect - стабильность в стране;
- food - хорошая еда;
- free - личностная свобода;
- prof - профессия;
- ideal - близость к идеалам;
- ini - эмоциональная оценка состояния;
- selfcon - уверенность в себе;
- helth - здоровье;
- noreset - отсутствие желания изменить жизнь;
- love - потребность в любви;

Остальные четыре модели отличаются набором ценностей и величинами коэффициентов регрессии. Линейные многомерные регрессии дают хорошее соответствие эмпирическим данным. Нами была проведена проверка прогностичности модели на данных экспериментальных исследований. Следующий этап работы – построение нелинейных зависимостей для ценностных и личностных структур, не вошедших в линейную модель.

Дать определение экономического фактора в данном исследовании оказалось достаточно сложно. Экономический фактор определяется через совокупность понятий: материальное благополучие, деловая сфера, деньги, деловой успех (для студентов); материальный достаток в семье, интерес к жизни (для пенсионеров); достойная одежда, общение, развлечение, занятия спортом, путешествия, наличие машины, покупка и обустройство дачи, обустройство дома (для бизнесменов). Понятие субъективное экономическое благополучие имеет различное смысловое содержание не только для различных возрастных групп, но и внутри одной возрастной группы.

В исследовании подтвердилась гипотеза о том, что на представление об этом параметре влияют личностные характеристики, такие как уверенность в себе и мотивационная направленность.

Выявлено взаимовлияние субъективного качества жизни, удовлетворенности жизнью и субъективного экономического благополучия, интегральная структура которого определяется психологическими характеристиками, образом жизни, стилями поведения. Жизненная удовлетворенность имеет достаточно сложную зависимость от экономического фактора: до определенного предела удовлетворенность и субъективное качество жизни увеличивается с ростом мотивации достижения и субъективного экономического благополучия, дальнейшее повышение значимости экономического фактора и мотивации не приводит к увеличению субъективного качества жизни.

На показатель жизненной удовлетворенности практически не оказывают влияния демографические факторы (пол, возраст). Эти факторы оказывают влияние в той мере, в какой они определяют вовлеченность человека в различные социально-экономические и социально-психологические сферы жизнедеятельности.

Разработанная модель позволила выделить факторы, влияние которых на удовлетворенность жизнью наиболее значимо для всех стилей поведения. Оценить их вклад в удовлетворенность жизнью и построить общую и частные дескриптивные линейные модели удовлетворенности жизнью. На следующем этапе были построены более сложные модели, учитывающие и нелинейные функциональные стохастические зависимости.

Все это позволило подойти к разработке модельного компьютерного эксперимента для исследования адаптации людей с различными стилями поведения и с разным уровнем субъективного качества жизни. При этом динамика удовлетворенности жизнью рассматривается нами как макропроцесс, который моделируется как результат микродинамического процесса циклических переходов из состояния удовлетворенностью жизнью в состояние неудовлетворенностью жизнью. В качестве математического аппарата будет применяться теория агентов и коалиционные автоматы.

* * *

1. Акопов Г.В., Быкова Н.Л. (2001). Исследование динамики смысложизненных ориентаций. // Психологические, философские и религиозные аспекты смысла жизни / Под ред. В.Э. Чудновского и др. М.: Изд-во «Ось-89».

2. Аргайл М. (1990). Психология счастья. М.: Прогресс.

3. Савченко Т.Н. (1999). Динамика качества жизни и психологический статус. // Методы исследования психологических структур и их динамики. М.: Изд-во ИП РАН.

4. Савченко Т.Н. (2002). Развитие математической психологии: история и перспективы. // Психологический журнал. Т. 23. № 5.

5. Савченко Т.Н. (2005). Моделирование динамики системных образований психики. // Идея системности в современной психологии. / Под редакцией В.А. Барабанщикова. М.: Изд-во ИП РАН.

6. Савченко Т.Н., Головина Г.М. (1997). Восприятие экологической опасности. // Труды ИП РАН. М.: Изд-во ИП РАН.

7. Савченко Т.Н., Головина Г.М. (2006). Субъективное качество жизни: подходы, методы оценки, прикладные исследования М.: Изд-во ИП РАН.

8. Толочек В.А. (2000). Стили профессиональной деятельности. М.: Смысл.

9. Франкл В. (1990). Человек в поисках смысла. М.: Прогресс.

10. Хащенко В.А., Хащенко Н.Н. (2003). Влияние экономических факторов на оценку качества жизни личности // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Качество жизни: государственное регулирование и социальное партнерство».

МИГРАЦИЯ КАК ПУТЬ К ИЗМЕНЕНИЮ КАЧЕСТВА ЖИЗНИ:
КОМПАРАТИВНЫЙ АНАЛИЗ СУБЪЕКТИВНЫХ ОЦЕНОК КАЧЕСТВА ЖИЗНИ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ МИГРАНТОВ В ГЕРМАНИИ И НОРВЕГИИ

Багреева Е.В.
Менджерички Г. (Германия)

В статье рассматривается взаимосвязь двух социологических концепций: «миграция» и «качество жизни». Авторы проводят сравнительный анализ субъективных оценок качества жизни русскоязычных мигрантов в Германии и Норвегии.

Ключевые слова: качество жизни, миграция, русскоязычные мигранты, субъективное восприятие качества жизни, Норвегия, Германия, адаптация

Качество жизни в современных социально-экономических концепциях понимается как комплексная характеристика социально-экономических, политических, культурно-идеологических, экологических факторов и условий существования личности, положения человека в обществе.

Большинство авторов выделяют различные субъективные и объективные критерии качества жизни. К *объективным* критериям жизни можно отнести целый ряд социально-экономических факторов: выделяет: здравоохранение, образование, стабильную, экологически чистую окружающую среду (Комиссия ЮНЕСКО по народонаселению и качеству жизни). Независимый институт социальной политики дополняет перечень такими показателями, как доходы населения; неравенство; безработица и использование рабочей силы; динамика демографических процессов; продовольствие и питание; состояние жилища (населенных пунктов), инфраструктура, связь; ресурсы и состояние природной среды; культура, социальные связи, семейные ценности; политическая и социальная стабильность (безопасность); политические и гражданские институты (демократия и участие).

Среди *субъективных* показателей качества жизни можно выделить удовлетворенность личности результатами своей жизнедеятельности, морально-психологический климат и душевный комфорт.

В определении качества жизни, используемом Всемирной Организацией Здравоохранения (ВОЗ), акцент сделан на восприятии людьми своего положения в жизни в зависимости от культурных особенностей и системы ценностей и в связи с их целями, ожиданиями, стандартами и заботами.

Таким образом, качество жизни мы понимаем как комплексную категорию, эволюционирующую во времени и в пространстве, отражающую степень соответствия и удовлетворения материальных, культурных и духовных потребностей человека социально-экономическими и политическими условиями жизни, что характеризует материальную и духовную комфортность существования людей.

Для человека существуют различные пути изменения своего качества жизни, одним из которых нередко становится миграция.

Европейская история 20 века характеризовалась несколькими волнами миграции, связанными в основном с войнами (локальными и мировыми), и их последствиями, в том числе с крушением империй, образованием новых политических и государственных союзов. Также большое значение в европейской истории прошлого века имели волны трудовой миграции, связанной с перераспределением трудовых ресурсов и потребностей в них. Для нас особый интерес представляет миграция российских (советских) граждан с востока на запад в последние десятилетия прошлого и в начале нынешнего века в Германию и Норвегию.

В современной науке существует множество определений такого сложного социального процесса как миграция. Многие ученые придерживаются той точки зрения, что миграция (от лат. *Migratio* - переселение) – это перемещение людей по различным причинам через границы тех или иных территориальных образований в целях постоянного или временного изменения места жительства.

Понятие миграции, используемое миграционным департаментом МВД России, предоставило нам возможность выявить и обсудить проблемы российских мигрантов. Миграция это – любое территориальное перемещение населения, связанное с пересечением как внешних, так и внутренних границ административно-территориальных образований с целью смены постоянного места жительства или временного пребывания на территории для осуществления учебы или трудовой деятельности независимо от того, под преобладающим воздействием каких факторов оно происходит – притягивающих или выталкивающих:

- факторы *притягивающие*, побуждающее население переселяться в те регионы, где качество жизни благодаря набору природных и экономических условий будет выше, чем в регионе предыдущего проживания;

- факторы *выталкивающие*, складывающиеся в регионах постоянного проживания обстоятельства, также природного или экономического характера, воздействие которых делает невозможным дальнейшее проживание в данном регионе, независимо от того, существуют ли условия в регионе переселения для успешной адаптации.

В контексте рассматриваемой нами проблемы к *выталкивающим* факторам можно отнести изменения, произошедшие на территории бывшего Советского Союза в конце 20 века – такие, как утрата прежних жизненных ориентиров и пересмотр духовно-нравственных ценностей, ухудшение экономической обстановки, отсутствие социально-политической стабильности в обществе, рост безработицы, рост преступности, ухудшение экологической обстановки, низкий уровень социальной защищенности и медицинского обслуживания и т.п. Перечисленные факторы влияли на возникновение негативных настроений в обществе – от психологических до социально-политических.

Притягивающими факторами, побуждавшими и побуждающими жителей различных регионов бывшего Советского Союза к миграции в такие западно-европейские страны, как Норвегия и Германия, может выступать высокий уровень экономического развития стран, стабильная социально-политическая обстановка, развитая и хорошо функционирующая система социального обеспечения, наличие комплексных государственных программ, направленных на поддержку и адаптацию мигрантов, доступное образование и здравоохранение, безопасность и относительно низкий уровень преступности, хорошая экологическая ситуация.

Миграционные потоки порождаются причинами разного рода и разного характера. Однако в большей или меньшей степени всех участников этих перемещений можно разделить на две большие группы: на *вынужденных* и *добровольных* мигрантов. *Вынужденные* мигранты эмигрируют из страны или региона своего проживания в стремлении спасти себя и свои семьи; спасти от голода, войн, преследования по различным религиозным, этническим, гендерным и другим признакам. Вынужденная миграция – это в том или ином виде поиск путей спасения и сохранения своей жизни. *Добровольная* же миграция – это в любом случае стремление к изменению жизни, её условий, её качества.

Подчас сложно провести четкую грань между миграцией вынужденной и добровольной. Однако в любом случае можно выделить стремление мигрантов к изменению качества жизни и проследить, например, с помощью социологических методов исследования, насколько это стремление было удовлетворено, подтвердились ли ожидания, и были ли достигнуты цели, поставленные мигрантом при принятии решения о переезде на новое место жительства. Именно попытке ответа на вопрос о том, насколько миграция в Германию и Норвегию привела к позитивному изменению качества жизни русскоязычных мигрантов и посвящается наша статья.

В рамках работ по проекту «Общее и особенное в адаптации русскоязычных мигрантов: компаративный анализ процессов в России, Германии и Норвегии» было проведено исследование русскоязычных мигрантов на основе единого опросника в трех федеральных землях Германии: Бремен, Хессен и Северный Рейн Вестфалия и Осло в Норвегии. Общее количество респондентов составило 190 человек в Германии¹ и 62 человека в Норвегии (пилотажное исследование).

На протяжении последних 20 лет в Германию переселилось на постоянное проживание большое количество граждан из стран бывшего Советского Союза. Пик переселения пришелся на 1990-е годы, затем этот процесс пошел постепенно на спад. Основную массу переселенцев формировали этнические немцы. Большую группу составляли представители так называемой «еврейской иммиграции». Следует упомянуть о значительно меньших по количеству, но, тем не менее, существующих в Германии группах русскоязычных мигрантов, проживающих здесь в результате совместных браков с местным населением или различного рода трудовой или академической миграции.

Мигранты из бывшего Советского Союза представлены двумя основными группами, различающимися количественно и по срокам въезда. Первая группа, это так называемые «этнические немцы» и члены их семей, вторая группа – это так называемые «еврейские мигранты» и члены их семей. Первая группа насчитывает по данным Министерства внутренних дел Германии (Bundesministerium der Innern) 2 миллиона 334 тысячи 334 человека, въехавших в Германию с соответствующим статусом в период с 1950 по 2001 год².

Количество еврейских мигрантов и членов их семей, переселившихся в Германию с 1991/92 по 2007 годы, по оценкам немецких ведомств, отвечающих за учет количества мигрантов, составило 209 тысяч 226 человек (источник: Bundesverwaltungsamt, Bundesamt für Migration und Flüchtlinge)³. Таким образом можно говорить как минимум о 2,5 миллионах жителей Германии, выходцах из бывшего Советского Союза.

В Германии осуществляется помощь мигрантам в их обустройстве на новом месте жительства и интеграции через развернутую систему государственных, государственно-религиозных и общественных организаций. Большая часть этих организаций работает не только с русскоязычными мигрантами, но и с мигрантами из других государств и с гражданами Германии, находящимися в тяжелых финансовых условиях.

Существуют специальные программы, рассчитанные на помощь мигрантам, в том числе и русскоязычным. В Германии государство оплачивает мигрантам начальные языковые курсы для освоения немецкого языка (продолжительностью от 12 месяцев в 1990-е годы до 6-3 месяцев в 2000-е); медицинскую страховку, жилье, выдает деньги на проживание (питание, одежда и т.д.) до нахождения мигрантом работы. Распространена практика прохождения мигрантами курсов по переквалификации.

В случае же достижения мигрантом пенсионного возраста или его въезда в Германию в пенсионном возрасте финансовая поддержка сохраняется пожизненно. Трудоустройством мигрантов, также как и всех других безработных граждан Германии, занимается государственная структура агентства по трудоустройству.

Также активное участие в помощи в адаптации мигрантов принимают различные государственно-религиозные и общественные организации. Они предлагают учебные и адаптационные курсы за минимальную плату, либо оплачиваемые агентством по трудоустройству или органами социальной защиты, а также всевозможные консультативные услуги и просто помощь в тяжелых жизненных ситуациях мигрантов. То есть можно констатировать, что немецкое государство имеет отлаженную и финансируемую

¹ Проведение исследования в Германии осуществлялось при поддержке национального проекта «Образование» по «Программе развития федерального государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Южный федеральный университет» на 2007-2010 гг».

² Initiative Tageszeitung e.V. www.initiative-tageszeitung.de Quelle BMI, Stand: Ende 2005.

³ Migration und Bevölkerung. Newsletter Ausgabe 4 Mai 2008.

систему помощи мигрантам в адаптации к новым для них обществе, что, безусловно, является *притягивающим* фактором.

Норвегия так же, как и Германия, является страной, куда стремятся переехать жить люди из разных стран, в том числе и из России. В Норвегии, уже который год признаваемой ООН лучшей в мире страной для проживания, в 80-е годы возник тезис о необходимости строительства "мостов" между представителями разных культур. Для того, чтобы облегчить интеграцию прибывающих иммигрантов, была разработана целая система мер: выпущена целая серия учебников, названия которых говорят сами за себя – "Новичок в Норвегии", "Типичный норвежец", "Жить в Норвегии", выпускается специальная газета – *Klar Tale*, использующая облегченную лексику.

Скандинавские страны, являясь лидерами в деле всеобщей "информатизации" населения, создали целую сеть Интернет-ресурсов с целью пропаганды построения "поликультурного общества" в помощь адаптации мигрантов.

Норвежские власти активно способствуют интеграции иммигрантов в общество, а также препятствуют проявлениям расизма и дискриминации. С 1 сентября 2004 г. действует обязательная Вводная Программа для мигрантов, способствующая в получении общих знаний о норвежском обществе, в изучении норвежского языка по индивидуальной программе и в подготовке беженцев к полноценной рабочей жизни в стране.

С 1 сентября 2005 г. также введено обязательное обучение норвежскому языку (250 часов) и обществознанию (50 часов) для всех новых иммигрантов. При необходимости новые иммигранты могут дополнительно получить до 2700 часов бесплатного обучения языку. Прохождение 300 часового обучения в течение 3 лет теперь является необходимым условием получения ПМЖ или гражданства для иммигрантов, приехавших после 1 сентября 2005 года.

Проблема трудоустройства эффективно решается через биржи труда и развернутую систему бесплатных курсов по повышению и (или) переквалификации мигрантов.

Службы социальной защиты оказывают финансовую поддержку семьям, испытывающим трудности, помощь в предоставлении социального жилья, а также медицинскую помощь.

После распада Советского Союза в Норвегию мигрировало значительное количество русскоязычных граждан. На сегодня в 4,5-миллионной Норвегии проживает около 14 тысяч бывших соотечественников. Основные способы миграции – трудовая и академическая миграция, наряду с постоянно увеличивающимся количеством лиц, вступающих в брак (как правило, женщины). Кроме того, ряды мигрантов пополняют «няни для ребенка» и студенты, исследователи и практиканты из России: русские, которые получают право на проживание, благодаря обучению в норвежских школах. В 2003 году восемь процентов иностранных студентов составляли русские. Еще одна группа русскоязычных мигрантов – работники из России: много россиян запрашивают разрешение на сезонную работу или прибывают в Норвегию в рамках специальной квоты.

Как уже ранее отмечалось, миграция выступает в большинстве случаев либо как стремление к избавлению от каких-либо обстоятельств и причин, которые негативно влияют на качество жизни (подчас и на саму ее возможность), и/или как стремление к достижению нового качества жизни, более высокого, как минимум за счет избавления от страхов и проблем предыдущего места проживания. Нижеследующая таблица 1 дает определенное представление о мотивах и причинах переезда русскоязычных мигрантов на постоянное место жительства в Германию и Норвегию.

Хотелось бы отметить, что в качестве причин переезда максимально большое число респондентов в Германии указали: «неуверенность в завтрашнем дне, боязнь за детей», в то время как основной причиной для переезда в Норвегию было то, что там «лучше перспективы для карьеры и заработка».

В целом можно отметить, что среди причин выезда в Германию доминирует желание избавиться от проблем предыдущего места жительства и стремление к большей социальной защищенности.

Таблица 1

По каким причинам Ваша семья переехала на новое место жительства?

	Германия	Норвегия
1. Материальные трудности на Родине (на территории выезда)	8,9%	5,7%
2. Неуверенность в завтрашнем дне, боязнь за детей	25,6%	9,2%
3. Переехали вслед за родными и соседями	7,9%	5,7%
4. Здесь более спокойная жизнь	11,4%	13,8%
5. Здесь больше социальная защищенность	19,9%	11,5%
6. Здесь лучше перспективы для карьеры и заработка	10,1%	20,7%
7. Переехал к близким родственникам	8,9%	8,0%
8. Замужество	1,6%	12,6%

Для Норвегии же картина иная: здесь превалирует стремление к прямому улучшению качества жизни за счет карьеры, вероятного удачного замужества или достижения более спокойной жизни.

Исходя таким образом из поставленных перед собой приоритетов, мигранты соответственно планировали свою дальнейшую жизнь на новом месте жительства (таблица 2). Мигранты в Германию в первую очередь предполагали осмотреться, прежде чем предпринимать какие-либо шаги по трудоустройству или доквалификации.

Мигранты же в Норвегию в большей степени стремились к самостоятельно предпринимаемым действенным мерам по своему трудоустройству и нахождению места в норвежском обществе (таблица 2), в меньшей степени рассчитывая на помощь местных институтов власти.

Таблица 2

Как Вы планировали Вашу дальнейшую жизнь на новом месте жительства?

	Германия	Норвегия
1. Планировал (а) в начале осмотреться, а потом предпринимать какие-то шаги	33,0%	25,0%
2. Планировал(а) как можно скорее трудоустроится по своей специальности	23,9%	26,7%
3. Планировал(а) доучится или переучится и получить новую работу	22,7%	35,0%
4. Планировал(а) заниматься той работой, которую для меня подыскали знакомые (родственники, друзья), независимо от специальности с достаточной зарплатой	6,3%	5,0%
5. Планировал(а) открыть свой бизнес	0,6%	3,3%

Насколько такая стратегия адаптации мигрантов к новым условиям жизни помогала или мешала в повышении качества жизни мигрантов мы рассмотрим далее. Здесь же хотелось бы отметить коренное различие между русскоязычными мигрантами в Германии и Норвегии в уверенности в собственных силах в преодолении препятствий и достижения успеха на новом месте жительства или в расчете на помощь от кого-либо для достижения этих результатов, т.е. по большому счету в более активной или более пассивной позиции своего вживания в новое общество. В Германии в целом 63.4% приехавших рассчитывали на чью либо помощь и лишь 31.5% полагались лишь на свои силы. В Норвегии же лишь 35% рассчитывали на помощь и 47.4% не ожидали помощи ни от кого (таблица 3).

Таблица 3

На чью помощь при обустройстве на новом месте Вы рассчитывали?

	Германия	Норвегия
1. На помощь уже переехавших родственников (знакомых)	31,0%	17,5%
2. На помощь государственных организаций	28,2%	17,5%
3. На помощь организаций мигрантов, которые созданы	4,2%	0,0%
5. Не рассчитывал на постороннюю помощь	31,5%	47,4%
6. Другое	5,2%	17,5%

Естественно, что одним из наиболее важных *субъективных* факторов повышения качества жизни является оценка достижения поставленных целей. При сравнении выборов по утверждению «Мне удалось достигнуть поставленных целей» в двух странах мы видим, что среди русскоязычных мигрантов в Германии 43.4% считают, что они в большей или меньшей степени достигли поставленных целей, в Норвегии 58.1%; оценили свои достижения нейтрально 15.5% и 22.5% соответственно и 41.1% опрошенных в Германии считают что, они были неуспешны в достижении своих целей, в свою очередь лишь 19.4% респондентов в Норвегии придерживаются такого же мнения.

С другой стороны, цели, которые ставились перед переездом, не всегда могли быть реализованы мигрантами, исходя из различных объективных и субъективных обстоятельств. Логичным представлялась возможность принятия мигрантами других целей, которые бы больше соответствовали реальности на месте нового проживания и достижение их, принесло бы такое же удовлетворение и так же свидетельствовало бы о повышении качества жизни мигрантов. Для выяснения, насколько такая ситуация соответствует действительности, мигрантам предлагалось высказать свое отношение к утверждению «я не достиг поставленных целей, но то, чего я достиг, меня полностью устраивает». В Германии 43.9% опрошенных согласились в различной степени с этим утверждением, 18.1% отнеслись нейтрально и 38% респондентов ответили в целом отрицательно. В Норвегии ситуация немного отличается, а именно: 55.8% респондентов довольны достигнутым, хотя это и не было их целью, 13.5% имеют нейтральное отношение и 30.7% не удовлетворены достигнутым.

Очевидно, что прямым показателем успешности стратегий по адаптации себя в новом обществе является достижение определенного уровня благосостояния, того уровня, когда человек может утверждать, что он не испытывает особых материальных проблем и доволен своим достатком. И здесь мы видим значительные различия в ответах респондентов из Германии и Норвегии (таблица 4).

Таблица 4

Как бы Вы охарактеризовали свое материальное положение в настоящее время?

	Германия	Норвегия
1. Живу хорошо, без особых материальных проблем	17,6%	52,5%
2. Живу более или менее приемлемо	52,4%	36,1%
3. Живу очень скромно	29,9%	11,5%

Кроме *объективных* показателей, которые свидетельствуют об улучшении или ухудшении качества жизни, есть и множество факторов *субъективных*, которые имеют значительное влияние на самоощущение индивида при его оценке того, насколько улучшилось качество жизни и оправданы ли вложенные усилия и достигнутые результаты. К таким факторам относятся, например, радость от хорошей погоды утром, когда начинается очередной день или от вкусной еды в течение дня.

И в этих субъективных переменных можно увидеть значительные различия между самоощущением мигрантов из России в Германию и Норвегию.

Если мы проанализируем восприятие немецкого и норвежского климата мигрантами, то увидим достаточно значительные отличия: 26.6% респондентов в Германии и 16.6% в Норвегии считают, что погода в этих странах в разной степени «всегда плохая»; 16% и 11,7% соответственно придерживаются нейтральной точки зрения и 57.5% в Германии и 71.7%! в Норвегии считают, что утверждение «всегда плохая погода» не применимо к климату их стран проживания.

Еще более значительные отличия присутствуют при выражении респондентами своего согласия (1 – максимальная степень согласия) или несогласия (9 – максимальная степень несогласия) с утверждением: «здесь слишком часто идут дожди и нет настоящего лета и зимы (см. таблицу 5) .

Что касается утверждения «Здесь другая еда, к которой я не могу привыкнуть», то ответы респондентов в Германии и Норвегии различаются, но достаточно незначи-

тельно: 14.5% респондентов в Германии и 11.6% в Норвегии указали на затруднения с привыканием к местной еде, у 8.4% и 11.7% соответственно – присутствует нейтральное отношение и для 76.9% опрошенных привыкание к немецкой кухне и продуктам и для 76.7% к норвежской не вызвало затруднений.

Таблица 5

Здесь слишком часто идут дожди и нет настоящего лета и зимы

	Германия	Норвегия
да, согласен 1	11,2%	1,7%
2	8,4%	10,2%
3	10,1%	8,5%
4	6,7%	1,7%
5	16,3%	13,6%
6	11,2%	1,7%
7	11,8%	22,0%
8	7,9%	5,1%
нет, не согласен 9	16,3%	35,6%

Казалось бы, многие показатели адаптации русскоязычных мигрантов: успешность, материальное благополучие, реализация достигнутых целей, даже в определенной степени погода, всё говорит в пользу Норвегии, и те, кто переехал в Норвегию, должны в гораздо большей степени быть удовлетворенными своим местом проживания и страной, в которой они оказались.

Для проверки этого тезиса рассмотрим ответы респондентов на два вопроса: «Живете ли Вы там, где хотели?» и «Где бы Вы хотели жить в дальнейшем?» На вопрос «Живете ли Вы там, где хотели?» ответы распределились следующим образом: в Германии 53.6 % респондентов проживают в большей или меньшей степени там, где они хотели, 19% затрудняются с ответом/относятся нейтрально и 27.3% не удовлетворены своим местом проживания. Для Норвегии проценты распределились следующим образом: 61.7%; 13.3%, и 25 % соответственно. Необходимо отметить, что в Норвегии большое количество респондентов отметили высшую степень удовлетворенности своим местом проживания – 38,3% по сравнению с 18.4% в Германии, а наиболее негативное отношение столь же сильно превалировало в Германии – 11.2% по сравнению с 3.3% в Норвегии.

Высокий процент респондентов, больший в Германии по сравнению с Норвегией, на вопрос «где бы Вы хотели жить в дальнейшем» ответили, что хотели бы «остаться в этих местах» – 65.6% опрошенных в Германии и 56.7% – в Норвегии; «вернуться туда, где родились и выросли» высказали желание лишь 4.8% для Германии и 3.3% для Норвегии.

Итак, что же объясняет такой большой процент русскоязычных мигрантов, желающих продолжать жить там, где они сейчас живут, и, несмотря на различную степень успешности, видимо, довольны условиями своего проживания в Германии и Норвегии. Для ответа на эти вопросы нами были представлены респондентам несколько утверждений, с которыми они должны были выразить своё согласие или несогласие: «Я чувствую себя здесь комфортно», «Чувствует ли Вы себя здесь, где Вы сейчас живете, "дома"?", «Вам хорошо здесь?».

В различной степени комфортно себя чувствуют 57.5% респондентов в Германии и 70,4% в Норвегии. Нейтрально ответили 19.6% и 14.8% соответственно. Дискомфорт в разной степени испытывают 22.9% в Германии и 14.7% респондентов в Норвегии. Необходимо отметить, что высшую степень ощущения комфортности проживания отметили 45.9% в Норвегии и 16.3% в Германии.

«Хорошо» в Германии – 62.4% респондентов, а в Норвегии – 83.1%. Затрудняются в определении, насколько им хорошо, 20.8% русскоязычных мигрантов в Германии и 10.2% в Норвегии. «Плохо» в Германии 16.4% респондентов и 6.8% в Норвегии.

И здесь необходимо выделить различие в оценке: в наибольшей степени «хорошо» 23,0% респондентов в Германии и 47,5% в Норвегии.

Вероятно обобщающим для понимания комфортности и ощущения, что тебе «хорошо», является ощущение дома в позитивном смысле этого слова. Итак, как соотносится ощущение «дома» для мигрантов из бывшего Советского Союза, переехавших жить в Германию и Норвегию: «дома» себя чувствуют 53.6% респондентов в Германии и 74.7% в Норвегии, затрудняются ответить 23.5% и 13.6% соответственно и не испытывают такого чувства 23 % в Германии и 11.9% в Норвегии. Опять же в Норвегии значительно больше респондентов, которые чувствуют себя в этой стране в наибольшей степени «дома» по сравнению с Германией: 44.1% и 22.3% соответственно.

Исходя из вышеизложенного логичным представляется и распределение ответов на утверждение «Переезд на новое место оказал на меня и мою семью положительное влияние», рассмотренное в таблице 6, где 1 – максимальная степень согласия с вышеуказанным утверждением, а 9 – это максимальная степень несогласия. Несмотря на доминирующую тенденцию восприятия переезда как положительного фактора, для семей мигрантов в обеих стран степень удовлетворенности значительно выше для респондентов в Норвегии, чем в Германии.

Таблица 6

Переезд на новое место оказал на меня и мою семью положительное влияние

	Германия	Норвегия
да, согласен 1	17,1%	45,0%
2	7,7%	6,7%
3	16,6%	10,0%
4	11,6%	1,7%
5	22,7%	15,0%
6	6,6%	3,3%
7	5,0%	10,0%
8	3,3%	1,7%
нет, не согласен 9	9,4%	6,7%

В заключение хотелось бы отметить, что в обеих странах большинство респондентов рассматривают свой шаг по перемене места жительства как правильный, хотя и процент тех, кто затрудняется ответить, достаточно велик. Ответы на вопрос: «Если бы Вам пришлось начинать сначала, Вы бы переехали сюда вновь?» распределились следующим образом. Положительно ответили 54.9% респондентов в Германии и 64.5% в Норвегии; затруднились ответить 39.0% в Германии и 27.4% в Норвегии и «остались бы на прежнем месте жительства» 3.8% в Германии и 3.2% в Норвегии

Таким образом, ответы респондентов двух стран дают основания полагать, что миграция индивида из страны в страну может быть путем повышения качества жизни. В свою очередь, пути улучшения качества жизни, их субъективная оценка, как показали результаты исследования, зависят от приоритета в установках личности на потребление имеющихся в обществе социальных благ или установки на активность человека в формировании и достижении целей собственного жизнеобеспечения.

Так, большинство мигрировавших в Германию были хорошо осведомлены о широкой социальной поддержке государства и в большинстве случаев рассчитывали на поддержку членов семьи, проживающих в этой стране и/или государства. В силу этих факторов, ведущим способом повышения качества их жизни они в большей степени рассматривали помощь и поддержку, нежели проявление собственной активной позиции. Тогда как лица, мигрировавшие в Норвегию, в меньшей степени были информированы о возможностях государства по поддержке мигрантов, в большей степени рассчитывая на собственные силы по обеспечению жизнедеятельности.

СТРУКТУРА И ДИНАМИКА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ СУБЪЕКТА¹

Позняков В.П.

Представлен анализ основных компонентов сознания в аспекте научной проблемы систематизации экономико-психологических феноменов. Выдвинуто положение об универсальности структуры явлений экономического сознания вне зависимости от конкретного содержания социально-экономических объектов. Противоречия во взаимосвязях явлений экономического сознания и внешних проявлений экономической активности субъекта, экономического поведения определяются как регуляторы динамики экономического сознания.

Ключевые слова: экономическое поведение, экономико-психологические явления, экономическая психология

Круг явлений и понятий, которые можно определить как экономико-психологические, чрезвычайно широк и разнообразен. Однако все их можно объединить в две большие группы: это феномены экономического сознания и экономического поведения и соответствующие им основные понятия, используемые в экономической психологии.

Выделение и последующий анализ различных форм общественного сознания (экономического, политического, юридического, нравственного, этнического, религиозного и т.д.) имеет давнюю традицию в отечественных общественных науках. Однако лишь в последние годы делаются попытки применить эту схему анализа в психологических исследованиях феноменов индивидуального и группового сознания.

В этой связи возникает актуальная научная проблема систематизации психических феноменов, которые можно определять как проявления тех или иных форм индивидуального и группового сознания, и понятий, используемых для их описания и анализа. Опыт решения данной проблемы применительно к феноменам экономического сознания, под которым в наиболее общем виде, вслед за А.Л. Журавлевым мы понимаем частную форму индивидуального или группового сознания, находится в области различных форм знания индивидуального и группового субъекта о различных экономических объектах и его отношении к этому знанию [3, С.46-64 (Журавлев, Позняков)].

Для реализации цели систематизации феноменов экономического сознания мы решили воспользоваться предложенной нами моделью систематизации базовых категорий социальной психологии, используемых для анализа феноменов индивидуального и группового сознания (Позняков, 2008). В рамках этой модели мы сопоставляем содержание трех таких категорий: социальные представления, психологические (социально-психологические) отношения и социальные установки. Мы полагаем, что в рамках соответствующих теоретических подходов проводится анализ отдельных феноменов онтологически целостного сознания.

Специфика этих подходов состоит, в частности, в том, что каждый из них в большей степени выделяет одну из трех основных составляющих сознания – когнитивную, заключающуюся в различных формах знания о социальных объектах, эмоционально-оценочную, заключающуюся в различного рода отношениях к социальным объектам и

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ. Грант 08-06-000198-а «Социально-психологические и личностные детерминанты деловой активности предпринимателей в разных сферах бизнеса».

связанных с ними переживаниях и поведенческую, появляющуюся, прежде всего, в различных феноменах готовности к определенному поведению в отношении социальных объектов – мотивах, намерениях, ожиданиях и т.д.

Если применить эту схему к анализу результатов конкретных эмпирических исследований, выполненных в последние годы в отечественной экономической психологии, можно отметить, что здесь также имеется опыт использования в качестве базовых понятий (и лежащих в их основании концепций) всех трех указанных категорий, а при анализе структуры исследуемых экономико-психологических явлений четко прослеживается выделение трех названных составляющих, компонентов.

Наиболее полно результаты теоретико-эмпирических исследований экономико-психологических феноменов, выполненные в последние годы в отечественной психологии, представлены в двухтомнике «Проблемы экономической психологии» [7, 8], содержание которых явилось основным объектом нашего анализа. Полные названия статей отдельных авторов этого сборника, ссылки на которые даются в тексте, для краткости не указываются, дается только ссылка на издание (первый или второй том) и указываются страницы публикации.

Применительно к такому традиционному объекту исследований в экономической психологии, как деньги авторы используют такие понятия, как представления о деньгах, образ денег [7, С.207-241(Дейнека)], отношение к деньгам [7, С.242-260 (Короткина)], денежные аттитюды и установки [7, С.261-280 (Фенько)]. В исследованиях, посвященных психологическим проблемам отношений собственности, материального благополучия, бедности и богатства также используются термины, характеризующие представления о собственности и собственниках [7, С.167-206 (Журавлев)], [7, С.139-166 (Карнышев)], о бедности и богатстве [8, С.476-512 (Хашченко, Шибанова)], о благополучии [8, С.433-475 (Фоломеева)], и др., отношения к различным формам собственности [7, С.43-51 (Позняков)], и др., бедным и богатым людям и различные проявления поведенческой готовности: предпочтение формы собственности и вида экономической деятельности [5 (Позняков)], готовность личности к материальному самообеспечению [8, С.577-601 (Китова)], стратегии социальной адаптации российских безработных, [7, С.304-356 (Демин)] и др.

В исследованиях психологии рекламы мы вновь отмечаем в качестве изучаемых явлений динамику отношений российских потребителей к рекламе [8, С.267-294 (Лебедев)], восприятие юмористической рекламы [8, С.295-343) (Купрейченко)], оценку наружной рекламы [8, С. 344-357 (Гордякова)]. А при анализе критериев оценки психологической эффективности рекламного воздействия авторы выделяют когнитивный, эмоциональный и поведенческий компоненты [8, С.368-400 (Байкова, Купрейченко)].

Эти и многие другие примеры подтверждают выдвигаемое нами положение об универсальности структуры явлений экономического сознания вне зависимости от конкретного содержания тех социально-экономических объектов и явлений, которые находят в нем свое отражение. Детальный анализ практики использования рассматриваемых понятий в рамках конкретных теоретических и эмпирических исследований позволяет выделить сходные закономерные тенденции, свидетельствующие о сходстве описываемых ими феноменов. Во-первых, все указанные авторы не ограничиваются рассмотрением какого-либо одного из трех аспектов или сторон в исследовании явлений экономического сознания.

Так в содержание социально-экономических представлений наряду с собственно когнитивными образованиями авторы включают и эмоционально оценочные и поведенческие. В структуре установок экономического поведения также традиционно выделяются познавательный, эмоционально-оценочный и поведенческий компоненты. Наконец, в классических определениях психологических отношений личности к экономическим явлениям мы вновь обнаруживаем те же самые когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты. Такое сходство в теоретических представлениях, сформировавшихся относительно независимо друг от друга в рамках разных научных направле-

ний, убедительно свидетельствует в пользу того положения, что экономическое сознание субъекта как онтологически целостное образование имеет вполне определенное строение, структуру, выделяемую в рамках научного анализа.

Во-вторых, представители всех рассматриваемых научных направлений распространяют использование центральных понятий для описания и анализа явлений не только индивидуального, но и группового экономического сознания. Онтологически носителями (субъектами) психических явлений, рассматриваемых как явления экономического сознания, являются отдельные индивиды. Однако наличие общих, сходных содержательных элементов индивидуального экономического сознания (представлений, мнений, оценок, намерений и т.п.), разделяемых разными людьми, а иногда и осознаваемых ими в качестве общих для них, то есть групповых, позволяет говорить о психологической общности индивидов, разделяющих эти представления, мнения, отношения и т.п., и рассматривать их в качестве групповых социально-психологических явлений, а сами группы – в качестве субъектов этих явлений.

Именно в этом смысле можно и нужно использовать понятия групповое экономическое сознание, групповые экономические представления, отношения, установки и т.п. Правомочность таких представлений можно подтвердить и практикой эмпирических исследований групповых экономико-психологических явлений, в рамках какого бы теоретического направления они не выполнялись и каким бы центральным понятием их авторы не пользовались. Основным методом сбора эмпирических данных в такого рода исследованиях является опрос, основными исходными показателями являются высказывания респондентов, фиксирующие их индивидуальные представления, мнения, оценки, намерения и т.п. И уже затем, в ходе количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных исследователь выделяет, описывает и анализирует общие и особенные содержательные характеристики изучаемых явлений экономического сознания, интерпретируемые им в качестве групповых.

Следующий тезис нашего подхода заключается в представлениях о структуре и динамике явлений экономического сознания. Речь идет, во-первых, о сочетании устойчивости и изменчивости этих явлений. Проблема динамики экономического сознания личности и группы является особенно актуальной в условиях динамичных социально-экономических изменений в современном российском обществе и привлекает в последние годы внимание многих исследователей [см. 1, 2, 4, 5, 9, 10 и др.]

Анализ результатов этих и других исследований позволяет утверждать, что в структуре явлений экономического сознания личности и группы имеются как устойчивые элементы, выступающие как бы его базисом, ядром и с трудом поддающиеся быстрым изменениям, так и явления более поверхностные, имеющие более частный, так сказать, локальный характер и в большей степени подверженные влиянию изменяющихся внешних условий.

Однако динамика явлений экономического сознания может и должна исследоваться не только во внешнем плане, как изменение содержания представлений, модальности отношений, направленности и уровня выраженности поведенческих готовностей и т.п. Динамичность явлений группового сознания проявляется во внутренних противоречиях его элементов (между прошлым опытом и новыми представлениями, сложившимися оценками и меняющимися социальными нормами, намерениями личности и оценками своей готовности к тем или иным действиям и т. п.). Именно эти противоречия выступают, по нашему мнению, внутренними психологическими механизмами изменений, происходящих в содержании индивидуального и группового экономического сознания, а исследование этих психологических механизмов представляется нам серьезной и перспективной научной проблемой. Важным динамическим аспектом явлений экономического сознания является его временная составляющая, в соответствии с которой отдельные его элементы распределены на временном континууме жизнедеятельности субъекта: прошлое – настоящее – будущее.

Применительно к прошлому опыту субъекта выделяются и исследуются такие элементы сознания как индивидуальная и коллективная память, ретроспективная оценка происходящих социально-экономических изменений, а также знаний о них и отношения к ним субъекта.

Применительно к будущему – ожидания и прогнозы предстоящих изменений и ожидаемые, предвосхищаемые последствия активности самих субъектов – их цели, планы и т. п. Настоящее, актуальное содержание экономического сознания при этом выступает лишь как одна из точек на этом континууме, а возможные его изменения определяются как динамикой внешних социально-экономических условий, так и активностью самого субъекта.

И здесь мы подходим к заключительному положению нашего концептуального подхода – о взаимосвязи явлений экономического сознания и внешних проявлений экономической активности субъекта, экономического поведения. Как показали, в частности, результаты наших эмпирических исследований [5] эта взаимосвязь носит диалектический характер. Явления экономического сознания, с одной стороны, формируются под влиянием внешних, постоянно изменяющихся социально-экономических условий жизнедеятельности субъекта, но, с другой, – сами определяют направленность и уровень экономической активности, выступая ее психическими регуляторами.

Такая связь предполагает не только согласованность экономического сознания и поведения субъекта, но и значительные расхождения, противоречия между ними, которые выступают факторами динамики экономического сознания субъекта и регуляторами его экономического поведения.

* * *

1. Журавлев А.Л. Социально-психологическая динамика в изменяющихся экономических условиях // Психол. журн. 1998. Т.19. N 3. СС. 3-16.

2. Журавлев А.Л. Психология совместной деятельности в условиях организационно-экономических изменений. Дисс. в виде научного доклада на соискание степени д-ра психол. наук. М., 1999.

3. Журавлев А.Л., Позняков В.П. Экономическая психология: теоретические проблемы и направления эмпирических исследований // Психология: Журнал Высшей школы экономики. № 3, 2004. СС. 46-64.

4. Осипенко И.М. Динамика экономического сознания студентов в процессе социализации. Дисс. на соиск. степени канд. психол. наук. Смоленск, 2005.

5. Позняков В.П. Психологические отношения в условиях изменения форм собственности. Дисс. на соискание степени д-ра психол. наук. М., 2002.

6. Позняков В.П. Концепция психологических отношений индивидуальных и групповых субъектов совместной жизнедеятельности / Материалы первого межрегионального методологического семинара. Москва-Владимир-Кострома, 2009. С.121-150.

7. Проблемы экономической психологии. Том 1. // Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.

8. Проблемы экономической психологии. Том 2 // Отв. ред. А.Л. Журавлев, А.Б. Купрейченко. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 2004.

9. Социальная психология экономического поведения / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Наука, 1999.

10. Социально-психологическая динамика в условиях экономических изменений / Отв. ред. А.Л. Журавлев, Е.В. Шорохова. М.: Изд-во "Институт психологии РАН", 1998.

Орефков В.В.

В статье на базе исследований по организации труда на рабочих местах различных предприятий ряда отраслей промышленности аргументируется вывод о том, что качество трудовой жизни, как и качество труда (процессов труда) можно оценивать на основе интегрального показателя эргономичности рабочего места, который, в свою очередь, формируется из двух количественных показателей: эргономичности выполняемых на рабочем месте трудовых процессов и эргономичности условий труда.

Ключевые слова: качество трудовой жизни, эргономика, нормирование, трудовые ресурсы, трудовой потенциал, рабочее место

Качество и уровень жизни, как нам представляется, являются характеристиками одного объекта – «жизни», но под разными углами зрения: качество – в аспекте ее разнообразия и развития личности; уровень – в аспекте выражения в денежной и условно денежной форме потребления людьми разнообразных потребительских комплексов [1, 2].

Качество трудовой жизни выделяется нами как самостоятельная компонента качества жизни [5, 6]. Во многих классификациях этого не делается.

Эта сфера деятельности (материальное, информационно-интеллектуальное производство и наука) является фундаментальной для обеспечения качества жизни. Труд играет центральную роль в жизни большинства населения. Результаты и последствия этой составляющей качества жизни непосредственно влияют на все ее стороны в обществе.

Качество трудовой жизни, прежде всего, адекватно характеризуется качеством труда: наемного работника или работодателя, основанного на их способностях, направленных на выработку товара или производство знаний. Качество труда выражается уровнем квалификации работников и производительностью их труда, размерами первичных трудовых и предпринимательских доходов в сравнении со стоимостью жизни, а также величинами производных от них страховых выплат.

Качество трудовой среды характеризуется созданием условий для достойного труда: типом труда (преимущественно физическим или умственным), возможностями проявления в процессе труда элементов творчества и самостоятельности, смены видов деятельности и продвижения по службе, соблюдением интересов работников, а также безопасностью и охраной труда.

Не случайно, категория «качество трудовой жизни» (quality of working life) наиболее широко анализируется в зарубежной литературе в аспектах управления человеческими ресурсами, рассмотрения благосостояния работников, их участия в принятии решений об охране здоровья, развитии способов и методов улучшения работы и повышения удовлетворенности трудом [1, 2].

Качество трудовой жизни в значительной степени зависит от реализации принципа социального партнерства, регулирующего социально-трудовые отношения между их субъектами: государство – работодатель (объединения работодателей) – работник – профсоюзы (общественные объединения работников). Структура взаимодействия социальных партнеров в сфере трудовой деятельности представлена нами на рис.1.

При описании структуры процессов взаимодействия партнеров в сфере трудовой деятельности мы используем такие понятия как «трудовой ресурс», «трудовой потенциал». Различные авторы совершенно по-разному толкуют эти понятия. Одни из них считают, что трудовые ресурсы и трудовой потенциал – одно и то же, другие авторы их разделяют, в статистической отчетности есть попытки разделить фрагменты в условиях так называемой рыночной экономики, однако точного разделения этих понятий пока нет.

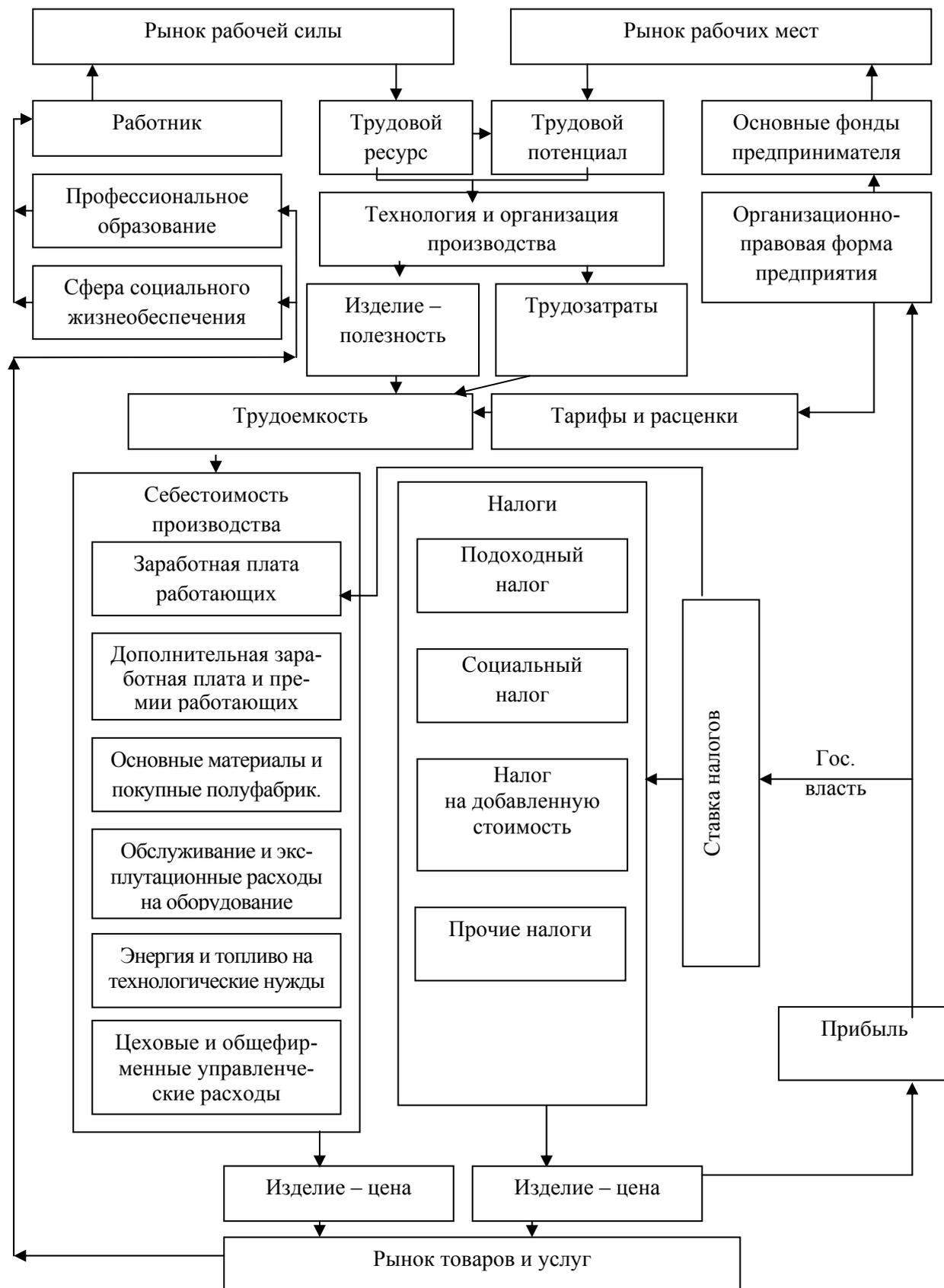

Рис.1. Модель структурных процессов взаимодействия партнеров в сфере трудовой деятельности

Основной нашей задачей является попытка обобщить ранее высказанное разными учеными, статистиками, политическими деятелями, другими исследующими этот вопрос или работающими на рынке труда. Понятиям «трудовые ресурсы» и «трудовой потенциал», можно дать любую трактовку, но сначала надо найти тот объект и тот субъект, к которому можно отнести понятие «трудовые ресурсы» и «трудовой потенциал».

Мы придерживаемся мнения В.Н. Бобкова и Е.А. Еремеевой, что трудовые ресурсы отделены от трудового потенциала и трудовой потенциал является не характеристикой трудовых ресурсов, а относится к оценочным критериям рабочих мест как производственному пространству, где реально функционирует трудовой ресурс.

Как видно из изложенного, нами принимается четкая позиция:

- трудовые ресурсы – это ресурсы работника;
- трудовой потенциал – это возможные (необходимые) требования работодателя к трудовым ресурсам;
- рабочее место – производственное пространство, где реализуется трудовой ресурс работника и трудовой потенциал работодателя.

В самом деле, даже самые поверхностные явления рынка труда позволяют четко декларировать:

- работник на рынок труда представляет свой документально обоснованный трудовой ресурс, подтверждаемый паспортом, трудовой книжкой, медицинским подтверждением здоровья и документами об образовании и характеристиками о практическом опыте работы;
- работодатель на рынок труда выставляет свои рабочие места с количественными характеристиками трудового потенциала, документированного паспортом рабочего места, подтвержденного государственными аттестатами и сертификатами соответствия.

В реальной действительности соединение трудовых ресурсов (рабочей силы работника) с трудовым потенциалом (оживления рабочих мест) составляет систему функционирования определенной совокупности рабочих мест по технологической логике создания продукции, обладающей стоимостью и ценностью.

Таким образом, трудовые ресурсы, соединяясь с трудовым потенциалом, данным в форме совокупности предметов и средств труда и энергетических источников, создают изделие с его полезными потребительскими свойствами.

Действующие нормативы расходования различных производственных ресурсов в условиях рынка должны определять главным образом, тот экономический интерес предприятий и их конечный результат, который позволяет правильно планировать виды и объемы выпускаемой продукции, а также допустимый расход ресурсов и величины предполагаемых ресурсов.

Мы считаем, что трудоемкость продукции (работ, услуг) является одним из главных показателей, обобщающих технико-экономическую характеристику деятельности первичного социума – предприятия.

В связи с переходом на рыночные отношения возрастает роль противозатратного подхода к хозяйственной деятельности предприятий. Уже на стадии заключения договора (контракта) необходимы быстрые многовариантные расчеты основных технико-экономических показателей производства конкретного вида изделий. Показатель трудоемкости, с одной стороны, является основным критерием технологичности конструкции изделия, с другой стороны, на основе этого показателя разрабатывается вся система технико-экономических показателей.

Нормировать трудоемкость – значит установить количество труда, необходимого для производства какой-либо продукции. В этом смысле нормирование труда является неотъемлемой функцией любого общественного производства.

В зависимости от того, как полно учитываются затраты рабочего времени на изготовление продукции, содержание трудоемкости меняется. В настоящее время наиболее распространенным показателем в технико-экономическом планировании и управлении предприятием является показатель технологической трудоемкости (метод

суммирования нормированного рабочего времени на изготовление изделия по всем технологическим операциям и переделам) и метод удельных трудоемкостей.

Нормативная трудоемкость продукции измеряется в нормо-часах. Фактическая трудоемкость продукции исчисляется делением фактически затраченного рабочего времени в человеко-часах или в человеко-днях на общий объем продукции в натуральных или стоимостных измерениях.

Приведенные определения показывают, что оба показателя, по нашему мнению, являются индикаторами соответствующих процессов в социально-трудовых отношениях и могут стать количественными критериями оценки состояния организации социального партнерства в сфере труда. Действительно, измерение трудоемкости в нормо-часах отражает состояние системы норм и нормативов, применяемых в организации процессов социального партнерства в области конкретных трудовых отношений. Измерение же трудоемкости в человеко-часах показывает фактические издержки живого труда в конкретных производственно-технических условиях производства. В этом показателе отражаются как регламентированная законом продолжительность рабочего дня, так и затраты живого труда за пределами регламента (сверхурочные), на преодоление различного рода помех, возникающих в организации труда (простои) и технологических отступлений.

Рассмотрим с позиций социального партнерства некоторые показатели, используемые в официальной науке и статистике труда.

Следует иметь в виду, что в понятии «трудоемкость» находит свое выражение соотношение понятий «трудовой ресурс» и «трудовой потенциал», поскольку с одной стороны трудоемкость изделия или операции отражает результат проявления и развития профессиональных и личных качеств и способностей человека (трудовой ресурс), а с другой – уровня реализации этих способностей: требования, предъявляемые рабочим местом исполнителю работы – человеку (трудовой потенциал). Вместе с тем, необходимо указать на то, что трудовой потенциал рабочего места формируется исходя из возможностей человека как организма и как личности. Следовательно, в основе определения и трудового ресурса, и трудового потенциала лежит так называемый «человеческий фактор», «человек работающий» («homo faber»), который, собственно говоря, напрягая свой организм в процессе труда при совершении трудовых действий с одной стороны функционирует адекватно общей нагрузке (тяжесть, сложность, санитарно-гигиенические условия труда), присутствующей на рабочем месте; а с другой стороны формирует генерализованную реакцию в ответ на эту нагрузку в виде физической, интеллектуальной напряженности. Здесь ярко проявляет себя так называемый «антропоцентрический подход» [5], отдающий приоритетную роль исполнителю работы – человеку, как в формировании процесса труда, так и организации своего окружения в виде рабочего места.

Обе эти стороны (трудовой процесс и рабочее место) с акцентом исследований на человеке, его личности, изучаются комплексной научной дисциплиной, называют э р г о н о м и к о й [3, 4, 5].

Длительные исследования по организации труда на рабочих местах различных предприятий ряда отраслей промышленности [4, 5], позволили нам прийти к выводу о том, что качество трудовой жизни, как и качество труда (процессов труда) можно оценивать на основе интегрального показателя эргономичности рабочего места, который, в свою очередь, конструируется из двух количественных показателей: эргономичности выполняемых на рабочем месте трудовых процессов и эргономичности условий труда.

Под э р г о н о м и ч н о с т ь ю р а б о ч е г о м е с т а понимается набор свойств и признаков рабочего места, который способствует высокой производительности труда, высокому качеству производимой продукции; создает оптимальное соотношение «рабочая нагрузка – напряженность организма», переживаемое субъективно человеком как удобство пользования этим рабочим местом, как его комфортность при выполнении исполнителем предусмотренного комплекса единичных процессов труда (технологических операций).

Эргономическое нормирование труда – это определение количества и качества живого труда с учетом отношения рабочей нагрузки к совокупной (физической и интеллектуальной) напряженности организма, выражаемого уровнем его работоспособности. Базовой (первичной) процедурой эргономического нормирования труда является расчет трудоемкости единичного процесса труда (технологической операции) и их комплекса, совершаемого на рабочем месте с определением коэффициента интенсивности труда как произведения четырех коэффициентов: тяжести, сложности, условий труда и эмоциональной напряженности.

В самом общем виде оценка эргономичности рабочих мест должна ответить на вопрос: в какой мере различные параметры изучаемого рабочего места и совершаемых трудовых процессов соответствуют возможностям исполнителя работы – «человека – оператора». При этом степень эргономичности рабочего места формируется системой количественных его показателей, которые можно определить прямым измерением изучаемого свойства (например, высота рабочей поверхности, ее ширина, длина; усилия, совершаемые человеком при выполнении процесса труда; уровень освещенности и пр.), а также системой качественных (квалиметрических) его показателей, которые определяют количественную меру сочетаний физических и других (эстетических, например, уровень комфортности рабочего места; социально-психологических – уровень личностных взаимоотношений; психофизиологических – динамика функциональных состояний организма и т.п.) факторов, в конечном итоге влияющих на форму производственной функции рабочего места. Вместе с тем хотелось бы отметить, что даже те признаки и свойства, которые можно измерять непосредственно, всегда должны сравниваться с некоторыми стандартными значениями или их диапазонами, то есть в конечном итоге в каждом конкретном рассматриваемом эргономическом свойстве или признаке уже изучаются некоторые соотношения параметров, а значит здесь мы переходим в область квалиметрической науки. Поэтому полагаем, что при построении эргономической модели рабочего места в любом случае речь идет о его качественной, квалиметрической модели.

Квалиметрическая оценка эргономичности рабочего места (эргономическая его экспертиза) должна быть основана на подробном анализе совершаемых исполнителем единичных процессов труда (технологических операций), полного их набора, формирующего функциональное назначение рабочего места. Алгоритмический анализ выполняемых технологических операций позволяет сразу же акцентировать внимание на тех видах рабочей нагрузки, которые вызывают напряжение организма при реализации единичных процессов труда. Далее выявленные источники повышенной (или пониженной) нагрузки дают возможность перейти к рассмотрению причин изменения величины нагрузки по сравнению с нормой, которые могут заключаться в конструкции рабочего места (оборудование, оснастка, инструмент); условиях труда, особенно санитарно-гигиенических; технологических процессах; организационно-технических условиях и т. п.

В единичном процессе труда, являющегося цементирующей связью всех факторов, присутствующих на рабочем месте, по аналогии с реакциями связей в механике отражаются соотношением многих параметров, формируемых как техникой, производственной средой, так и человеком. При этом мы не зря упомянули и о негативном влиянии пониженных нагрузок, поскольку, во всяком случае, относительно двух базовых показателей: тяжести и сложности трудового процесса; с одной стороны, недостаток двигательной активности (особенно это касается диспетчерских, операторских специальностей) может привести к быстрому утомлению, а при постоянном повторении и к различного вида заболеваниям (остеохондрозы, застой крови в нижних конечностях, варикозное расширение вен и т.п.), а с другой стороны – недостаток информационной нагрузки (депривация) вводит работника в сонное состояние, резко снижающее производительность труда, формирует отрицательную мотивацию к выполняемой работе, ее непрестижность, и так же, как и пониженный уровень двигательных действий, может вызвать различные расстройства организма, в том числе и психического порядка. Именно поэтому при эргономической оценке

речь идет об оптимизации энергетических и информационных нагрузок и используются для их оценки биполярные шкалы, в которых оптимальные значения измеряемых функций находятся в области, близкой к единице; что касается нагрузки производственной среды (санитарно-гигиенические условия труда) и нервно-эмоционального напряжения, то для них имеет смысл говорить лишь о превышении над нормальными величинами, регламентируемыми соответствующими гигиеническими стандартами (ПДК, ПДУ, уровень стрессоустойчивости и др.), поэтому для этих видов нагрузок нами выстроены шкалы однополярные с постепенным увеличением степени действия нагрузки по отношению к нормальным условиям, которые также отражаются единицей на относительной шкале каждого из описываемых видов нагрузок.

Квалиметрический метод оценки эргономичности рабочего места, предлагаемый нами, представляет собой, собственно говоря, экспертную оценку факторов трудового процесса, условий труда и конструкции (компоновки) рабочего места с точки зрения их соответствия психофизиологическим возможностям человека-оператора. Эргономическую экспертизу рабочего места целесообразно совмещать с аттестацией его по условиям труда, тем более что, первый уровень оптимизации систем «человек – техника – производственная среда» (СЧТС) – это создание безопасных условий труда; то есть аттестация в современном виде представляет собой часть широкого фронта эргономических работ по достижению в конечном итоге высокой производительности и комфортности рабочего места.

Результатом эргономической оценки рабочего места является определение ее интегрального показателя, складывающегося из пяти основных групповых показателей, каждый из которых в свою очередь представляет суммарную характеристику частных (единичных) параметров рабочего места. Единичные параметры определяются в балльной системе следующим образом: параметр полностью соответствует эргономическому требованию (нормативу) – 3 балла; параметр частично совпадает с диапазоном (величиной) эргономического норматива – 2 балла; параметр только касается (незначительно совпадает) с границами оптимального диапазона эргономического требования – 1 балл; параметр совершенно не совпадает с оптимальным размахом эргономического требования – 0 баллов.

В самом общем виде, в понятийном плане, интегральный показатель результатов эргономической экспертизы рабочего места выступает в виде показателя его эргономичности (степени эргономичности).

Результаты эргономической экспертизы отражаются в виде «Карты эргономической экспертизы рабочего места», пример формирования которой представлен ниже (табл.1).

Таблица 1

КАРТА ЭРГОНОМИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ № 01

рабочего места Фрезеровщика
(профессия, должность работника)

Производственный объект: ОАО ПО «Редуктор» Цех (отдел): Цех № 11

Рабочее место № 01 Количество аналогичных рабочих мест 1

№ п/п	Групповой эргономический показатель	Единичные показатели	Параметры				
			Наименование	Единица измерения	Норматив	Измеренное значение	Баллы
1	2	3	4	5	6	7	8
1	Антропометрический	1.1. Требования к размерам рабочей поверхности	Высота	мм	750-1000	1000	3
			Ширина	мм	не более 1550	1200	3
			Глубина	мм	не более 800	650	3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НОРМИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

		1.2. Требования к пространству для ног	Проем под рабочей поверхностью	мм	не менее 100	Отсутствует	1
			Выемка для ступней	мм	не менее 125	Отсутствует	1
		1.3. Требования к зонам моторного поля	Предельная досягаемость рук	мм	1550	1550	3
			слева–направо	мм	1400	1400	3
			сверху–вниз	мм	800	700	2
			спереди–назад				
			Допустимая досягаемость рук	мм	1350	1350	3
			слева–направо	мм	770	770	3
			сверху–вниз	мм	730	730	3
			спереди–назад				
Величина группового показателя (M_i), баллы 1,695							
2	Биомеханический	2.1. Требования к органам управления	Форма ОУ			Надежность Удобство Безопасность	Соответствует нормативам 3
		2.2. Требования к усилиям перемещения ОУ	Усилия перемещения для кнопок	кг	0,6-1,2	0,8	3
		2.3. Требования к перемещению ОУ	Точность перемещения				Соответствует норме 3
			Скорость перемещения	об/сек	0,5-2,0	0,5	3
		2.4. Требования к группированию ОУ	Функциональная группировка				Соответствует нормативам 3
			Расстояние между ОУ	мм	16-22	20	3
		2.5. Требования к кодированию ОУ	Кодирование надписями				3

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

		2.6. Соотношение «физическая нагрузка-физическая напряженность организма»	Максимальный коэффициент тяжести		0,6-1,0	1,18	2
Величина группового показателя (M_i), баллы 2,788							
3	Гигиенический	3.1. Степень опасности ОВПФ	Коэффициент условий труда		1,0	1,04	2,0
Величина группового показателя (M_i), баллы 2,00							
4	Психофизиологический	4.1. Требования к параметрам зон размещения СОИ	Размеры сенсорного поля. Латеральный (боковой) угол: – влево – вправо Вертикальный угол: – вверх – вниз Оптимальная зона сенсорного поля Латеральный (боковой) угол: – влево – вправо Вертикальный угол: – вверх – вниз				
				град	95	95	3
				град	95	95	3
				град	75	75	3
				град	85	85	3
				град	15	15	3
				град	15	15	3
				град	0	0	3
				град	30	30	3
							Соответствуют нормативам
4	Психофизиологический	4.1. Требования к параметрам зон размещения СОИ	Размеры сенсорного поля. Латеральный (боковой) угол: – влево – вправо Вертикальный угол: – вверх – вниз Оптимальная зона сенсорного поля Латеральный (боковой) угол: – влево – вправо				
				град	95	95	3
				град	95	95	3
				град	75	75	3
				град	85	85	3
				град	15	15	3
				град	15	15	3

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ НОРМИРОВАНИЕ В СИСТЕМЕ КАЧЕСТВА ТРУДОВОЙ ЖИЗНИ

		4.2. Требования к взаимному размещению ОУ и СОИ на оборудовании	– влево – вправо Вертикальный угол: – вверх – вниз	град град	0 30	0 30	Соответствуют нормативам	3 3 3
		4.3. Требования к расположению СОИ в зонах сенсорного поля	Объединение в функциональные блоки				Соответствует нормативам	3
			Минимальные угловые размеры СОИ	минуты	не менее 12'		нормативам 12'–1°	3
			Расположение блоков СОИ		должны находиться в поле зрения		Соответствует нормативам	3
		4.4. Требования к группированию СОИ на оборудовании	Количество СОИ в одной группе	шт.	не более 7			3
			Соблюдение принципов группировки			34	Соответствует нормативам	3
		4.5. Требования к информационной нагрузке	Число СОИ для одновременного наблюдения	шт.	не более 9			3
			Частота переключения внимания		не более 1 переключения за 2 сек	3		3
			Число элементов, требующих запоминания	шт.	Одновременно не более 4		Работник сам регулирует эту частоту	3
			Коэффициент очереди (вероятность обработки информации в условиях очереди)		Максимальный равен 1,0			3

КАЧЕСТВО ЖИЗНИ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ АСПЕКТ

		4.6. Оптимальный режим труда и отдыха				Соответствует нормативу 1,0	2
			<p>Работоспособность</p> <p>$\sigma = 0,09$ $r = 0,78$</p> <p>Часы смены</p> <p>Баланс рабочего времени</p>				
		4.7. Соотношение «информационная нагрузка–интеллектуальная напряженность организма»	Максимальный коэффициент сложности		0,7-1,0	1,15	2
<p align="center">Величина группового показателя (M_i), баллы</p> <p align="center">2,90</p>							
5	Психологический	5.1. Требования к психическим процессам (познавательным, волевым, психомоторным)	Коэффициент эффективности выполнения тестового задания на умственную работоспособность		0,7-1,0	0,8372	3
		5.2. Требования к уровню нервно-эмоционального напряжения	Коэффициент эмоциональной напряженности		не более 1,0	1,0	3
<p align="center">Величина группового показателя (M_i), баллы</p> <p align="center">3,00</p>							
Коэффициент тяжести технологической операции, K_T (максимальное значение)			1,18	Нормативное оперативное время, н-час		0,0077	

Коэффициент сложности технологической операции, K_c (максимальное значение)	1,15	Нормативное штучное время, н-час	0,008 7
Коэффициент санитарно-гигиенических условий труда, K_y	1,04	Нормативное штучно-калькуляционное время, н-час	–
Коэффициент эмоциональной напряженности, K_o	1,00	Трудоемкость, т-час	0,012 2
Коэффициент интенсивности единичного процесса труда, КИТ (максимальное значение)	align="center">1,411	Интегральный эргономический показатель, баллы	12,38 3
		Коэффициент эргономичности рабочего места, γ	0,825
Категория эргономичности	III	Характеристика рабочего места	Вполне эрго- но- мич- ное

Идентификация единичных эргономических показателей и определение степени их соответствия эргономическим стандартам проводятся с использованием трех типов шкал:

1. Относительные шкалы признаков. В этом случае берется отношение измеренного эргономического фактора к его предельно допустимому или оптимальному уровню. Такого рода шкалы используются для оценки тяжести, сложности процесса труда, а также его санитарно-гигиенических условий.

2. Абсолютные шкалы с выделением нормального (оптимального) интервала возможных колебаний измеряемого эргономического свойства. Например, зоны досягаемости рук (допустимая, оптимальная, предельная), развиваемые усилия при перемещении органов управления (ОУ), количество средств отображения информации (СОИ) для одновременного восприятия и т.п.

3. Знаковые, качественные шкалы, устроенные по типу ответа: «да–нет». В качестве примера можно привести оценку наличия или отсутствия объединения ОУ или СОИ в специальные функциональные блоки, использование или отсутствие цветового кодирования индикаторов, шкал, кнопок, тумблеров и пр. Последовательность эргономической оценки качества рабочего места включает в себя несколько этапов.

На п е р в о м этапе проводят алгоритмический анализ единичных процессов труда, выполняемых на рабочем месте, на основе которого определяют коэффициенты тяжести и сложности всего набора реализуемых технологических операций.

В т о р о й этап посвящен выявлению полного перечня единичных эргономических показателей рабочего места, эргономический анализ которых необходимо осуществить. Такую процедуру позволяет провести использованный на предыдущем этапе микроэлементный анализ реализуемых единичных трудовых процессов, он дает возможность сосредоточиться на оценке факторов, главным образом влияющих на формирование рабочей нагрузки.

На втором этапе последовательно просматриваются нормативные данные единичных эргономических требований для каждого группового показателя, исключая те виды норм, которые не следует принимать во внимание (то есть факторы, оцениваемые по этим нормам, отсутствуют).

На т р е т ь е м этапе осуществляется подбор величины (или диапазонов величин) эргономических нормативов в соответствии с данными, представленными ранее в перечне норм и нормативов эргономической экспертизы рабочих мест, после че-

го их количественные значения заносятся в графы «единица измерения» и «норматив» эргономической карты.

На ч е т в е р т о м этапе необходимо произвести инструментальные измерения и соответствующие расчеты единичных параметров рабочего места, присвоив каждому из них адекватный балл. В случае отсутствия мерительных средств оценку единичного параметра следует производить по субъективной схеме:

3 балла – величина (значение) параметра обеспечивает значительное удобство использования оборудованием, оснасткой, инструментом и в целом рабочим местом;

2 балла – параметр позволяет вполне удобно использовать элементы и все рабочее место при выполнении должностных обязанностей;

1 балл – величина параметра приводит к неудобствам в работе, вызывает нарекания исполнителя;

0 баллов – параметр вызывает существенное неудобство в работе, требует немедленного изменения в сторону улучшения, вплоть до приостановления работы.

В том случае, когда эксперт, проводящий эргономическую оценку рабочего места, сомневается, какую из четырех вышеназванных градаций значения признака выбрать, следует обратиться за консультацией к конкретному работнику (работникам), выполняющим процессы труда на исследуемом рабочем месте.

П я т ы й этап включает в себя расчет величины каждого из групповых показателей по формуле:

$$M_i = x_{\min} + 0,9 \left(\frac{x_{\text{cp}} - x_{\min}}{x_{\max} - x_{\min}} \right), \quad (1)$$

где M_i – величина i -го группового показателя, баллы; x_{\min} – минимальное значение единичного показателя в системе группового, баллы; x_{cp} – среднее значение всех единичных факторов, входящих в изучаемый групповой показатель, баллы; x_{\max} – максимальное значение единичного показателя в системе группового, баллы.

На ш е с т о м этапе находится коэффициент эргономичности рабочего места:

$$\gamma = \frac{\sum_{i=1}^n M_i}{15}, \quad (2)$$

где M_i – величина i -го группового показателя, баллы.

С е д ь м о й этап включает в себя оценку категории эргономичности рабочего места по специальной таблице (табл. 2).

Таблица 2

Категории эргономичности рабочего места

Коэффициент эргономичности, γ	0,33-0,45	0,46-0,59	0,60-0,85	0,86-1,00
Категория эргономичности	I	II	III	IV
Характеристика рабочего места	Дезинтегральное	Низко эргономичное	Вполне эргономичное	Оптимально-эргономичное

В о с ь м о й этап посвящен формированию заключения эргономической экспертизы, включающее в обязательном порядке рекомендации по оптимизации функционирования изученного рабочего места.

В самом общем виде оценка качества рабочих мест на основе их эргономической экспертизы, а также качества и количества труда на базе эргономического анализа

трудовой деятельности способствует построению пространственно-энергоинформационной модели рабочих мест, которая может использоваться как для оценки качества трудовой жизни индивида или группы людей, формирующей трудовой коллектив, так и в технико-экономических расчетах по оптимизации целевой производственной функции подразделений и предприятия в целом.

* * *

1. Азгальдов Г.Г., Бобков В.Н., Ельмеев В.Я., Перевошиков Ю.С., Беляков В.А. Квалиметрия жизни. М.: ВЦУЖ. Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ. 2006. – 820 с.

2. Бобков В.Н., Мстиславский П.С., Маликов Н.С. Качество жизни: вопросы теории и практики. М.: ВЦУЖ. 2000. – 384 с.

3. Орефков В.В. Психофизиологические особенности трудовой деятельности. Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ. 2004. – 140 с.

4. Орефков В.В. Эргономическая экспертиза рабочих мест. Сборник нормативно-методических материалов. Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ. 2005. – 36 с.

5. Орефков В.В., Перевошиков Ю.С. Эргономическое нормирование труда. М.: ВЦУЖ. Ижевск: Изд-во ИЭиУ УдГУ. 2007. – 934 с.